

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1983

В. А. ЖУКОВСКИЙ
1783-1983

ВСТРЕЧА Ю. В. АНДРОПОВА С МОС

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов посетил Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе. Товарищ Ю. В. Андропов побывал в цехах предприятия, ознакомился с продукцией завода. В бригадах и на участках Юрий Владимирович Андропов беседовал с рабочими и мастерами, интересовался организацией их труда, учебы и отдыха.

В механосборочном цехе Ю. В. Андропов поинтересовался, как обстоит дело с кадрами.

Директор завода Н. С. Чикирев ответил, что здесь есть серьезная проблема.

Ю. В. Андропов. Какая?

Н. С. Чикирев. Не хватает слесарей, электромонтажников, слабо идет молодежь. Это проблема не только Москвы, но и других городов. На заводе есть трудности с набором станочников.

Ю. В. Андропов. А каковы заработки станочников?

Н. С. Чикирев. Заработки приличные.

Ю. В. Андропов обращается к строгальщику С. А. Королеву: Давно работаете?

С. А. Королев. Семь лет.

Ю. В. Андропов. И все время у станка?

С. А. Королев. Все время.

Ю. В. Андропов. А заработки какие?

С. А. Королев. Нормальные.

Ю. В. Андропов. Ну все-таки?

С. А. Королев. Рублей 250 выходит.

Ю. В. Андропов. А слесарь больше получает?

С. А. Королев. Да нет, примерно столько же.

В следующем цехе речь зашла о реконструкции завода, о некоторых изделиях предприятия. Ю. В. Андропов поинтересовался конкурентоспособностью станков на мировом рынке, каким странам они продаются.

Ю. В. Андропов. Какую техническую помощь ваш завод оказывает предприятиям социалистических стран?

Н. С. Чикирев. Мы поставляем продукцию своего завода в страны — члены СЭВ. К нам приезжают для изучения опыта специалисты, рабочие из социалистических стран. Осуществляются прямые связи. Так, к нам приезжают чехословацкие друзья. Мы у них тоже бываем.

Ю. В. Андропов обращается к наладчику автоматических станков Б. А. Шунину: Вы давно работаете на этом заводе?

Б. А. Шунин. Двадцать лет.

Ю. В. Андропов. А на этой линии?

Б. А. Шунин. Шесть лет.

Ю. В. Андропов. И много надо времени, чтобы ее освоить?

Б. А. Шунин. Все время приходится осваивать новое.

Ю. В. Андропов. Трудно это?

Б. А. Шунин. Трудно, но надо осваивать.

В разговор вступает ветеран производства наладчик М. Ф. Скрипкин: Юрий Владимирович, когда освоишь, то работать нетрудно.

Ю. В. Андропов. Но ведь после этого опять что-то новое дадут?

М. Ф. Скрипкин. Будем и это осваивать, такая наша должность.

Ю. В. Андропов. По секрету один вопрос. Сколько вы получаете?

М. Ф. Скрипкин. Достаточно.

Ю. В. Андропов. А какая семья у вас?

М. Ф. Скрипкин. Двое мы.

Проходя мимо станка, за которым стоит молодой рабочий, Н. С. Чикирев поясняет: «А это мой сын. Окончил институт и решил поработать у станка».

Ю. В. Андропов. Вы какой институт кончали?

В. Н. Чикирев. Станкоинструментальный. До института работал на этом заводе. Сразу после школы пришел сюда. У нас семейная династия, мать ведь тоже работает на этом заводе.

Ю. В. Андропов. Почему решили идти к станку?

В. Н. Чикирев. Чтобы лучше знать процесс создания станков, надо непосредственно на них поработать.

К Ю. В. Андропову подходит ветеран завода сверловщица В. П. Чайка.

В. П. Чайка. Работаю на заводе сорок второй год. На пенсию пошла, проводили хорошо. Дома все у меня тоже хорошо шло. Но что я дома буду делать? Лучше на работе, в коллективе. Здесь меня ценят. Много теплых слов говорят. Я на заводе с 1942 года, пятнадцатилетней девчонкой пришла. Помню, меня тогда за хорошую работу маленьким поросенком премировали. Буду работать на заводе, пока у меня силы есть.

* * *

Затем во время рабочего перерыва в конференц-зале завода товарищ Ю. В. Андропов встретился с представителями цехов и заводоуправления — рабочими, бригадирами, техниками, инженерами, руководителями предприятия, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций.

Встречу открыл секретарь парткома завода В. М. Кубрин.

Об истории завода, о ходе социалистического соревнования, о претворении в жизнь коллективом предприятия решений XXVI съезда КПСС, ноябрьского Пленума ЦК КПСС, о технико-экономических показателях и перспективах станкостроения рассказал директор завода Н. С. Чикирев.

После ноябрьского Пленума ЦК КПСС, заявил он, коллектив завода глубже взглянул на проблему дисциплины. Наш завод наряду с другими предприятиями Москвы вышел с инициативой улучшить организацию труда, повысить трудовую и производственную дисциплину. Принято решение за счет сокращения потерь рабочего времени в 1983 году повысить производительность труда минимум на полтора-два процента. Думаю, что работа, которую мы сейчас проводим по укреплению трудовой дисциплины, действительно очень важна. Мы видим свои недостатки, знаем, как с ними бороться. Нам по плечу справиться с теми задачами, которые были выдвинуты на Пленуме ЦК КПСС. Для успешного выполнения установленных напряженных планов коллектив предприятия принял на этот год серьезные социалистические обязательства. Они обсуждены в коллективах, на общем собрании. Мы обязались план текущего года выполнить к 27 декабря.

Затем к присутствующим обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Дорогие товарищи! Большое вам спасибо за теплую встречу. Я воспринимаю такое ваше отношение как аванс на будущее и постараюсь работать так, чтобы оправдать ваше доверие. Естественно, что это я отношу не к себе лично, а к Центральному Комитету и Политбюро. Спасибо вам за это.

Хотел бы от имени Центрального Комитета партии выразить вам признательность за то, что вы вместе с другими московскими коллективами поддержали решения ноябрьского Пленума Центрального Комитета. Отрадно, что решения Пленума находят живой отклик во всех трудовых коллективах по всей стране. Значит, то, о чем говорилось на Пленуме, действительно затронуло интересы людей. Мы чувствуем единодушную поддержку советским рабочим классом решений партии, направленных на дальнейшее развитие экономики страны.

Ваш замечательный коллектив доказал, что он является хорошей опорой партийной организации города и что городской комитет партии и Центральный Комитет партии могут на него положиться.

Товарищи, здесь уже говорили о большом значении ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Оно определяется не только тем, что на Пленуме были намечены пути развития народного хозяйства нашей страны на текущий год, выдвинуты большие задачи, связанные с масштабами нашего строительства, нашего производства. А оно у нас поистине огромное. Ни одна страна в мире не производит столько, скажем, стали, нефти и другой продукции. Решения Пленума важны еще и потому, что они учитывают ряд трудностей, с которыми мы сталкиваемся и еще можем столкнуться при осуществлении плана этого года.

Кое-где, например, звучат голоса, что вот, мол, нам недодают металла, не хватает электроэнергии. Это надо поправлять. Но мы также исходим из того, что коммунисты, руководители предприятий, все трудовые коллективы, и ваш в частности, изыщут внутренние резервы для того, чтобы обеспечить всемерную экономию всех видов ресурсов.

Как вы помните, на Пленуме был остро поставлен вопрос об отставании на ряде важнейших участков нашей хозяйственной деятельности от показателей, намеченных пятилеткой. Говорилось и о том, что производительность труда растет такими темпами, которые ныне не могут нас удовлетворять. Наверное, вы и по себе чувствуете, что наши дела в экономике идут не так хорошо, как хотелось бы.

Речь идет вот о чем. То, что мы производим, обходится нам нередко слишком дорого. Есть значительные перерасходы материальных, финансовых средств, чрезмерны трудовые затраты. И как следствие — образование диспропорции между ростом производства и ростом денежных доходов населения.

Вот один из источников диспропорции. Всем вам знакомо выражение «скорректировать план». Признаться, мне не доводилось слышать, чтобы такая корректировка происходила в сторону увеличения планового задания. Если говорят надо «скорректировать», то, значит, речь идет об уменьшении. **(Смех в зале).** Нетрудно представить, к чему это приводит. Выпуск продукции уменьшается, а зарплата остается прежней. Больше того, за выполнение сниженного плана нередко еще дают и премии. Если перевести это в общегосударственный масштаб, получается разрыв между товарной массой в магазинах и деньгами у населения.

Чудес, как говорится, на свете не бывает. Вы сами понимаете, что государство может дать товаров ровно столько, сколько их произведено. Рост зарплаты, если он не обеспечен товарами нужными, хорошими, если, наконец, хромает сфера услуг, дать реального увеличения материального благосостояния не может.

Возникает вопрос: какой же выход из такого положения?

Можно, конечно, идти по пути повышения цен. Но нам такой путь, как генеральный, не годится. Хотя, надо сказать, в ценах у нас есть известные перекосы, несоответствия, и мы вынуждены их устранять.

Что же остается? Главный путь для нас — это повышение эффективности производства. Надо все, что мы делаем и производим, делать и производить по возможности с наименьшими издержками, с высоким качеством, быстро, добротно. Производить товаров нужно больше, чтобы на полках не было пусто. Я фигурально говорю. Вы можете сказать, что ваши станки в магазины не идут. Но в конце концов и ваше производство способствует выпуску товаров, которые идут в торговлю.

На Пленуме говорилось, что нынешний год — сердцевинный год пятилетки. Надо доделать то, что мы, прямо говоря, не сделали за первые два года, и постараться наверстать упущенное, создать условия для нормальной работы в последние два года пятилетки.

Важно улучшать качество работы, убыстрять ее темп, удешевлять производство продукции. Вот

...ковскими станкостроителями

какая неотложная задача встала перед нами.

Где же, говоря ленинскими словами, то самое звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь? Цепь-то большая, тяжелая. И хотя нельзя все сводить к дисциплине, начинать надо, товарищи, именно с нее.

ЦСУ дало справку, что мы теряем миллионы человеко-часов за счет отлучек с производства, перекуров, прогулов, да еще кто-то работает спустя рукава.

Мы сейчас должны сделать все для того, чтобы у нас каждый, повторяю, каждый выполнял свою норму, свое производственное задание. Требование это отнюдь не чрезмерное.

Вот у нас есть передовики. Хвала им и почет. Это — застрельщики, маяки, на которые мы ориентируемся. Но усилиями одних лишь передовиков мы не сможем решить задачу. Нужно, чтобы каждый ежедневно выполнял установленное задание. Тогда мы сможем решить задачу, о которой я сказал. Решить всем миром, всем трудовым народом.

Поэтому просьба к вам: посмотреть, что надо сделать, чтобы задание выполнял каждый. Если надо кому помочь — помогите.

Почему на Пленуме ЦК КПСС так остро был поставлен вопрос о трудовой дисциплине?

Прежде всего — это требование жизни. Потому что без должной дисциплины — трудовой, плановой, государственной — мы быстро вперед идти не сможем. Наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный. Прогульщик, бракодел, лодырь наносят ущерб не столько себе, сколько коллективу, всему обществу в целом.

Хочу особо подчеркнуть, когда мы говорим о дисциплине, имеется в виду вся трудовая производственная цепочка. И, конечно, все наши усилия пойдут насмарку, если развернувшаяся борьба за дисциплину скользнет по поверхности, разменяется на мелочи: кто-то опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры. Конечно, хвалить за это нельзя. Навести порядок повсюду, где теряются рабочие минуты, необходимо.

Речь идет о серьезном отношении ко всем аспектам производственной дисциплины, в том числе и технологической, снабженческой и так далее. Надо, чтобы во всех звеньях нашего производства сказался эффект от повышения дисциплины.

Нам нужна сознательная, рабочая дисциплина, такая, которая двинула бы вперед производство. Нам надо наполнить борьбу за дисциплину большим содержанием, связать ее непосредственно с выполнением производственных заданий, тогда не будет, так сказать, пустого выхлопа. Тогда будет выполнено то, что наметил ноябрьский Пленум Центрального Комитета партии.

Далее Ю. В. Андропов остановился на некоторых актуальных вопросах международной обстановки. Вы знаете, сказал он, что на XXVI съезде партии Л. И. Брежнев в докладе подчеркнул, что обстановка накаляется, что военная опасность возрастает. Наша партия, Советское государство делают все, чтобы отвести эту угрозу, отстоять мир.

Нетрудно понять: чем больше наши успехи, чем крепче наша экономика, чем лучше обстоят дела в нашем народном хозяйстве, тем крепче будут наши международные позиции, тем прочнее будет мир на земле.

Хочу пожелать вам успехов в труде на благо нашей Родины и выразить уверенность, что вы долг свой выполните с честью. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Если у вас есть ко мне какие-нибудь вопросы, пожалуйста, задавайте. И еще мне бы хотелось услышать от вас, что делается еще не так или не совсем так в деле наведения дисциплины, что надо еще сделать, чтобы двинуть вперед производство.

Слово берет начальник сборочного цеха К. И. Мещанкин. Он рассказывает о работе цеха, о выпускаемой продукции. План нам дали большой, но мы постараемся его выполнить. Будем поставлять линии харьковскому заводу «Серп и молот» для двигателя комбайна «Дон-1500».

Ю. В. Андропов. Это, кстати говоря, очень нужная машина, которую ждет вся страна.

К. И. Мещанкин. Приложим все силы, чтобы свою задачу выполнить.

Мы собирали партсобрание по ноябрьскому Пленуму. Наш рабочий коллектив по-своему воспринял его решения.

Ю. В. Андропов. А как это по-своему?

К. И. Мещанкин. Прежде всего каждый по-новому почувствовал свою ответственность за дело, за дисциплину. Так что в этом отношении Пленум выразил и наши чувства, настроения. Мы ждали этих решений. Мы и впредь будем повышать чувство ответственности, деловитости, настойчиво избавляться от недостатков. Партийное собрание цеха поручило разработать конкретные предложения, которые касаются улучшения труда всего нашего коллектива. Сейчас эти предложения разработаны и внедряются в повседневную жизнь цеха.

Выступает слесарь-сборщик, Герой Социалистического Труда В. Г. Комаров: Работаю я в цехе сборки уникальной техники. Автоматические линии, сложнейшие станки, станки с программным управлением делаются руками наших заводских рабочих. Разговор, который у нас сегодня состоялся,— нужный, хороший разговор. Как вывод скажу: мы обязаны сейчас работать так, чтобы никому не было стыдно за нас. Чтобы те планы, которые наметил XXVI съезд партии, майский и ноябрьский Пленумы ЦК КПСС, не просто выполнить, а выполнить с душой, с перевыполнением! Добиться выпуска, как Вы, Юрий Владимирович, сказали, только высококачественной продукции. Я являюсь секретарем партийной организации в цехе. От имени коммунистов скажу — дисциплина, как Вы справедливо отметили, это не только подсчет минут опоздания...

Ю. В. Андропов. Да, не сводить дело только к этому.

В. Г. Комаров. Мы приняли на нашем собрании твердое решение — создать нетерпимую обстановку в целом ко всем нарушениям. И при этом главной остается задача — сконцентрировать усилия для реализации предложений, направленных на увеличение производительности труда, сокращение потерь рабочего времени, производственных потерь. Нужно также сделать все для коллектива, создать такие условия, чтобы когда приходишь на работу, работа тебя радовала, удовлетворяла. Радовало то, что сделано тобой сегодня. Вот простой пример. У меня работал молодой рабочий — Степаненков Михаил. Мы делали вместе один станок. И мне было интересно видеть, как он смотрел с живым интересом на собранный и работающий станок. Мне даже удивительно стало. А паренек подошел к станку и сказал: «Смотрите, ведь работает!» И еще мне очень приятно, что вместе со мной в цехе работают такие корифеи нашего дела, как Федор Кузьмич Бухарев, Алексей Федорович Шумилкин. Хорошо, что именно такие люди ведут у нас воспитание молодых рабочих. Как мы воспитаем свою смену, так они и будут работать. Что мы заложим в них, то и отдадут они потом родному заводу.

Слово берет начальник цеха отделочных работ Т. А. Комарова. В цехе у нас работает более половины кадровых рабочих, сказала она, а остальные — молодежь. Поэтому вопрос воспитания, обучения молодых рабочих профессиональным навыкам у нас стоит очень остро. Мы уделяем этому вопросу большое внимание. Например, бригады организованы так, что в каждой из них есть молодые рабочие и есть наставники. Возглавляют бригады коммунисты. Цех в основном женский. Очень мало мужчин.

Ю. В. Андропов. Что же вы их не пускаете в цех?

Т. А. Комарова. Да знаете, мужчины не очень-то идут к нам работать.

Ю. В. Андропов. Почему?

Т. А. Комарова. Приходят и уходят. Им кажется у нас очень тяжело, поскольку производство вредное, и они себя берегут. Так вот, с женщинами, конечно, иногда сложно работать. Однако есть и плюсы большие. Вот, к примеру, у нас за редким исключением нет опозданий, прогулов. У нас другая незадача. Велики еще внутрисменные потери. И вот с ними мы сейчас очень серьезно боремся.

Ю. В. Андропов. А отчего они образуются?

Т. А. Комарова. По-разному. Бывает, поступают недостаточно хорошие лакокрасочные материалы, а это очень затрудняет работу. Мы вынуждены иногда переделывать работу только лишь потому, что используем некачественные материалы. Бывает, что не вовремя к нам поступает деталь, не очень хорошее литье. Это тоже заставляет нас делать лишнюю работу. Я думаю, что мы в этом году с такой бедой справимся, тем более что как будто лакокрасочная промышленность, по крайней мере нам так заявляют, улучшит качество своей продукции. Еще такая проблема у нас: малая механизация. Есть у нас шлифовальные машинки, но они весят 2 килограмма и при работе вибрируют так, что всего человека сотрясает.

Ю. В. Андропов. А кто эти машинки делает?

Н. С. Чикирев. Министерство строительных и дорожных машин.

Т. А. Комарова. Все, о чем я говорила, нас, конечно, очень сдерживает и влияет на производительность труда. Но тем не менее социалистические обязательства свои мы в 1983 году выполним.

Так как цех наш женский, я хочу пару слов сказать о социальных вопросах. Очень хорошо, что все желающие имеют возможность поместить своих детей в детские ясли. У нас хорошая столовая. Мы имеем возможность покупать на заводе продукты, что тоже для женщины немаловажно.

Ю. В. Андропов. Между прочим, для мужчин тоже. **(Смех в зале).**

Т. А. Комарова. Но для нас особенно. Мы получаем путевки. Санаторными путевками мы, работницы, обеспечены. В дома отдыха путевки даются льготные. Женщины, имеющие детей, тоже пользуются льготами.

Слово берет старший мастер цеха, секретарь цеховой партийной организации В. С. Емельянов. Я работаю на заводе уже двадцать три года, говорит он. Пришел на завод слесарем-инструментальщиком и более 15 лет работаю мастером. На моих глазах выросла техническая оснащенность, улучшилось качество выпускаемой продукции, возросла квалификация рабочих. Мы выпускаем сложную оснастку для автоматических линий, агрегатных станков. Наши рабочие с честью справляются с этими заданиями. Конечно, в авангарде такого большого дела стоят коммунисты. Это, например, могут сказать о своих участках — расточник Исаков, фрезеровщик Поляков, слесарь Гречишкин и многие, многие другие. Хорошо восприняял весь коллектив решения ноябрьского Пленума ЦК нашей партии, правильно осознает значимость организации производства, трудовой дисциплины. Мы заверяем, что наш участок и, думаю, весь коллектив нашего завода справятся с задачей.

Окончание на стр. 2.

Ю. В. Андропов. А можно задать один нескромный вопрос? У вас в цехе много нарушителей?

В. С. Емельянов. В январе, можно сказать, пришли в этом вопросе к нулю. Конечно, в трудовой дисциплине должны сыграть роль и наши законы, и административные взыскания, но, по-моему, роль трудового коллектива здесь имеет самое большое значение.

Ю. В. Андропов. Безусловно, самое большое.

В. С. Емельянов. Сейчас мы в цехе организуем работу по бригадному методу. Мы в скором времени всем цехом перейдем на эту форму работы. Это нам откроет большие резервы в укреплении трудовой дисциплины, в повышении производительности труда. И вообще, хорошо бы меньше слов, а больше дела.

Ю. В. Андропов. Правильно. Это важно не только для вашего завода, а повсюду.

Время рабочего перерыва истекает. Подходит к концу и встреча Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями.

В заключение выступил член Политбюро, первый секретарь Московского горкома КПСС В. В. Гришин. Он заверил, что коммунисты, вся трудовая Москва отдадут все силы выполнению решений XXVI съезда КПСС, ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Действительно, сказал он, надо наводить порядок и с дисциплиной, и с выполнением планов. На Пленуме поставлены четкие задачи, как надо работать, в каком направлении надо вести дело.

Ю. В. Андропов. И не выдохнуться. Это задача долговременная.

В. В. Гришин. И решающая роль в этом, конечно, должна принадлежать коммунистам, партийным организациям и партийной организации вашего завода, которая должна воодушевлять всех на борьбу за осуществление этих задач. Юрий Владимирович говорил здесь об укреплении дисциплины. Действительно, это многоплановый вопрос. И не только нужно вовремя явиться и вовремя уйти с работы, хотя и это очень важно.

Очень важной составной частью укрепления дисциплины является создание хороших условий на производстве: чтобы оно было четко спланировано, обеспечено материально-техническое снабжение, налажено оборудование. Нужно укреплять и производственную дисциплину, и плановую дисциплину. Здесь правильно говорили, что решающая роль принадлежит коллективу. Когда в коллективе будет создаваться общественное мнение вокруг каждого случая нарушения трудовой дисциплины — это будет самое сильное средство, сильнее всяких других.

Ю. В. Андропов. Несколько слов в связи с тем, о чем говорил сейчас товарищ Гришин. Хотел бы, чтобы товарищи правильно поняли, что вопрос об укреплении дисциплины относится не только к рабочим, инженерно-техническим работникам. Это относится ко всем, начиная с министров.

В заключение тов. Ю. В. Андропов еще раз поблагодарил станкостроителей за их добрые дела и сердечную встречу. Он пожелал им крепкого здоровья, успехов в производстве, в решении задач, поставленных ноябрьским Пленумом ЦК КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2899)

5 ФЕВРАЛЯ 1983

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ОБУВЬ ДЛЯ МАШИН

КАЗАХСКАЯ ССР

Ю. ЛУШИН

Фото автора

Конвейер необычайной длины полз через цех, пропадая временами где-то под потолком, высоту которого можно было угадывать лишь приблизительно. Он плыл над станками, над головами работающих, а на специальных крюках висели большие черные баранки — заготовки шин. У меня было такое впечатление, что это живая змея, а какой-то могучий заклинатель так ее надрессировал, чтобы в определенный момент она опускала черный калач точно к очередному станку. И рабочему ничего не оставалось делать, как подхватить заготовку и вставить ее в станок. Я долго наблюдал за работой двух асов шинного дела — Анатолия Демидова и Алимжана Раимова. Они трудились вдохновенно (недаром над станками висела табличка «Передовик производства»). В движениях была какая-то магия: их точность и выверенность поражали. Но так же точны и выверенны (на первый взгляд) были рабочие приемы и других сборщиков шин. Однако я заметил, что, когда другие заканчивали сборку четвертой шины, со станков Демидова и Раимова сходила уже пятая. Как это им удавалось? И качество шин было отменным — хотел бы я на таких ездить. Конечно, шины — изделие, в котором объединены усилия десятков и сотен людей, а следовательно, в их качество каждый должен внести свою лепту. Оно, качество,— сумма доброго и честного труда всех и каждого. И поскольку рекламаций на чимкентские шины практически нет, то можно представить, как работает объединение «Чимкентшина» и почему оно в конце прошлого года завоевало почетное право называться именем 60-летия СССР.

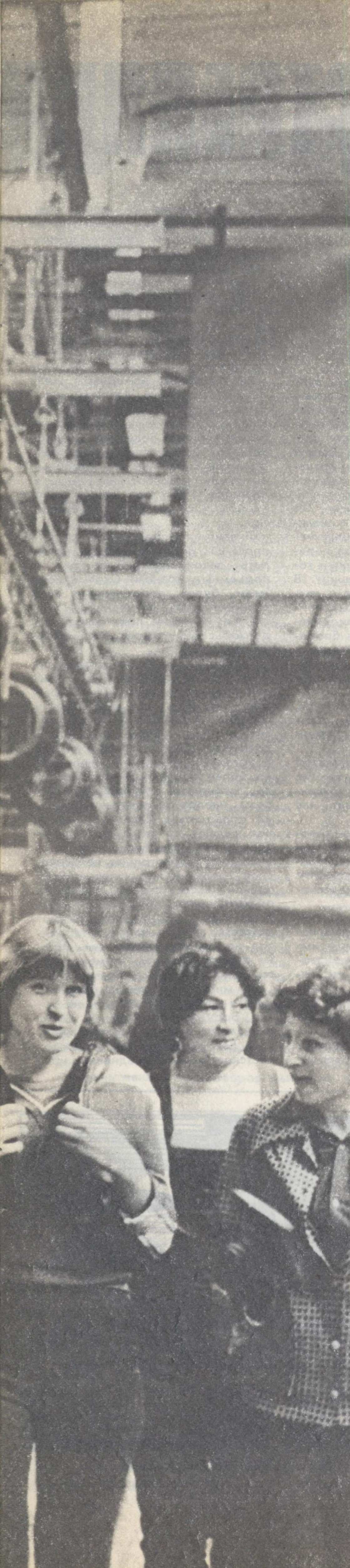
...Сложное это дело — изготовить обувь для машин. Она состоит более чем из двадцати деталей. Резиновая масса для различных деталей шины — протекторов, каркасов, брекеров, изоляции — различна по своей рецептуре и должна готовиться в отдельных смесителях.

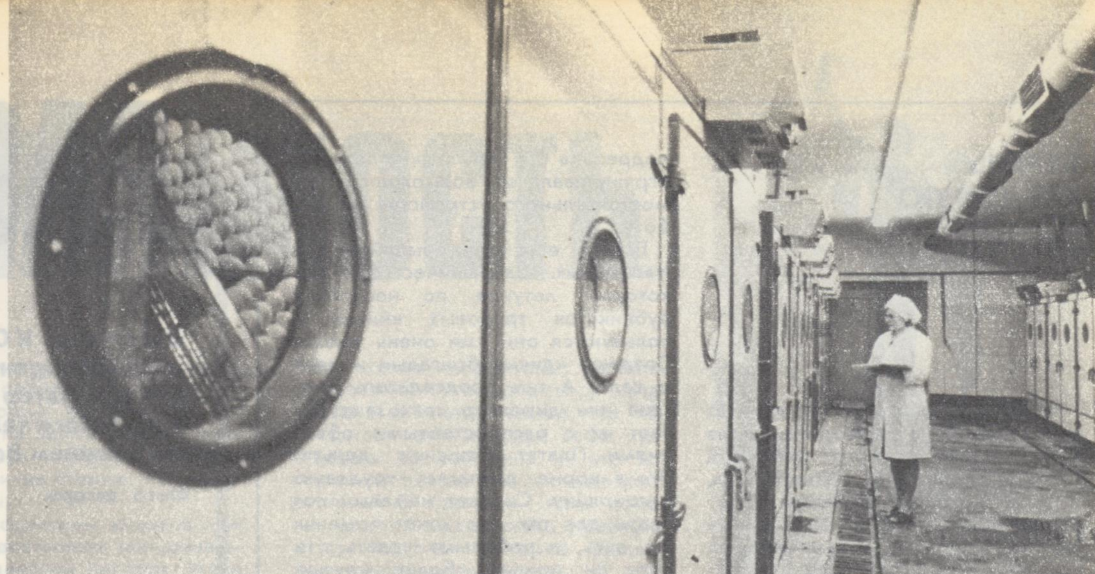
Я мог бы сказать, что сборочный — сердце шинного завода, да боюсь обидеть заготовительный и коландровый цехи, без которых это сердце не билось бы. А разве не основной — цех вулканизации, эта огромная «шинная кухня», где под горячим паром и давлением покрышки приобретают окончательную прочность и даже элегантность. Вот и выходит, что нет цехов вспомогательных, все главные.

Смена подходила к концу. Автоматические счетчики на станках Анатолия Демидова и Алимжана Раимова показывали, что норму они перекрыли почти в полтора раза. Да и вся их комсомольско-молодежная смена работала хорошо. Разумеется, не только Анатолий и Алимжан были в ней передовиками. Годовой план «Чимкентшина» выполнила досрочно, обув до конца года сверхплановыми шинами многие тысячи машин. К слову, в этом успехе «повинна» в основном молодежь, потому что средний возраст рабочих, как сказал секретарь парткома Серик Таргаутов,— около двадцати пяти лет. Это и неудивительно. Шинная отрасль — новая для индустрии Казахстана (первую шину выпустили в Чимкенте в 1981 году). Готовых кадров не было, набирали молодежь, которую принимали на учебу и стажировку родственные заводы России, Украины, Белоруссии...

Смена «Б» покидала цех. У станков стояли уже другие люди, но одно роднило их с ушедшими — молодость.

Идет комсомольско-молодежная смена...

ХАБАРОВСК

НОВОСЕЛЬЕ НА АМУРЕ

Этот рейс Аэрофлота из Москвы в Хабаровск ничем не отличался от других, соединяющих столицу с Дальним Востоком. И вряд ли кто из пассажиров, спокойно дремавших в откинутых креслах, мог подумать, что под ними в багажных отсеках тщательно упакованы ящики, хранящие пятьдесят тысяч яиц. Причем яиц очень ценных. Путешествие будущих бройлеров началось в далеком от Хабаровска Таураге, Литовской ССР, и закончилось на дальневосточной земле в инкубаторах птицефабрики «Пограничная». Этот племенной репродуктор должен обеспечить племенным материалом все птицеводческие хозяйства дальневосточной зоны — от Читы до Сахалина и от Камчатки до Приморья. Для «заселения» новой фабрики была выбрана лучшая порода. И в этом хабаровчанам здорово помогли литовские птицеводы, отправив на Дальний Восток 200 тысяч яиц. Знакомя нас с племрепродуктором, его директор Б. А. Соколов попросил передать благодарность литовским товарищам и сообщить им, что цех инкубации фабрики в прошлом году получил первый вывод с хорошим показателем — 68 процентов при плановых 60.

Полностью строительство фабрики должно завершиться в конце нынешнего года. Выход на полную мощность позволит содержать в цехах 350 тысяч молодняка и 300 тысяч кур-несушек.

В. КУЗНЕЦОВ
собкор «Огонька»

На снимке: в цехе инкубации.

Фото автора

ЛИТОВСКАЯ ССР

И СНОВА ДЕРЕВО...

Неподалеку от Каунаса шоссе изящно перепрыгивает пешеходный виадук, соединяющий вновь построенные жилые районы этого города с прекрасными местами отдыха. Во время строительства виадука на автостраде даже не было приостановлено движение. А сделан этот виадук из... дерева. Точнее из склеенных деревянных конструкций, длина которых превышает 30 метров.

Такие конструкции с 1975 года в Литве изготовляет только один специальный цех. Принадлежит он специализированной подвижной механизированной колонне.

Сначала такие конструкции использовали для сооружения разных хозяйственных построек — монтировали коровники, телятники, склады.

Но вот в Литве вырос автовокзал из подобных конструкций в курортном городе Игналина, манеж в пригороде Каунаса, удачно использованы такие конструкции и в самом большом в республике универсаме, в новом жилом районе Вильнюса.

В нынешней пятилетке намечено построить из них свыше 300 зданий. А в цехе уже идет подготовка к изготовлению конструкций длиной 50 и более метров.

Э. БАЛАЙШИС

На снимке: виадук в пригороде Каунаса.

Фото З. Шяучюлиса

БЕРЕЧЬ ТРУДОВУЮ ЧЕСТЬ

ЛЕТУНЫ НА РАСПУТЬЕ

Недавно профсоюзный комитет дал согласие на увольнение из нашего цеха одного рабочего. Уволили его по 33-й статье КЗОТа, то есть за систематические нарушения трудовой дисциплины — дальше терпеть было уже нельзя. До этого много возились с лодырем. Беседовали, предупреждали, обсуждали на собраниях. Но чем больше с ним возились, тем он сильнее, как говорится, закусывал удила. Прогулы, пьянки. И вот решили: хватит! Решили правильно, справедливо. Скоро за ним захлопнется дверь проходной нашего завода. Возникает, однако, вот какая мысль: а что будет дальше после этого хлопка? Куда пойдет уволенный?

Но прежде чем ответить на эти вопросы, хочется сказать об одной закономерности. В прошлом году только из нашего цеха уволилось и было уволено примерно полсотни человек. Причем характерно, что стаж работы на нашем заводе почти у всех них от двух месяцев до одного года. Не больше. Да, это те самые летуны. Иному еще и тридцати лет не исполнилось, а в трудовой книжке у него уже вкладыш: места не хватает для записей.

И вот хлопнула дверь за таким летуном. В руках у него трудовая книжка с вкладышем, где черным по белому написано, что уволен он по 33-й статье. Думаете, он опечалился, загрустил? Да ничуть не бывало! Перейдет через дорогу к соседнему заводу, а там на каждом углу, как и у нас, объявления: требуется, требуется... И даже уволенные по 33-й тоже требуются. Закроют тамошние кадровики глаза и примут его на работу. Вот это сознание, что не откажут, нехитрая философия «была бы шея — хомут найдется» обеспечивают всяким летунам и лодырям довольно крепкую почву под ногами.

Так по какому же праву уволенный снова устраивается на работу по своей специальности и по своей квалификации? Ведь он нанес государству ущерб, он не хочет выполнять первейшую обязанность советского гражданина — честно трудиться. Пора таким летунам, любителям легкой жизни, поставить крепкий заслон. Надо ввести такую систему мер, которая подрезала бы «крылья» у летунов, ограничивала их возможности самостоятельного устройства на работу.

Есть и еще одна лазейка для уволенных. Шабашничество. У некоторых летунов по нескольку дубликатов трудовых книжек, и пользуются они ими очень умело. Создают «дикие бригады» и едут в село. А там председатель колхоза или директор совхоза встречает их с распростертыми объятиями. Платят бешеные деньги. Это в корне разлагает трудовую дисциплину. Создает немалый соблазн для тех, кто хочет поменьше дать, а побольше урвать. Не пора ли принять более крутые меры к подобным предпринимателям? На наш взгляд, надо запретить сельскохозяйственным руководителям принимать такие «дикие» бригады на работу.

И последний — третий путь, по которому может пойти от проходной уволенный за прогулы. Этот путь — до ближайшего винного магазина. У нас в городе винно-водочные отделы в одиннадцать часов утра, когда они открываются, буквально ломятся от наплыва здоровенных мужчин. А ведь одиннадцать часов — это самый разгар рабочего дня. Иной нигде не работает, а глядишь — каждый день, как говорят в народе, и сыт, и пьян, и нос в табаке. Где же они берут деньги? Да в тех же самых магазинах, где за разгрузку или погрузку товаров продавцы предпочитают расплачиваться испытанным способом — трешка или бутылка. Живет такой тунеядец — в ус не дует. Но попробуйте его отправить на принудительное лечение или привлечь к ответственности за тунеядство! От одних бумаг голова свихнется. Десятки справок потребуются. Да что уж об этом говорить, когда таких людей даже медвытрезвитель предпочитает не брать: платить им за пребывание там нечем.

Наши законы гуманны, но некоторые люди спекулируют на этой гуманности. Значит, в нашем трудовом законодательстве надо предусмотреть все меры, закрывающие лазейки для подобных людей. Это не только мое мнение. Это — мнение и моих товарищей, рабочих-коммунистов Николая Мигулочкина, Михаила Тамма, Николая Чекмарева, Михаила Токарева и других. Они полностью согласны с теми мыслями, которые я высказал в этом письме.

Александр ШНАЙДЕР,
токарь Новосибирского завода литейных машин и автоматических линий, секретарь цеховой партийной организации

РАССТРЕЛЯНН

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Фото автора.

На большой, тщательно разровненной и присыпанной гравием площадке стоит мощный кран с надписью на иврите, свидетельствующей о принадлежности крана израильской фирме. Вокруг множество многотонных грузовиков с контейнерами. Надписи и шифры на контейнерах сделаны на иврите и по-английски. Тут же несколько грузовиков с ливанскими номерами. Израильтяне-водители и грузчики быстро перетаскивают мешки и коробки с товарами с машины на машину. В это время кран переносит с грузовика на грузовик тяжелые контейнеры. По дороге периодически проезжают «джипы» и бронетранспортеры израильской армии. За порядком на «торговой» площадке наблюдают израильские солдаты.

Увидев группу журналистов, снимающих все это, к нам бросился водитель ливанской машины.

— Господа, что вы делаете?! Если в газеты попадут снимки с номерами наших машин, ливанское правительство лишит нас гражданства!

— И правильно сделает!— говорит водителю ливанский журналист.— Ты обыкновенный контрабандист, ты помогаешь израильтянам наживаться за счет ливанского государства...

Местный корреспондент сказал нам, что Ливану не нужны израильские товары: ливанцы импортируют то, чего не производят сами, из Европы и Азии. Теперь в погоне за твердой ливанской валютой Израиль тащит сюда все, что невозможно сбыть дома или в Европе.

Описанное выше происходит вовсе не в Израиле, а на суверенной территории Ливанской Республики, в самом южном городе страны Накуре. Ливано-израильская граница — в двухстах метрах отсюда.

Здесь, в Накуре, пришедшие вслед за оккупационной армией израильские негоцианты открыли свою крупномасштабную и совершенно незаконную лавочку. Контрабандная «коммерция» настолько процветает, что доход, извлекаемый Израилем, измеряется миллионами долларов. Достаточно побывать в Накуре, чтобы убедиться в этом собственными глазами. А если говорить о более точных цифрах, то сионистская пропаганда радостно сообщила, что торговцы-оккупанты «заработали» только в сентябре 1982 года девять миллионов, и сумма растет ежедневно...

Ливанская пресса задает вопрос: как долго еще будут попирать закон контрабандисты с подъемным краном? Сколько времени будет продолжаться эта экономическая диверсия?

Ответ простой: пока будет продолжаться оккупация Ливана Израилем.

Теперь сионистское правительство Бегина требует, чтобы Ливан принял и узаконил открытую границу для торговли и туризма. Израильтяне часто говорят, что Ливан им очень нравится. Они восхищаются его природой, климатом и значительно более высоким, чем в Израиле, жизненным уровнем ливанского народа. И оккупанты желают проводить в Ливане отпуск. А вот желают ли этого ливанцы — израильтян мало беспокоит.

Все же, несмотря на политическое давление и оккупацию всей южной части страны, ливанское правительство продолжает неуклонно требовать полного и скорейшего вывода войск интервентов на основе резолюции ООН, на основе, наконец, элементарного международного права.

Но милитаризованный Израиль ничего такого признавать не хочет. Бронетранспортеры и танки оккупантов утюжат дороги Ливанской Республики, и при этом сионистское радио ежедневно кри-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУХНЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Заокеанские грибочки.

АЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

чит на арабском языке: давайте дружить!

Израильско-ливанские переговоры проходят поочередно на территории обеих стран. Но Ливан решительно отказался официально принять израильскую делегацию в столице своей страны и командировать ливанскую делегацию в Иерусалим. Место проведения переговоров в Ливане — поселок Хальде. Именно здесь боевые отряды палестинцев и ливанских патриотов дали решительный бой бронированной сионистской армаде, задержали израильское нашествие на длительное время и нанесли интервентам существенный урон. А главное, здесь, в Хальде, был развеян миф о так называемой «непобедимости» израильской армии. Наконец, впервые за историю ближневосточных войн все арабы увидели, что даже партизанские отряды могут остановить агрессора.

Перед приехавшими в Хальде представителями международной прессы предстала мрачная картина. Поселок почти полностью разрушен израильскими авиабомбами и снарядами. Мы обменивались воспоминаниями с корреспондентами из многих стран, работавшими в блокированном израильтянами Бейруте. Вспоминали, как добирались по находившемуся под огнем району Бир-Хасан к сожженным и развaленным ракетами зданиям посольств, к знаменитой гостинице «Саммерленд», разрушенной снарядами. От «Саммерленда» можно было хорошо видеть и снимать всплески бомбовых взрывов, поднимавшиеся в задымленное над Хальде небо. Когда жаркая и влажная средиземноморская ночь опускалась над побережьем, множество вспышек разрывов бомб, ракет и снарядов сверкали в районе этого многострадального пригорода Бейрута. В непосредственной близости от Хальде у журналистов закладывало уши из-за непрерывного страшного грохота канонады. Этот смертельный огненный фейерверк бейрутцы могли видеть с крыши любого высокого дома.

В день начала переговоров мы увидели, как люди бегут из Хальде. Около опаленных огнем пожаров, зияющих пробоинами домов, прямо на земле лежали кучи скарба, который ливанские граждане грузили на старые, изношенные машины.

— Вот смотрите,— сказала нам пожилая седоволосая женщина,— вот мой ливанский паспорт. И все эти люди, мои соседи, тоже ливанцы. Куда мы уезжаем? Не знаю... Только подальше отсюда. Наша жизнь, жизнь наших детей под постоянной угрозой.

Одна из беженок сказала, что потеряла все: семью, имущество, дом. Жить ей негде, ехать некуда, да и нет денег для этого. Впереди нищая старость и никаких надежд...

В тридцати метрах от места, где беженцы выносили из домов свои вещи, по прибрежному шоссе, грохоча моторами и гусеницами, носились на предельной скорости израильские патрульные бронетранспортеры. Усиливающееся сопротивление интервентам и партизанские действия не только держат в напряжении солдат оккупационной армии, но и стали предметом обсуждения на заседании израильского правительства. Поблизости от пляжей Хальде крейсировали несколько боевых кораблей 6-го американского флота. Основные ударные силы этого «инструмента» политики Вашингтона на Средиземноморье — авианосцы и ракетные крейсера — находились за линией горизонта, и это ни для кого не составляло секрета.

В тяжелом положении находится сейчас Ливанская Республика. Надежды на скорый уход оккупационных войск и наступление мира давно рассеялись. Пришла зима, горы покрылись снегом, а узкая береговая полоса страны заливается холодными дождями. Даже обеспеченные люди ежатся от сырости в своих домах, где плохо работает отопление, а электроэнергия отключается по нескольку часов в день — зачастую вечером. Активные военные действия закончились несколько месяцев назад, в уцелевших после бомбардировок зданиях вставлены стекла, исправлены, насколько возможно, водопровод, канализация и электричество. Но последствия войны дают себя чувствовать по сей день. А что же говорить о тех, чьи жилища разрушены? С приходом зимы положение этих людей стало ужасным, а для жителей лагерей беженцев — катастрофическим.

Этот репортаж пишется, как и во время блокады Бейрута, при свете батарейного фонаря. За окном лежит в мокрой, холодной тьме город, а вспышки молний и удары грома живо напоминают бейрутцам страшные ночи лета 82-го. Но тогда в городе, лишенном воды, проливной дождь мог бы стать спасением от мучившей всех жажды... Сегодня грязные потоки заливают лагеря беженцев и простудные заболевания стали там обычным явлением, особенно среди маленьких детей...

Вчера мы снова побывали в старом коммерческом центре Бейрута, на площади Мучеников. В старые времена это место называлось Пушечной площадью — в память тех корабельных орудий, которые отдала Ливану, сражавшемуся за свою независимость, русская парусная эскадра.

Разрушение этой красивейшей части столицы началось еще восемь лет назад, в первые недели бесконечной ливанской войны. Посреди огромной, в форме вытянутого прямоугольника площади стоит бронзовая скульптурная композиция — памятник Независимости. Весь район старого центра — ужасающие руины, изрешеченные снарядами, минами, крупнокалиберными пулями. Через весь Бейрут с севера на юг проходит эта полоса смерти, поросшая бурьяном.

Чтобы восстановить полностью разрушенную часть столицы, вернее, снова ее построить, потребуется не меньше десяти лет напряженного труда саперов (там много неразорвавшихся снарядов и мин), архитекторов и строителей. Ведь нужно сначала разминировать, потом разобрать сотни тысяч квадратных метров сплошных каменных развалин. И только потом можно будет строить там заново. Уже существует в общих чертах проект реконструкции старого центра Бейрута, но у государства нет необходимых для этого гигантских средств. К тому же в первую очередь надо построить тысячи домов для людей, оставшихся без крова в результате кровавой израильской операции «Мир Галилее».

Бейрут. Памятник Независимости.

В последнее время ливанским рабочим удалось расчистить от обломков зданий и завалов несколько улиц. Вместе с группой ливанцев мы стояли у памятника Независимости, искромсанного осколками и продырявленного пулеметными очередями. Ненадолго выкатилось из-за тяжелых, черных туч яркое средиземноморское солнце и засверкало слепящими звездочками в пробитой бронзе. Изувеченный памятник четко вырисовывался на фоне куска голубого неба.

Обнимая левой рукой юношу — символ молодой республики, гордая, прекрасная женщина — Независимость высоко подняла простреленный горящий факел — светоч свободы, мира и добра...

И этот памятник, видевший ужасы войны, был для всех находящихся на площади олицетворением сегодняшнего Ливана...

Бейрут.
Специально для «Огонька».

Острая приправа консерваторов.

Ядовитое блюдо.

Взрывоопасная начинка.

Лакомый кусок.

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

В № 44 за 1982 год «Огонек» познакомил читателей с планами редакции на 1983-й. Одновременно мы обратились с просьбой назвать особенно запомнившиеся публикации, наиболее важные проблемы, которые следует «Огоньку» поставить на своих страницах, попросили дать совет, как сделать выступления журнала более действенными, яркими. Словом, был задан вопрос: каким бы хотели видеть «Огонек» наши читатели сегодня.

Редакция благодарит всех, приславших отклики, замечания, советы. Хочется отметить, что читатели серьезно отнеслись к нашей просьбе. Сегодня мы публикуем выдержки из некоторых писем.

* * *

Какие бы я хотел высказать пожелания? Во-первых, чтобы на страницах журнала еще шире освещалась деятельность Советов народных депутатов. Чаще надо давать слово председателям районных, городских, областных Советов. Пусть они расскажут, как благоустраиваются города, что делается для улучшения работы сферы обслуживания, городского и сельского пассажирского транспорта, о работе отраслевых депутатских комиссий.

Во-вторых, я уверен, что критика, сатира и юмор очень хлестко бичуют и высмеивают наши недостатки. Поэтому им — побольше места в журнале, особенно дорогу фельетонам.

М. В. Гречнев, генерал-майор в отставке, подписчик с 45-летним стажем.

Москва.

* * *

С большим удовлетворением встретил сообщение о том, что «Огонек» отметит юбилеи Рафаэля, Оноре Домье, Эдуарда Мане.

Хотелось бы чаще встречать в журнале материалы о новостях киноискусства с хорошими фотоподборками.

Интересует меня и военная тематика, рассказы о героях войны. Хорошо были сделаны воспоминания участников Сталинградской битвы в № 44, М. Ф. Лапиной, Н. Т. Мазницы и других.

К. Л. Маркаров, председатель клуба «Поиск»

Тбилиси.

* * *

Прошу чаще печатать материалы о личных подсобных хозяйствах, подробнее рассказывать об опыте социалистических стран в этой области.

Мне кажется, что на критические сигналы, особенно если они касаются производственной деятельности, обязательно должны отвечать руководители производства, вплоть до министров. При этом условии, на мой взгляд, выступления «Огонька» будут наиболее действенными.

И еще. Больше публикаций на моральные темы. Мы часто говорим: «Для того, чтобы получить высшее образование, достаточно проучиться 15 лет, а чтобы быть настоящим человеком, надо учиться всю жизнь». Как воспитать настоящего человека? По-моему, этот вопрос стоит поднять на страницах «Огонька».

Л. А. Соколов, участник Великой Отечественной войны.

Ленинград.

* * *

Я давно собираю репродукции — вкладки, публикуемые в журнале. Более тридцати лет. Иногда это настоящее открытие: Н. Фешин — «Портрет», например. Но иногда, к сожалению, во второй и третий раз видишь одни и те же репродукции. Может быть, этого можно избежать?

Нельзя ли указывать технику исполнения и размер произведения? Нам, художникам, это просто необходимо.

Ю. П. Коротков, художник

Смоленск.

* * *

У моей семьи просьба простая — в каждом номере печатайте «Пестрые страницы» и «Забавные мелочи». Посмотрит человек, улыбнется, и на душе веселее.

К. О. Козин

Ленинград.

* * *

Помню «Огонек» давних лет. В неприметной обложке, без цветных иллюстраций, на серой бумаге. Насколько он стал неузнаваем сейчас! Многотиражный, многолистовый, на прекрасной бумаге, с яркими вкладками. Какое многообразие тем: жизнь всего мира на его страницах.

Вот два источника, которые связывают меня с общественной жизнью,— газета «Правда» и ваш «Огонек». Я росла вместе с журналом, хотелось узнавать больше и больше. Поэтому мне особенно интересно было познакомиться с планами редакции.

О. Ф. Семенова

Брянск.

* * *

Всегда ли на страницах журнала бывают сами читатели? Правильно, что «Огонек» отдает свои полосы лучшим писателям, поэтам, ученым, художникам, журналистам. Но в то же время считаю, что и голос читателя должен звучать громче. Из письма читателя можно почерпнуть интересную тему, новый адрес,— словом, именно из писем можно увидеть лицо нашей страны. Так пусть же будет больше опубликовано читательских корреспонденций, написанных от души, просто и искренне.

Больше пишите на тему «Как живешь ты, моя деревенька?», о людях села, работающих над Продовольственной программой.

В. П. Бердников, член парткома колхоза «Родина»

с. Старый Чирчим Пензенской области.

* * *

Хотелось бы обратить внимание на небрежное типографское исполнение некоторых, особенно последних в прошлом году, номеров: слепые снимки, слепые цветные вкладки. Обидно за любимый журнал.

В новом году желаем «Огоньку», чтобы краски были ярче, шрифт разнообразнее, изображение четким, а кроссворды полегче.

А нельзя ввести в практику фотолетопись «Огонька»?

Семья Четвертных

Москва.

* * *

Десятки лет я постоянно читаю журнал. А вот определить, какие публикации прошлого года понравились больше всего, мне трудно. Но все же основные перечислю: В. Ковнат «От Бейрута до крепости Бофор», В. Николаев «Вавилон на Гудзоне», Ц. Солодарь «Фарисеи», повесть Л. Рудницкого «Декада», роман Л. Васильевой «Книга об Отце», И. Долгополов «Юрий Пименов», В. Енишерлов «Если душа родилась крылатой...», А. Басманов «Соло Паганини», обсуждение фельетона «В защиту беззащитной лошади».

Нужны, очень нужны материалы о бережном отношении к хлебу, о личных подсобных хозяйствах, об обслуживании, охране природы. Мои любимые рубрики — «Страницы минувшего», «Земля родная».

Если можно, предоставьте свои страницы И. Андроникову, хотелось бы узнать о новых его работах.

Д. И. Бурлюк, ветеран труда

с. Рябушки Сумской обл.

* * *

К сожалению, слишком мало пишете о семье, воспитании, о быте, торговле, сфере обслуживания, о том, что окружает нас повседневно.

Больше печатайте критических статей о бесхозяйственности, ротозействе и, конечно же, давайте положительные примеры честности и бережливости.

Н. Черников

п. Аксубаево Татарской АССР.

КОГД

Николай МИТИШ, директор Молдавского планово-экономического совхоза-техникума

— Николай Георгиевич, вы руководите хозяйством оригинальным, двуединым, в котором производство сосуществует с обучением будущих специалистов, так что в разговоре о слагаемых развитой экономики вам и карты в руки. Поговорим о главном в нашей жизни — о труде. Точнее, о человеческих и профессиональных качествах тех, кому собственноручно выполнять намеченное на текущую пятилетку и Продовольственную программу.

— Прежде всего скажу о том, что успехи в труде, в выполнении производственных заданий во многом зависят и от таких вроде бы косвенных, но по сути экономических факторов, как рабочее настроение, возможность заниматься любимой работой, профессиональное удовлетворение, душевный подъем, без которых сложно вершить наше общее дело. Мы с вами беседуем в начале 1983 года. Перевернулась еще одна страница истории. Все мы ощущаем оживление общественной мысли, обострение нувства ответственности за судьбы наших планов, добрых намерений. Как живем, как рабо-

Сразу видно: на этой земле живут мастера! **Фото Б. Кузьмина**

А ПОЛЕ КРАСИВОЕ?

таем?.. Это сегодня мучает не одного совестливого человека, подлинного патриота. Все люди заинтересованы в том, чтобы дела в стране, особенно на селе, шли лучше... Все? Вот видите, как легко формулировать привычные мысли, общие места... Но в том-то и дело, что не изжиты социальные вывихи, пороки, давно известные человечеству: пустая болтовня, безделье, склонность к тунеядству, очковтирательство, продуманные хищения. В любом хозяйстве, на любом предприятии есть прекрасные, роскошно оформленные доски почета с фотографиями убедительных размеров. Уже издали на вас смотрят честные глаза передовиков труда, самых уважаемых в коллективе людей. Есть в селах и аллеи героев труда. Но те, кто рабочие часы отбывает как повинность, кто работает, что называется, спустя рукава, остаются порой вне угла нашего зрения. А ведь такие «умники» есть в каждом коллективе. И не след нам таить друг от друга совершенно очевидное: сегодня негативная, точнее, отрицательно заряженная и потому удручающая нас прослойка общества внушает нешуточную тревогу. С чем сравнить явление отстраненности от всеохватного производственного процесса, явление «самоотвода» на почве ли пьянства или потери рабочего достоинства?.. Трясина? Гири или путы на ногах, палки в колеса?.. Диагноз нужен, как никогда, точный. Считаете, сгущаю краски? Да, речь о единицах, но в каком масштабе. В короткие минуты отдыха в страду, на бригадном стане, с каким презрением и даже ненавистью рабочие говорят о тех, кто бежит от общего напряженного труда, кто в страду прячется за спины товарищей, но громче всех горланит во время распределения материальных благ. А жить не по труду, не по правде труда грешно.

— *Николай Георгиевич, мысль о том, что труд — дело чести, известна давно. И все же именно ради диагноза я хочу уяснить, почему, по-вашему,— а вы экономист и педагог одновременно,— получилось, что можно прожить — и неплохо,— избегая труда, повседневной работы? Тем более в селе, где все на виду?*

— Причин, по крайней мере известных и для меня очевидных, тут несколько. Роль играет мера ответственности или точнее безответственности самого человека. Некоторые живут не то чтобы без царя, но без мастера, без учителя в голове. Атрофия совести, чувства достоинства. Это первая из причин. Что еще? Доброхотство родителей, родственников, трудом своим наживших достаточно сытный дом, добившихся на сегодня сравнительно высокого уровня семейного благосостояния. Вещизм, самодовольство — прекрасная почва для социальных сорняков! Мол, мы «ломили», пусть дитятко порезвится, погуляет!.. Этот ход рассуждений не первый год общеизвестен. Он наиболее тлетворен, пагубен для юной души, молодого организма, которому самое время брать на себя ношу потяжелее и тащить ее подалее. И еще есть не менее серьезная причина — попустительство окружающих, лиц официальных и товарищей по месту работы.

Лентяя видно уже на школьной скамье. Да, с детских лет формируются характеры лидеров, мастеров и нахлебников... Вот где поле деятельности для педагогических Мичуриных! Сладкопевцы и демагоги заметны уже в студенческой среде, задолго до распределения на производство, они нередко числятся в «активе», среди общественников. Все учатся, всем не хватает времени, а «деятель» представительствует! Помните таких?.. А в поле или чаще на стройке — что иногда слышишь от безусого хитрована? Я, мол, не гвоздь, меня глубоко не заколотишь! Или звучит столь же наглое, сколь и популярное «работа не медведь...» или «пусть трактор — он железный...». И подлость, бывает, рядится в перья лжемудрости, а неправедное существование, как и ложь бытия, обретает долгие ноги... Так вот какой ответ напрашивается на ваше «почему»: позиция бездельника как на ладони. А вот наша с вами позиция до сих пор недостаточно тверда. А кто же даст сдачу «философу»? Я нарочно огрубляю, чтобы больнее было от всем очевидного: общественность до последнего времени не давала серьезного отпора обнаглевшим тунеядцам. Все заняты делом, сельскохозяйственные работы цикличны, следуют одна за другой, и даже оглянуться на циничную реплику некогда. За победными речами по случаю очередного урожая или закладки фундамента здания не слышим песенки: «А нам все равно...» Чего стоит недетская тоска музыкальной фразы насчет дня рождения, который только раз в году?.. Или: «А я еду, а я еду за туманом...» Примите условия игры: я парадоксальной своей ссылкой на веселые, популярные песенки — конечно же, совершенно безвредные на эстраде — опять-таки специально характеризую атмосферу общественного благодушия, которая вполне устраивает тех, кто только с ложкой...

— *Попробую смягчить ваш удар по «атмосфере». В народе, если судить по фольклору, по собранию пословиц и поговорок Даля, ни в какие времена не жаловали болтунов и волынщиков или просто «лодырей царя небесного»...*

— Вот и вы, затеявший разговор на столь жизненно важную тему, спешите смягчить тон. Не надо смягчать. Ни тона, ни удара! Я и мой брат выросли в настоящей трудовой семье. Мама моя и сейчас, когда ей далеко за семьдесят, не покладает рук. Не от нужды, разумеется,— от врожденного чувства труда. Великое чувство! Только ли врожденное? Пожалуй, тут надо уточнить. Принято говорить, что привычку трудиться человек обретает с молоком матери. Это так и не так. Так — в смысле решающего примера родителей, поскольку на селе ребенок втягивается в круговорот повседневных обязанностей с детства, в семье. Тут все равны перед заботами, тут наглядно равноправие трудящихся в его самых обыденных форме и содержании. Работают и старики и отец с матерью, все заняты, то есть стар и млад. Так было, так есть в большинстве сельских семей. Но в семье не без урода! «Урод» — это и есть человек с отклонени-

ем от нормы трудовых навыков. А навык-то из категории благоприобретенного, ибо привычка — вторая натура.

Что традиционно ценится в народе? Конечно, ум. И превыше всего — трудолюбие. Умение со всей его впечатляющей красотой. Усердие, еще раз усердие. Преданность профессии, верность делу, например, семейному или традиционному для данной деревни,— это всегда ценили. С чем спешили на ярмарку? Не только с песнями, но и с изделиями. Почти каждое село славилось своими мастерами: ковроткачами, виноделами, шорниками, гончарами, сапожниками, кузнецами... Неумеху, торопыгу, бракодела, равнодушного к собственным обязанностям всегда высмеивали зло, беспощадно. Как бы клеймили или вычеркивали из «списка» достойных уважения. Горько жалели зарывшего талант в землю. «Тяп-ляп, вышел корабль»... Как бы не так! В том-то и дело, что корабля не выйдет. Потонет. Именно этот плачевный результат высмеивался! Такое нелицеприятное отношение к непрофессионализму, к рукам невладащим было в моем родном селе Котловине. Так было и в Этулии, где я работал агрономом и председателем колхоза много лет. Так и у нас сейчас в поселке Гиске, где я вот уже десять лет директором совхоза-техникума.

— *Николай Георгиевич, идеально было бы создать коллектив высокопрофессиональных, одаренных умельцев. Это реально?*

— Команда мастеров высшей лиги? Думаю, что в селе такое не совсем реально. Однако на вопрос-шутку отвечу серьезно: мы вступили в такую историческую полосу, когда поблажки, взаимное отпущение грехов, работа вполсилы недопустимы! Терпеть в коллективе умников, то и дело апеллирующих к праву на труд «в рамках», а по существу, к «праву на законное безделье», больше нельзя. Неубранным поле остается у того, кто даже с машиной как без рук. Техники мало? Известно другое, что даже наличную технику сплошь и рядом используют лишь наполовину.

Мы знаем, что производственное задание — закон для коллектива. Выполнение плана — дело каждого! И условие дальнейшего развития производства. Источники дохода вне прямого и честного заработка на производстве или приусадебном участке преступны. Казалось бы, все ясно?.. Жизнь на поверку сложнее. Однако верно и то, что немало сложностей мнимых. Мы сами их нагородили. Особенно в области оценки участия в коллективном труде, оценки качества руководства и исполнения задания. Кто не знает, что далеко не все предприятия, не все колхозы и совхозы передовые. Или хотя бы экономически оправдывающие свое существование. Убыточных хозяйств все еще много. А ведь в этих хозяйствах работают наши соотечественники, такие же советские люди, как мы. Почему-то стесняемся громко произносить имена тех, кто завалил общее дело. Напрасно. Выяснение на миру ошибок и степени непрофессионализма принесло бы немалую пользу. А для пользы общего дела ничего и никого не жалко. Слишком уж дорого обходятся авантюризм в экономике и бракоделы на рабочих местах. Все еще достаточно редки коллективы, которые побеждают из года в год, и во главу угла своей деятельности ставят научную организацию труда, превыше всего ценят технологию, отвечающую современным требованиям экономической науки, не много тех, кого отличает продуманность решений, экономия средств и времени.

Без ложной скромности и лишь во имя конкретики остановлюсь на достижениях нашего совхоза-техникума. Сочетание чисто производственных задач и многолетней педагогической программы обязывает ко многому. Учащиеся четыре года живут и обучаются в условиях передового многоотраслевого хозяйства. Каковы эти условия? Десять лет назад совхоз ничем не отличался от достигших среднереспубликанских показателей; в коллективе люди были всякие... Из года в год повышалось качество руководства со стороны дирекции и специалистов. Из года в год шла жесткая борьба с нарушителями трудовой дисциплины в секторе производства, дабы учащиеся не подцепили бацилл разгильдяйства, бракодельства, равнодушия к общественному труду, к интересам и чести коллектива. Это не общие слова. У нас осуществляется программа неуклонного совершенствования как экономики совхоза, так и качества подготовки будущих командиров сельской экономической службы.

Приведу для убедительности несколько характерных цифр. Взять минувший год. Производительность труда, то есть стоимость валовой продукции на одного работника, возросла до восьми тысяч восьмисот рублей. Это почти в два с половиной раза больше, чем было в среднем за девятую пятилетку. Стабильна у нас фондоотдача. Среднегодовая рентабельность в нынешней пятилетке — почти шестьдесят восемь процентов. Каждый гектар в среднем за два последних года дает нам более тысячи рублей прибыли — это вдвое больше среднегодовой прибыли с гектара в девятой пятилетке. Каждый наш работник в минувшие два года стабильно давал хозяйству прибыль в два с половиной раза большую, чем, например, семь лет назад, а в 1982 году она составила более трех тысяч четырехсот рублей. Эта цифра говорит о самоотдаче и высоком профессионализме исполнителей полевых работ и работ на ферме, виноградниках, в саду. Достаточно сказать, что мы намолачиваем из года в год более пятидесяти центнеров зерновых с гектара. Высоки, а главное, стали стабильными и урожаи других культур. Животноводство, в частности производство молока, тоже рентабельно. Хозяйство ежегодно получает не менее двух миллионов рублей прибыли. Об атмосфере в коллективе говорит такой факт: все вопросы производственного и общественного характера обсуждаются вслух, на миру. В полеводстве и на ферме активно действуют рабочие советы бригад. Это большая сила. Администрация не рубит сплеча в конфликтных ситуациях, у нас никакого волюнтаризма — все споры решаются в совете бригады. А от своих побратимов по труду не спрячешься, там на горло не возьмешь. Такие люди, как бригадир, Герой Социалистического Труда Л. Н. Овчинников, звеньевая Н. А. Мифтахова, тракторист А. С. Варнашов,— совесть рабочего коллектива. У нас уже много лет товарищеский суд «бездействует», потому что советы бригад неформально осуществляют общественную власть непосредственно на месте работы. Кого эти по-товарищески принципиальные условия жизни не устраивали, тот давно покинул нашу Гиску...

А главное достижение за десять лет: темпы роста производительности труда у нас опережают темпы роста заработной платы. То есть мы добились — а это была нелегкая задача — безусловного соблюдения экономического закона расширенного воспроизводства. К сожалению, далеко не все хозяйства района (да, очевидно, и республики) исповедуют этот закон.

Нарушающие незыблемый закон экономической науки проедают свои хозяйства, они влезают в государственный карман. И сегодня закредитованы до такой степени, что убыточность их стала хронической. Плохие экономические показатели бьют по карману рядовых работников, исполнителей; зная о бесперспективности усилий убыточного хозяйства, люди или бросают дело, разбегаются, или довольствуются малым, привыкают жить кое-как, плохо работать, а это подтачивает нравственность. Одним словом, болезнь загоняется внутрь.

Вот почему важно поддерживать, повышать экономический тонус предприятия. Хорошо, весело работается там, где люди видят результаты труда. В сельском хозяйстве год на год не приходится, тут особенно ценится стабильность всех без исключения экономических показателей. Среднегодовые показатели за несколько лет или пятилеток наиболее объективные. Так вот, среднегодовая зарплата наших работников в 1981—1982 годах повысилась по сравнению со среднегодовой в девятой пятилетке более чем на сто шестьдесят процентов. За то же время производительность труда в совхозе-техникуме благодаря усилиям коллектива, нравственной атмосфере и упора на сугубо экономический подход к любому делу поднялась на сто восемьдесят шесть процентов. Это достижение в высшей степени удовлетворяет в коллективе всех. Ибо экономика подобной прочности нравственно укрепляет здоровье коллектива, окрыляет его духовно и стала основанием для гордости за свое хозяйство. Тяжела страда, потому она и страда, но как отрадно видеть жителей, тружеников Гиски в самые горячие дни прополки, заготовки кормов, уборки винограда и овощей! Все до единого человека — в лугах, поле, на виноградние. Работаем без различия в «званиях», профессий и должностей. И всегда управляемся вовремя. Наш совхоз-техникум занесен на Всесоюзную доску почета на ВДНХ в Москве. По труду и честь, как говорили в старину.

— *Значит, производительность труда не только единственный источник благосостояния, но и фактор воспитательный?*

— Безусловно. Ставить во главу угла только реализацию, только прибыль было бы другой крайностью и так же безнравственно, как потворство пьяницам, нарушителям дисциплины, краснобаям. Всем им нет места в коллективе профессионалов. Последние годы показали, что кое-кому удавалось преумножить личное богатство за счет «левой» работы, воровства, спекуляции, у таких даже в отстающих колхозах или совхозах появлялись особняки, автомашины и стенки, набитые хрусталем... В фактах безудержного накопительства любой ценой просматривается наплевательское отношение к интересам государства. Так что между цинизмом лодыря и моралью хапуги, жулика есть прямая связь. Одно без другого не существует. В мутной водице духовного обнищания заводится нечистая сила, чуждая нам, советским людям. Чуждая по отношению к таким понятиям, как порядочность, профессионализм, трудовая честь, общественная польза.

— *Я так вас понял, Николай Георгиевич, что за человека ответственность несет общество, в частности трудовой коллектив, конкретнее — совет бригады, профком или местком, все решает их требовательность?*

— Так, конечно. И все же сегодня пора повысить спрос с самого человека. С того, кто не спешит сам спросить с себя...

Я как директор, руководитель многоотраслевого предприятия и, наконец, как отец семейства предпочитаю строже спрашивать с самого человека. Каждый должен отвечать за свои поступки и за порочные наклонности характера, за свою рабочую квалификацию и сферу личных интересов. Уроки самосовершенствования сегодня особенно актуальны. Человек, работник любого ранга и масштаба несет — по крайней мере должен нести — ответственность за свою линию поведения. За все, им совершаемое. И за свои рекомендации, если это лицо, облеченное властью. А исполнитель — за качество и сроки исполнения, если он работает в поле, на ферме, в мастерских... Тут все взаимосвязано: ответственность эффективна там, где привычен самоконтроль. Нужна трезвая выверка действий, их экономическое обоснование. Особенно если речь идет о новшествах технологии. Умение обосновать и убедить! Как это важно для тех, кто руководит хозяйством, бригадой, звеном, кто остается с глазу на глаз с полем. И не менее важно воспитать в себе добросовестного исполнителя, мастера своего дела. Да, любой исполнитель — человек государственный. Не чувствует он себя таковым — страдает план, урожай, общее дело. Требовать мы научились. А самоконтроль? А требование к себе? Сегодня каждый — технолог. И экономист. Именно поэтому обычная трудовая дисциплина сегодня носит характер дисциплины технологической. Именно в этом знамение времени. Если лопатой кто-то мог «махать» без старания, то нарушитель технологической дисциплины ставит под удар все производство в целом. Кто этого изменения в качестве советской жизни не осознал, тот тянет общество назад, тот и есть тормоз на пути к улучшению жизни. Доверие, самостоятельность — кислород для легких сегодняшних работников полеводства и животноводства. Мы, руководители, имеем дело с личностью. Личность же, как показала жизнь, теряет все свои индивидуальные качества при грубом с ней обращении, при надувательстве и недоверии к ней. Лишенная права принимать решения, действовать самостоятельно и профессионально гибко (в рамках принятой технологии), личность как бы линяет, сникает. И тогда верх берут равнодушие, стремление уклониться от обязанностей и ответственности. Это приводит к тому, что нестойкий человек, слабый духом, махнет на себя рукой.

Как видите, моральный облик исполнителя и проблемы повсеместного улучшения экономических показателей на селе связаны органически.

Плохой, безответственный работник — одна из причин грубых технологических ошибок, потери рабочего времени, низкой производительности труда. Кто не хочет жить лучше! Мера и качество труда должны определять уровень благосостояния работника и его семьи. Простите за парадокс, но право на труд ко многому обязывает!

— *А сорняки?*

— Сорную траву с поля вон: полоть. И вообще самое время от слов переходить к делу. К улучшению качества нашей повседневной деятельности. Откровенность за откровенность: вы сами-то слышите набат совести?

Беседу вел Н. БЫКОВ

Каушанский район.

ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РОМАНОВ

К 60-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова

Т. Яблонская. Род. 1917. ИЮЛЬ.

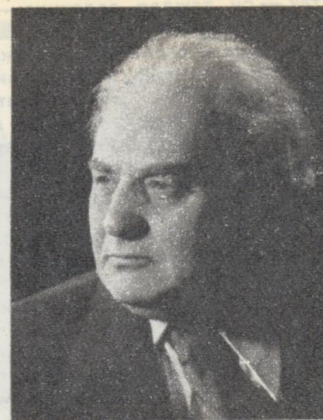
Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

Чужое оружие

Владимир **КАШИН**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ИНТРОДУКЦИЯ

...Еще недавно Мария не выдержала бы такое... Но после той ночи все перевернулось в ее душе, и ничего уже не трогало. Она стояла посреди двора, не в силах пошевелиться.

— Настал час!— донесся из приоткрытого окна возбужденный голос продавщицы сельмага Ганны Кульбачки.— Помнишь, говорил, скоро, Ганя, снимем эту шкуру и встанем на виду у всех, встанем рядом друг с другом, как люди... Вот и пришел наш час...

— Прямо сейчас, что ли?— проворчал немолодой лысый мужчина, сидящий в хате за столом. Его тень по-медвежьи наползала на стену.

— Терпенью моему конец, Петро... Ты говорил — терпи. Я терпела. Ты говорил — жди. Я ждала. Терпела постылого, себя тешила, все думала: вот-вот заживем. И в ларьке ради тебя сидела — мне от этих пьяниц житья нет. Скоро год, как мужа схоронила, царство ему небесное,— невысокая худенькая женщина перекрестилась,— может, пожил бы еще... А у нас с тобой все украдкой, по-воровски, и не родные и не чужие, а так себе: пьем чай вприкуску...

— Мы с тобой брат и сестра во Христе,— тихо ответил мужчина. Он явно не ожидал услышать от женщины такие слова.— Нам ссориться нельзя, благоверная. Не божье это дело.

— Не морочь мне голову!— прикрикнула продавщица.

— Подожди немного, дражайшая. Не время еще перед людьми являться... Да и дела неотложные есть...

— Знаю дела твои. Мария — вот и все дела. Думаешь, не догадываюсь или не понимаю?— сбивалась от волнения продавщица.— Задурил бабе голову. А с меня хватит,— уже с угрозой в голосе продолжала кричать Кульбачка.— Не выдержу я больше, Петро!.. Смотри! Беда будет и тебе и ей!..

Длинный, как жердь, поднялся Петро Лагута, и тень его сразу выросла, стала тоньше и наползла на потолок.

— Не дури, Ганя,— сказал сердито.— Я этого не люблю. А непослушание не прощаю...

— Может, убьешь?— удивилась женщина.— Чтоб на вашем пути не стояла? Это ты можешь. Не успеешь убить, я расскажу людям. Расскажу все!..

— Не дозволю,— с силой произнес Лагута, и тень его зловеще покачнулась на стене и потолке.

— Сейчас убьешь, ирод? Убивай!— Женщина упала на колени, запрокинула назад голову.— Загуби мою душу! Давай!

Никем не замеченная, подобралась Мария к хате, притаилась: сквозь окно уставилась широко раскрытыми глазами в лицо Лагуты, едва освещенное керосиновой лампой. Никогда не видела она его таким разъяренным.

— Встань!— приказал он продавщице.— И страдай. Как господь повелел — терпи. А Мария — это овца заблудшая. Господь не внемлет ее молитвам. И мне она, хромая, не нужна. Я тебя люблю, Ганя. Только тебя. За очи твои ясные, за руки ласковые, за тело горячее, за веру и силу твою неистребимую.

Голос Лагуты стал нежным. Он подошел к женщине и, обняв ее, поднял с коленей.

— Что нам Мария?.. Не об ней разговор... Иван мне нужен был... А она, неразумная, этого не понимала, только про дите и думала да богу молилась... Прошлую ночь на блуд пошла с братом Михайлом,— гневно произнес Лагута и затопал ногами,— с этим каторжником, негодяем!.. Испоганила себя, осрамила всех нас. Не будет у нее дитя, ничего не будет, порушила она семью, загубила любовь, посеяла раздоры, и теперь ад духовный и черный огонь в душе у нее. Не подвела она своего Ивана под мое благословение, не захотел он признавать Иисуса Христа и меня, раздавлю обоих и развею пепел их в пустыне.

— Страшный ты человек, Петро... Только у меня никого, кроме тебя, не осталось.

— Отмщение и аз воздам! Ненавижу их и радуюсь их страданиям. Всю жизнь прячусь, ничто не мило из-за них — и хлеб горчит, и солнце не так греет. Всех бы раздавил, будь на то воля моя...— Лагута смолк.— А теперь иди!— властно и спокойно повелел он. И тут же прибавил:— Иди так, чтоб никто тебя не увидел... И грех свой не забывай... Если почесать языком вдруг захочется...

Ганна Кульбачка, как тень, выскользнула из хаты, и ночь сразу поглотила ее.

Мария тяжело дышала. Зловещий сумрак, что еще вчера заполнил ее душу, сдавил горло, перехватил дыхание. Вся ее гордость, с детства приниженная хромотой, поруганная прошлой ночью, восставала сейчас в ней, отзываясь болью.

Не помня себя, она прохрипела в открытое окно:

— Выйди!

— Кто там?— спросил Лагута, выглядывая в темный двор.

Мария стояла растерянная и оскорбленная.

— А-а, Марийка,— узнал он ее.— Что тебе?

Она молчала. Было тихо. Мягко плескалась Рось у берегов неподалеку от хаты, гулял ночной ветер по саду, шевелил листья, ожившие после жаркого дня.

Лагута вышел на крыльцо и направился к Марии.

— Ну, что тебе? Чего надо? Зачем пришла?— спросил он строго.

Вороватo выглянувшая из-за туч луна уронила через весь двор на траву тонкие тени.

Лагута не встречался с соседкой со вчерашней ночи и сейчас не хотел ее видеть. Но придется поговорить, раз уж пришла.

— Что с тобой, сестра моя?— Он решительно шагнул к ней.

И вдруг прогремел выстрел — резкий, оглушительный,— вспугнул ночь и покатился куда-то между холмами...

Потом раздался еще раз. И ночь снова отозвалась стонущим эхом над Росью, заохала над берегами, заголосила...

И сразу наступила невыносимая тишина. Ее нарушила в лесу растревоженная птица...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Милицейская «Волга», за рулем которой сидел пожилой водитель в очках, дорабатывающий до пенсии последние дни, свернула с асфальта и покатила по мягкой проселочной дороге.

Подполковник милиции Дмитрий Иванович Коваль, обдумывая дело, ради которого он ехал, рассеянно посматривал в окошко на живописный пейзаж. С высокой горы мимо сосен и дубняков дорога сбегала в долину, туда, где извивалась Рось.

Реку за холмами не видно, но по тому, как круто забирает прибрежный лес сначала в одну, затем в другую сторону, едва ли не до самого горизонта, Дмитрий Коваль сразу догадался, как течет Рось в крутых берегах.

В открытые окна машины врывался теплый ветер, из долины, бегущей к далекому лесу, испещренному темно-зелеными полосами, веяло покоем, и совсем не хотелось думать о смерти, страданиях и слезах. О трагедии, разыгравшейся над Росью, он знал очень мало из скупых донесений рапорта начальника областного управления.

Коваль, не замечая великолепия природы, мысленно представил себя в просторном кабинете полковника Непийводы: вдоль стен стоят длинные ряды стульев, продолговатый полированный стол, сверкающий на солнце, массивный сейф в углу — старый и немного поржавевший.

Начальник отдела вызвал его сразу после обеда.

— Где думаете отдыхать, Дмитрий Иванович? В какой собираетесь санаторий?

По лицу Непийводы Дмитрий Иванович понял, что тот уже звонил в медицинское управление и знает, что ни в какой санаторий он не поедет.

— Где уж там санаторий, Василий Иосифович, хотя бы возле речки отдохнуть! В какой-нибудь деревеньке. Как там у поэта говорится: «Садок вишневый возле хаты...»

— Пора лирики проходит, Дмитрий Иванович... А сады у нас и в Киеве есть...

— Киев он и есть Киев... А во время отпуска хочется подальше от городского шума, Василий Иосифович.

— Уж не хотите ли на родную Ворсклу податься?— улыбаясь, поинтересовался полковник.

Коваль кивнул головой и недоуменно развел руками, будто он в чем-то виноват и сейчас оправдывается.

— Наконец выбрался...

— Конечно...— согласился полковник.— Все возвращается на круги своя... Чем больше стареем, тем дороже становится нам отчий край и сильнее тянемся мы к нему... Я бы и сам

Печатается в сокращении.

так,— он тяжело вздохнул,— где-нибудь под тихими вербами устроился бы на песочке, да вот беда — селезенки-печенки по санаториям гоняют... Но пока, к сожалению, Дмитрий Иванович, отпуск откладывается, поедете на Рось... Срочное задание,— добавил он.— На Черкасщине никак не разберутся с каким-то Чепиковым, подозреваемым в убийстве. Никак он не хочет признать свою вину. Алиби у него нет, но и прямыми уликами ребята не располагают. Одним словом, запутанное дело. Они там не уложатся в положенные сроки.

— Есть, товарищ полковник.

...Машина медленно съехала вниз и оказалась в лесу. Именно здесь почувствовалось могущество вековых дубов, причудливых грабов, стройных сосен, устремленных ввысь,— всего того огромного зеленого царства, которое с самолета нам кажется только кустарником.

В лесу было влажно, пахло плесенью, после долгих ливней на лесных дорогах стояли лужи. Несмотря на солнечный день, здесь было мрачно и неприветливо.

...Вскоре подполковник Коваль подъехал к старому двухэтажному зданию милиции, расположенному неподалеку от Роси.

Дмитрия Ивановича уже ждали. Не успела «Волга» затормозить, как на крыльцо выбежал молодой лейтенант с повязкой дежурного на рукаве.

II

Около часа просидел Коваль над материалами дела об убийстве Петра Лагуты и Марии Чепиковой и только потом пригласил к себе работников райотдела милиции.

Так началось первое оперативное совещание.

О происшествии на хуторе Вербивка докладывал начальник райотдела майор Литвин. Его тесноватый мундир свидетельствовал о том, что полнеет он куда быстрей, нежели получает новое обмундирование.

— В прошлом году в районе было стопроцентное раскрытие преступлений,— спокойно произнес Литвин.— За первое полугодие общественно опасных действий стало значительно меньше. Думали, и вовсе не будет, а тут вдруг убийство.

Майор нахмурился, посмотрел на лист бумаги, который достал из папки, и, не надеясь на свою память, принялся читать:

— «Вечером восьмого июля около двадцати двух часов сорока пяти минут на хуторе Вербивка в усадьбе гражданина Лагуты Петра Петровича, расположенной на берегу реки Рось, раздались два выстрела. Около двадцати двух часов пятидесяти минут во двор прибежал сосед Лагуты — гражданин Федорко М. М., потом через две-три минуты — Толочко С. А., Григорук П. Т. Они увидели трупы двух убитых: гражданина Лагуты П. П., тысяча девятьсот двадцать первого года рождения, плотника-кустаря, и гражданки Чепиковой Марии Андреевны, тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения, супруги гражданина Чепикова Ивана Тимофеевича.

Граждане Федорко М. М., Толочко С. А. увидели бежавшего человека. Задержанным оказался гражданин Чепиков Иван Тимофеевич, тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения.

При задержании Чепиков И. Т. не оказывал сопротивления.

Около двадцати трех часов тридцати минут на место происшествия прибыла оперативная группа райотдела в составе начальника уголовного розыска капитана Бреуса Ю. И., участкового инспектора лейтенанта Беляка О. И. и судебного эксперта Гриценка Б. В. Вместе с оперативной группой милиции на место происшествия прибыл и следователь прокуратуры Гримайло Т. И. Экспертиза установила, что смерть гражданина Лагуты П. П. и гражданки Чепиковой М. А. произошла в результате прямых выстрелов с ближнего расстояния из пистолета системы «парабеллум». Протокол медэкспертизы прилагается...»

Подполковник Коваль, согласно кивая головой, терпеливо слушал начальника милиции: уже раньше он все эти документы прочитал и сейчас внимательно рассматривал присутствующих в кабинете — невысокого, со спортивной выправкой капитана Бреуса, немолодого лейтенанта Беляка, высокорослого и немного сутулого медицинского эксперта Гриценка.

Начальник райотдела заметил, что подполковник нахмурился и был чем-то недоволен. Майор подумал, что, наверное, подполковнику Ковалю не нравится, что он читает протокол. Поэтому он положил лист бумаги на стол и, обращаясь к Ковалю, произнес:

— А дальше, товарищ подполковник, скажу своими словами.

От жары изнемогали все: летнее солнце сильно разогрело за день крышу.

Дмитрий Иванович, оттянув узелок галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Тем временем майор Литвин, стоя у стола, докладывал.

В убийстве супруги и соседа Петра Лагуты подозревается муж Марии Чепиковой, Иван Тимофеевич, который сейчас находится в камере предварительного заключения. В домах Чепиковых и Лагуты произведены обыски.

Петро Лагута жил бирюком. После обыска его дом закрыт и опечатан.

В хате Чепиковых на своей половине проживала мать Марии — гражданка Клименко Степанида Яковлевна. Вторую половину, принадлежавшую семье Чепиковых, также опечатали.

Какие у нас есть основания подозревать в убийстве гражданина Чепикова и применить к нему такую строгую меру, как предварительное заключение?

Во-первых, как известно, закон разрешает задержать подозреваемое лицо, если его застали на месте преступления. Ивана Чепикова задержали возле двора Лагуты, можно сказать, сразу после того, как он стрелял,— разница в несколько минут.

При этом Коваль поднял брови, удивленный столь категорическим заявлением майора насчет того, что стрелял именно Чепиков.

Во-вторых, подозреваемый Иван Чепиков пытался бежать с места преступления и был задержан свидетелями Федорко М. М. и Толочко С. А.

В-третьих, одежда и руки у Ивана Чепикова были в крови; экспертиза установила, что кровь на рубашке той же группы, что и кровь убитой Марии Чепиковой, а на руках — второй жертвы, Петра Лагуты.

В-четвертых, внешний вид Ивана Чепикова в момент задержания свидетельствовал о большом возбуждении — состояние, в котором человек способен на самые отчаянные поступки, не поддающиеся контролю.

Все это дало право на законном основании арестовать гражданина Чепикова И. Т.

Изложив свои соображения, майор Литвин жадно глотнул теплой воды из графина, стоявшего на столе.

— Кроме того, Дмитрий Иванович, факты дают основания подозревать Чепикова.— Майор Литвин говорил, словно расставлял вехи на дороге.— Установлено, что с недавнего времени Чепиков стал пить и поэтому в семье начались ссоры. У Ивана Чепикова был пистолет системы «парабеллум». Есть сведения, что месяц тому назад он стрелял из пистолета ночью в лесу. Мы провели следственный эксперимент на месте преступления в присутствии подозреваемого. Некоторые детали из его рассказа подтверждаются. Большинство вещественных доказательств обвиняют Чепикова в преступлении по статье девяносто четвертой Уголовного кодекса, то есть в преднамеренном убийстве. Вот пока что и все,— закончил майор, внимательно, как и прежде, наблюдая за тем, какое произведет впечатление его сообщение на инспектора.

— Еще бы! Доказательств против Чепикова — целый мешок,— медленно произнес Коваль и, не закончив мысли, принялся шарить по карманам, разыскивая папиросы.

Солнце, повисшее в сине-голубой дымке неба, начало клониться к горизонту и заглянуло в кабинет Литвина. И сразу засверкали лакированные ножки стола, вспыхнула гранями тяжелая стеклянная чернильница, которая вместе с календарем украшала стол начальника милиции, заблестели пуговицы на его кителе.

Наконец Коваль нашел пачку «Беломора», закурил и, выпуская дым колечками, закончил свою мысль:

— Быть может, все-таки это — стечение обстоятельств?

— Ну нет,— осторожно возразил Литвин,— такого стечения обстоятельств не бывает, товарищ подполковник.

И он снова принялся перечислять:

— Застали на месте преступления — раз. Вся одежда в крови — два. Пытался убежать — три. Обоих застрелили из «парабеллума». «Парабеллум» у него был — четыре. Ссоры с супругой в нетрезвом состоянии через ревность — пять. Вместе с супругой застрелил и ее любовника — шесть. Других версий нет,— твердо подытожил майор,— и быть не может!

Коваль подумал: как трудно противостоять очевидному. Однако он привык всегда все подвергать сомнению, даже факты. Но факты хоть и упрямая вещь, как привыкли говорить, но упрямство не всегда бывает обоснованным. Впрочем, к убийству на хуторе это, возможно, и не имеет отношения.

— Конечно,— согласился Коваль,— единственная версия часто оказывается и единственно правильной. Но все улики против Чепикова косвенные, а косвенные улики — вещь сомнительная.

— Тут и косвенных улик достаточно,— сердито махнул рукой Литвин.— Если столько косвенных, то они начинают становиться прямыми.

— Вот это как раз и настораживает,— заметил Коваль. Ему уже стало ясно, что майор обижен тем, что прислали инспектора из министерства, как будто здесь сами не смогли бы разобраться в этом несложном для опытного работника деле. Трагическое событие на селе поразило майора. Тяжелое преступление зачеркнуло работу, которую он, местный житель, проводил в своем районе, перевоспитывая мелких правонарушителей, с естественным для человека удовлетворением считая, что его деятельность приносит плоды, что он, посвятивший себя нелегкой и не всегда приятной работе, живет не напрасно на свете.

Неожиданное происшествие в Вербивке сразу отодвинуло отдел едва ли не на последнее место в области. И, естественно, майор Литвин считал Чепикова не только убийцей, но и своим личным врагом. Поэтому и заключение начальника милиции было таким изобличающим. В какое-то мгновение у Коваля мелькнула мысль, что местные товарищи и в самом деле могли бы самостоятельно справиться. Единственное утешение, что командировка не будет продолжительной. Срок дознания — десять дней. За это время можно полностью собрать материалы и передать дело следователю прокуратуры. И тогда он, Коваль, возвратится в Киев и поедет в отпуск.

— А как вы установили, что выстрелы произведены из «парабеллума», который был у Чепикова?— спросил Коваль, ни к кому конкретно не обращаясь.— Из материалов дела этого не видно. Оружие найдено?

— Как раз этим и занимаемся, Дмитрий Иванович. Собирались сегодня с капитаном Бреусом осмотреть часть леса, где, по нашим сведениям, в прошлом месяце стрелял Чепиков. Будем искать гильзы и пули. Продолжим розыски пистолета и в селе.

— А Чепиков признает, что стрелял в лесу? Почему это ему вдруг вздумалось стрелять?

— Он очень подавлен. Все больше молчит. И про пистолет возражает. Проведем очную ставку. Наверное, в лесу стрелял, будучи пьяным.

— Пьяным? Нам не подходит такое объяснение,— заметил Коваль.

— Разрешите, товарищ подполковник? — поднимаясь со стула, произнес капитан Бреус, невысокий, крепкого сложения, со скуластым загоревшим лицом и узкими, почти восточными глазами. Все это время он молчал, давая возможность начальству разобраться во всем без его вмешательства.

— Сведения о том, что Чепиков стрелял в лесу, точные,— сказал капитан.— Есть показания граждан. В отношении пистолета есть показания продавщицы ларька гражданки Кульбачки. Она видела, как пьяный Чепиков выронил «парабеллум» на «дубках». Это напротив ларька,— объяснил капитан.— Но тут же поднял его и спрятал под пиджак... А почему ему вдруг захотелось стрелять в лесу, это тоже установлено.

Коваль на мгновение задумался. Ему понра-

вился энергичный тон капитана, офицер вызывал доверие. Но снова же: «Подвергай сомнению все, что можно». Он спросил:

— А разбирается эта гражданка в пистолетах?..

— Кульбачка,— подсказал Литвин.

— Да, Кульбачка... знает типы оружия?

— Установлено, товарищ подполковник. Знает. Большие бои происходили в этих местах, как известно, Корсунь-Шевченковский котел. Здесь этого оружия столько находили!.. Несли и несли. А сколько бывало несчастных случаев, особенно с ребятишками! Конечно, мы и специальные меры принимали по изъятию... Но все ж, глядишь, кто-то и спрячет, разные люди есть...

— А подозреваемый, значит, пистолет отрицает?

— Да, товарищ подполковник,— сказал Литвин.— Он все отрицает. Даже очевидные вещи: то, что пистолет имел и что стрелял в жену и соседа, то, что бежал, и даже кровь потерпевших на его одежде. Я, говорит, не помню, как их кровь попала... Это, конечно, глупо. Как можно возражать, что убегал от места преступления, если люди видели и задержали? Когда его схватили, был невменяем, весь дрожал и сразу стал кричать, что невиновен.

Коваль внимательно слушал майора и думал о том паническом страхе, который обычно охватывает убийцу после совершенного преступления. В этот момент он готов бежать куда угодно, не разбирая дороги.

— Итак, подозрение сразу пало на него,— продолжал дальше начальник милиции.— А дальнейший розыск только подтвердил наши первые предположения... Все это в протоколе, можно сказать, зафиксировано по горячим следам. Чепиков только одно не отрицает — что ненавидел Лагуту и готов был его убить. А пистолет, думаю, он нашел не здесь, а еще с войны оставил себе как трофей.

Майор быстро листал тоненькую папку дела Чепикова, разыскивая нужный лист бумаги. Коваль жестом остановил его.

— Я читал...

— Магнитофонная запись первого допроса тоже имеется, тоже по горячим следам.— И, поняв по жесту подполковника, что тот хотел бы ее послушать, Литвин кивнул капитану. Начальник уголовного розыска перекрутил в аппарате ленту, нажал на кнопку.

Послышался шорох, потом несколько измененный голос майора Литвина:

«Но вы, Чепиков, не один раз угрожали убить своего соседа гражданина Лагуту...»

Несколько секунд снова слышался шум ленты, и вдруг в кабинете раздался крик ненависти:

«И убил бы!!! Точно убил бы эту погань,— задыхаясь, повторил мужской голос.— Жаль, что не от моей руки!..»

«Ну, если не вы, так кто ж?» — спросил майор.

«Кто? А Марию кто убил? Он! Он! Зачем?! За что??» — И такое отчаяние прозвучало в голосе Чепикова, что, казалось, магнитофон умолк, так как не выдержала лента.

Наступила тяжелая пауза.

Коваль посмотрел в окно. Над Росью стоял неподвижно-молчаливый лес, освещенный слепяще яркими лучами солнца, и от этого казался словно прозрачным; огромный гранитный валун возле плотины, возможно, принесенный сюда ледниками, твердой сверкающей стороной врезался в берег, спокойная гладь реки и здание старой водяной мельницы с неподвижным и выщербленным колесом, с аистом на крыше — все это никак не увязывалось с трагедией, которая произошла в тихом, живописном уголке.

— Ну, хорошо, оставим Лагуту. А супруга? Если считать, что стрелял Чепиков,— спросил Коваль.— Каковы, по вашему мнению, мотивы убийства?

— Ревность проклятая,— ответил майор.— Что ж еще?

— Расскажите о каждом, кто хоть в какой-то мере причастен к делу,— попросил Коваль.— Вне протокола.

Майор прокашлялся, не зная, с чего начать, потому что не хотел повторяться, а нового добавить не мог. Начальник уголовного розыска, соблюдая субординацию, тоже молчал.

— Наследники у Лагуты есть? — спросил Коваль.

— Нет,— словно обрадовавшись, что появилась возможность хоть что-нибудь уверенно сказать, торопливо заметил Литвин.— Жил он один, родственников не установлено. Через полгода дом и все имущество пойдет с аукциона.

— Лагута местный?

— Из соседнего, Богуславского района. Был один у родителей. Они давно умерли, а Лагута после войны остался на селе.

— Как о нем отзывались?

— Неплохой плотник. Но на работу не ходил. Инвалидом считался. Иногда у людей работал. Чудаковатый. Во время оккупации в землянке сидел, псалмы пел, как юродивый. Его и не трогали. Потом, после войны, подлечился.

— По-моему, он притворялся или штундою[1] был, товарищ подполковник,— добавил начальник уголовного розыска.

Коваль внимательно посмотрел на молодцеватого капитана. Этот офицер все больше ему нравился.

— Окружение Лагуты, его друзья, недруги?

[1] Сектант (разг.).

— Замкнуто жил. Две старухи его навещали, молились с ним, помогали в хозяйстве, да соседи — мать Марии Степанида Клименко и сама Мария.

— Мария...— задумчиво постучал Коваль пальцами по столу. Женщина, которая погибла, его интересовала больше, чем другие действующие лица трагедии.— Ну, так что ж Мария? — снова спросил, доставая папиросу из пачки «Беломора».

— Ей всю жизнь не везло,— вздохнул майор.— Но чтоб так все закончилось...— Начальник милиции замолчал.— С детства она хромоножка, тихая, миловидная... Вот Чепиков к ней и пристал. Старше ее почти на двадцать лет, воевал, контуженый пришел. Но чтоб до такого зверства дойти...— Литвин покачал головой.

— Так что ж Мария? — снова спросил Коваль, закуривая.

— Сначала жили как будто хорошо, но когда Чепиков начал пить — она и повадилась к Лагуте. Говорят, в свою веру он ее обратил. Да кто знает, что между ними было...

— А почему Чепиков начал пить?

— Трудно сказать. Наверное, через те самые семейные невзгоды. Другой, может, сразу поставил бы точку, а этот, видно, терпел, переживал, смелости не хватало, вот и начал причащаться, пока до белой горячки не допился и не совершил преступления.

— Мария, возможно, и не изменяла,— заметил Бреус.— Лагута тоже не первой молодости дядька. И вид у него был...

— Ясное дело,— согласился майор,— ревность — она не столько на фактах строится, сколько на подозрениях. А привидится человеку что-нибудь такое один раз, другой, вот и начинает верить своей выдумке. И каждая песчинка вдруг глыбой кажется...

Коваль взял в руки план мероприятий по розыску, разработанный в отделе, и неторопливо принялся читать. Все присутствующие в кабинете по лицу подполковника так и не могли догадаться, одобряет он план или нет.

Тем временем солнце опустилось до самых окон, осветило весь кабинет, и раскрасневшиеся от жары лица людей стали бронзовыми.

— Выходит, сорвал я вам сегодня осмотр леса? — произнес подполковник, откладывая в сторону бумаги.— Или еще успеем? — И он посмотрел на часы, потом перевел взгляд на окна, окинул двор, где уже стали опускаться тени.

Рось потускнела, гладь ее теперь не сверкала, и вся она, словно успокоившись, тихо несла свои вечерние воды. На мельнице появились черные силуэты уже двух аистов. «Семья»,— подумал Дмитрий Иванович, и снова у него возникла мысль, что попал он в тихое царство, в котором спокойно, как Рось, поднятая плотиной, течет и сама жизнь. И вдруг неимоверный всплеск, крик, трагедия!

Но преступник арестован — тот самый человек, который нарушил спокойную жизнь, дававшую возможность начальнику милиции докладывать об уменьшении правонарушений, об успехах своих сотрудников и народных дружинников в борьбе с уголовными преступлениями.

Теперь, когда убийца задержан и скоро предстанет перед судом, понемногу все начало успокаиваться, входить в свои берега, и голос майора зазвучал спокойнее: мол, делали все, как полагается, четко, оперативно и вскоре до конца выполним свой служебный долг.

— Лучше завтра с утра,— предложил Литвин, обращаясь к подполковнику.— Пока доедем — пройдет полчаса или больше, в лесу уже стемнеет... Да и вы только с дороги. Устали, наверное... У нас с капитаном,— кивнул на Бреуса,— на сегодня еще и разговор с людьми... Что-то прихватим из завтрашнего плана.

— Ну что ж, согласен,— ответил Коваль.— Только усталость моя здесь ни при чем, да и не устал я... Но почему это мы без главного, заинтересованного лица все решаем?! Давайте-ка сюда вашего Чепикова.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

КИНО

ПРАЗДНИКИ НАВСЕГДА

«Это были праздники, которые я берегу,— они сами сберегаются всю жизнь потом. Лучшего пока не было...» Так писал Василий Макарович Шукшин в сборнике рассказов «Из детских лет Ивана Попова». Писал даже не столько о своем юном герое, сколько о себе самом; образ этот — автобиографический. Фильм, снятый по мотивам рассказов Шукшина о детстве мальчика с Алтая, так и назван: «Праздники детства».

Но вот какая замечательная происходит трансформация. Когда художник строит образ из кирпичиков собственной биографии, то разговор, если это, конечно, подлинный художник, непременно выходит за рамки личной судьбы; он идет о судьбе целого поколения. В данном случае — того поколения, на чье детство отбросила черную тень война.

Им трудно, этим деревенским мальчишкам. На их хрупкие плечи легла мужиковская доля. В знойный полдень уползти бы от жнейки в сторону, в поле, чуток подремать, передохнуть. Но нельзя. Трудно грузить в метель тяжеленные мешки с зерном, но нужно. Отцы на фронте. Теперь они, сыновья,— за хозяев в доме.

Совсем вроде бы не до праздников! Но мы видим, что в своем доме не бывает детства несчастливого, каким бы трудным, голодным, холодным оно ни было. Потому что — если переиначить известную поговорку — у детства глаза велики; пристальность, неравнодушие детского зрения укрупняют объекты: предметы, людей, события. И самые крохотные радости оборачиваются в детстве целыми праздниками.

Удалось матери раздобыть мясца да муки, всей семьей пельмени стряпают — праздник, хоть и умаялась сестренка-малютка до того, что так с пельмешком в руке и заснула... Она же баюкает деревянную, вместо куклы укутанную ложку, тепло и нежно, хотя это не нарядная магазинная принцесса...

Ваня поверх строгих строчек военных сводок выводит на газетном листе лушкинские слова о «Лукоморье»...

И порхающее пестрое чудо: стайка бабочек на дороге...

И зеленое раздолье, привольно и широко распахивающееся с вершины горы Бекет...

И буйный радостный ледоход на весенней Катуни...

Все это пребудет в душе навеки.

Нет нужды пересказывать содержание фильма «Праздники детства». Многие его уже видели. Да и не в событийной канве главный его смысл. Сюжет картины прост — никаких ухищрений. Здесь главное — атмосфера кадра, интонация рассказа: неторопливая, вдумчивая и доверительная.

Первейшее же достоинство «Праздников детства» — достоверность. Именно на нее сделали упор создатели фильма Р. и Ю. Григорьевы. Поэтому и съемки этого фильма велись непосредственно на месте действия — в Сростках. Поэтому и заняты в фильме в основном не профессиональные актеры, а местные жители. Они, можно сказать, изображали самих себя. Отсюда — во многом — удивительная эта подлинность.

Григорьевы были последовательны до конца: чтобы не утерять обаяния местного неподдельного говора, они привезли на озвучивание всех своих «неактеров» в Москву.

Необычно снимался самый, наверное, волнующий эпизод фильма — проводы на фронт. Жителей Сросток попросили прийти на съемки одетыми так, как одевались в ту пору, когда провожали отцов своих, сынов и братьев на фронт. Съемка происходила 22 июня 1981 года — ровно сорок лет спустя после начала Великой Отечественной войны... И не «массовка» это была, а событие. Оттого-то и поражаемся мы той неподдельности чувств, что царит на экране. Недаром многие кадры воспринимаются как документальные...

Конечно, совсем без профессиональных актеров обойтись нельзя. И задача их — органично вписаться в стилистику фильма — была непроста. Но это в полной мере удалось и опытной Людмиле Зайцевой (она играет мать), и исполнителю роли отца, дебютанту Геннадию Воронину. Главная же удача, наверное,— Сережа Амосов в роли Ваньки.

Р. и Ю. Григорьевы создали фильм благородный. Это и дань памяти их товарища: впервые они побывали на Алтае вместе с Шукшиным, будучи еще студентами-вгиковцами. Это и дань памяти народной о нелегких годах. Это и дань правде о людях России.

«Праздники детства» — лента негромкая. Нет в ней и намека на внешние эффекты. Но в кажущейся ее простоте — мощная духовная сила.

Алексей ЕРОХИН

С. Амосов в роли Ваньки Попова — в центре.

М. ИГНАТЬЕВА

ПЕСНИ МАТВЕЯ БЛАНТЕРА

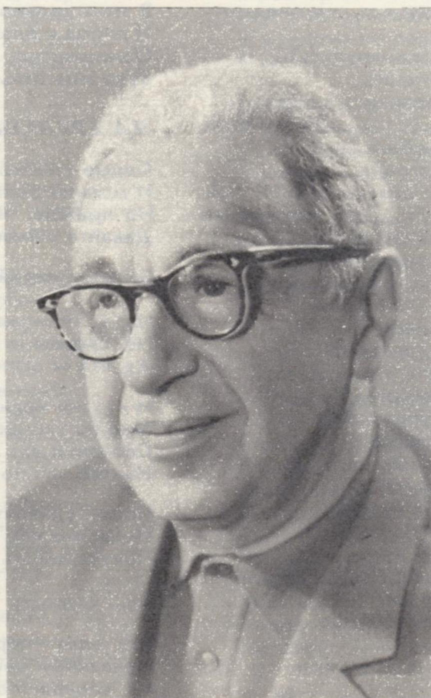
Творческая судьба Матвея Исааковича Блантера завидна и удивительна. Завидна потому, что популярность его песен, распространенность, сфера охвата своим влиянием, жизнестойкость, пожалуй, не знает себе равных. Хоть бы одна «Катюша»!.. Написанная на стихи Михаила Исаковского в 1938 году, за сорок пять лет существования не потеряла своей молодости, свежести, не пропал к ней интерес, а ведь уже несколько поколений выросло за это время!.. Жизнь «Катюши» предельно разностороння: песню поют в концертных залах и в клубах, на молодежных вечерах и в застолье пожилых людей, вспоминающих свою молодость. А главное — «Катюша» из мирной лирической песенки выросла в песню бойца, помогавшую советским солдатам в грозной схватке с фашистами; ее мелодию подхватили партизаны Италии, участники группы Сопротивления во Франции... И сейчас эту песню знают, любят, поют в разных странах мира и на разных континентах. Поет каждый народ в присущей ему манере; «Катюша» давно утеряла авторский "адрес" и приобрела имя песни народов.

Именно в том и представляется мне удивительная судьба Блантера, что часто, очень часто его песни в силу огромной их популярности знают больше, лучше, чем имя автора. «Партизан Железняк», «Песня о Щорсе» (обе на стихи Михаила Голодного) были взяты на вооружение бойцами интернациональных бригад, боровшихся в Испании против режима Франко. «Песню о казачке» (стихи С. Алымова) вспоминал в застенках гестапо в своих записках Юлиус Фучик...

Наверно, в этом самая высшая оценка творчества, если произведение вписывают в ранг народных! И долголетие, жизнестойкость песни... Секрет всего этого в тонком чутье художника. Оно помогло композитору обрести в окружающей жизни темы и образы, близкие людям, волнующие их, и создать произведения истинно народные по духу, по сути; найти своего героя — благородного, чистого, преданного Родине защитника интересов народа.

Песни Блантера пронизаны сердечностью, искренностью, отмечены мелодизмом, простотой, доходчивостью языка, но не упрощенностью, которой подчас подменивается доходчивость!.. Они прочно вошли в быт уже с 30-х годов. О сильных и мужественных людях, строителях первых пятилеток рассказывал композитор,— о комсомольцах — молодых, влюбленных в жизнь юношах и девушках. Буквально вся страна распевала популярнейшую «Молодость» (на слова Ю. Данцигера). «Потому что у нас каждый молод сейчас, в нашей юной, прекрасной стране!» — звучало повсюду.

...К началу Великой Отечественной войны у композитора уже был накоплен большой творческий багаж — примерно 35 произведений, широко бытовавших среди молодежи. Война предельно активизировала творческую жизнь музыканта. Буквально в первые же дни Великой Отечественной зазвучала прекрасная песня «До свиданья, города и хаты». Как рассказывал в одном из интервью сам композитор, она родилась в течение одного дня. «Я чувствовал, что именно сейчас необходима песня, которая вселила бы в народ бодрость, веру в победу. Стихи написал поэт Михаил Исаковский. Он продиктовал мне их по телефону, так как встречаться нам было некогда. Я немедленно сел за работу,— к вечеру песня была готова».

Это лишь одно из многих и многих произведений, рожденных в грозные военные годы. Какие здесь были превосходные и какие разные по настроению, по характеру песни. Полная благородной ярости, ненависти к врагу, призывающая противостоять нашествию фашистских полчищ, своего рода плакат — «Песня мщения» (на слова немецкого поэта Эриха Вайнерта — соратника и друга Бертольта Брехта)... Песня-баллада, повествующая о геройски погибшем моряке, отдавшем жизнь за город Ленина,— «Штурвальный с «Марата» (на стихи А. Суркова).

Много лирических песен было тогда создано. Как объяснил композитор, «хотелось дать возможность солдату «пообщаться» с близкими, высказать сокровенные думы свои, высказать их подруге, невесте, жене, находившимся где-то за тридевять земель, в далеком тылу». И это песенное «общение» получалось на редкость трогательным.

Сколько душевной теплоты, нежности, влюбленности, к примеру, в «Моей любимой» (слова Е. Долматовского). Я помню, какое широкое хождение имела эта песня в годы войны. Да и потом, в мирные годы, она широко звучала и в быту и на концертной эстраде. Уж очень по сердцу пришлись ее проникновенные слова, ее теплая вальсовая мелодия. А другой вальс — «В лесу прифронтовом» (здесь соавтор — М. Исаковский)!.. Мечтательный, романтичный и одновременно порывисто-горячий, взволнованный,— сколько в нем жизненной правды, достоверности, тонко подмеченных психологических состояний!

Песенный дар Матвея Исааковича Блантера богат и многокрасочен. И когда начинаешь перебирать в памяти одни только названия его сочинений, вновь и вновь поражает разнообразие средств, образов, тематики. В самом деле, драматичнейшая баллада «Враги сожгли родную хату»; исполненная неунывающего юмора «Песня военных корреспондентов»; мужественная энергия, неизбывное чувство любви к Отчизне в песне «Летят перелетные птицы»; игривая, задорная, с юмором «Черноглазая казачка».

Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Какую песню ни возьми, в каждой новый штрих, новая краска, я бы сказала, всегда какая-то находка. Композитор предельно активен в своем творчестве и, повторим, наиболее ярко и плодотворно это выявилось в период Великой Отечественной войны. Блантер много писал, очень много ездил по воинским частям, выезжал на фронт, где дал множество концертов для бойцов Красной Армии. И песни его подхватывали, распевали, брали на вооружение в минуты передышки. Примечателен один эпизод с блантеровской «Катюшей», хоть и описанный уже в ряде материалов, но заслуживающий того, чтобы еще раз его напомнить. Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, «Катюшу». Немцы прокрутили пластинку раз, потом поставили второй раз, потом третий... Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу «Катюшу». Не бывать этому, надо «Катюшу» у них отобрать. Дело кончилось тем, что группа солдат совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась молниеносная схватка. В результате — немцы опомниться не успели — «Катюша» — пластинка вместе с патефоном — была доставлена к своим...

В 1945 году по приглашению Политуправления армии композитор находился в частях генерала В. Чуйкова под Берлином. Советские войска уже форсировали Одер и готовились к штурму гитлеровской столицы. Вместе с Блантером оказался Тихон Хренников, тогда еще совсем молодой музыкант. Они стали свидетелями штурма и взятия Берлина. И уже через несколько дней Т. Хренников, М. Блантер и К. Симонов участвовали в Берлине в радиоконцерте в честь Победы над фашистами. Так закончилась для композитора война. Он сам пел перед микрофоном «Мою любимую» и «Песню военных корреспондентов», пел вдохновенно, горячо. Это были незабываемые часы и дни Победы.

И вот пришло новое время — послевоенное мирное время добрых дел. А значит, добрых и веселых, радостных песен.

Мирный настрой тонко и чутко ощутил Матвей Блантер; одна за другой рождаются его послевоенные песни: «В городском саду играет», «Лучше нету того цвету», «Пшеница золотая»,— песни чистые, нежные, мелодичные, распевные.

К лирической песне у композитора особое отношение. «Лирика — один из важнейших жанров песенного искусства,— говорит он.— Можно, воспевая высокие гражданские идеи в лирической песне, затронуть самые тонкие струны души человеческой...» Такова его позиция не только в устных высказываниях, но и в творчестве.

О чем бы ни повествовало произведение Блантера, тон его разговора всегда окрашен душевной, теплой, доброй интонацией. Автор открыт в своих чувствах, сердечен и прост в «беседе музыкой» со слушателями. И за это они платят ему уважением и любовью.

Внушителен и о многом говорит перечень имен исполнителей песен Блантера.

Когда-то его песни пели Лидия Русланова и Леонид Утесов — корифеи эстрады; пели оперные певцы—самые знаменитые: Надежда Обухова, Марк Рейзен, Сергей Лемешев и другие, столь же известные... Уже многие годы великолепный певческий коллектив — дважды Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии неизменно включает в свой репертуар и давние и новые песни Матвея Блантера. Их поют сегодня Тамара Синявская, Иосиф Кобзон, Юрий Богатиков и другие популярнейшие артисты.

Да, время — самый строгий и самый справедливый судья искусства. Оно безжалостно отметает все лишнее, случайное, наносное. И оставляет новым, будущим поколениям истинно ценное.

Людмила ЩИПАХИНА

ЛИРИКО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

МОЙ ДВА

СРЕДЬ ЛЮДСКОЙ КРУГОВЕРТИ

Средь людской круговерти
Двадцатого века
Я ищу человека!
Я ищу человека...
Не для доблестных дел,
Не для подвигов века,
Я влюбленно
Ищу
Для себя человека,
На рассвете, в ночи и средь дня
голубого
Я ищу,
Но не каждого и не любого,
Я ищу, не смиренно
потупив ресницы,
Я ищу с вожделенным азартом
волчицы.
Я ищу с неизбывным желанием
дани,
Я ищу с лебединою песней
в гортани.
Я ищу с неистраченной жаждой
отдачи.
Я ищу человека. А как же иначе!
Предназначила жизнь мне —
ни много ни мало.
Но забыла
Мое естество и начало.
Но забыла,
Наполнив неистовой кровью,
Оделить,
Одарить
И отметить любовью.
Оглянусь на себя.
Может, я виновата?
Может, я к ней не так
Обратилась когда-то...
И она от меня навсегда
отвратилась.
Открестилась.
Отчаялась.
И распростилась?
Может, ей не по нраву мой вид
горделивый?
Эту месть никогда не сочту
справедливой!
И кричу сквозь пустыню
двадцатого века:
— Я ищу человека!
Я ищу человека!
Я из прошлого слышу
печальное эхо,
Был ведь муж у меня...
Оказался — помеха.
Ах, зачем эта видимость,
Благость,
Рутина?
Но осталась
Веселая дочь Катерина.
Благодарствую
Ставшее вечной печатью
То слепое и мудрое
Чудо зачатья.
Торжествуйте же, дети
Любви и ошибок!
Мир прекрасен от ваших
Победных улыбок.
Мир прекрасен.
А я
Сквозь превратности века
Все ищу человека.
Ищу человека.
И второй человек,
С шевелюрой ржаною,
Мне сказал: «Я люблю,
Будь моею женою.
Я вас с дочкой возьму.
Обогрею любовью».

...И приникли слова
К моему изголовью.
Охо-хо, охо-хо!..
То, что было — то было...
А казалось,
И время над нами застыло.
А казалось, ну вот, наконец-то
Свершилось!
Две вершины сомкнулись!
Земля закружилась.
В январе растопились снега
Ленинграда.
Наконец-то любовь.
Наконец-то награда.
Наконец-то в стремительной той
круговерти
Два неистовых сердца
Пребудут до смерти!
Что ж, что муж тот — второй?
Лишь бы был настоящий!
Ох, медовый настой,
Чуть от дегтя горчащий!
Ничего! Ничего!
Я стерплю его нравы.
Ах, какой он упрямый!
Какой он кудрявый!
Я привыкну к его
Эгоизму мужскому.
Я так предана чувству,
И вере, и дому.
Захотел он —
Чтоб сделала я одолженье,—
Чтоб не мучилась,
Бросила стихосложенье.
Захотел он — и я
Распрощалась с друзьями.
Мы — семья.
Мы — одни.
Мы — с тобою.
Мы — сами.
Захотел бы —
В горящее бросилась пекло.
Захотел —
Обезвучела я и ослепла.
Захотел
(Он властитель, он хочет немало!),
Захотел —
И меня понемногу не стало.
Эй, ау! Пустота...
Только видимость плоти.
Это я
По своей растворилась охоте.
Это я раздала по любви
распроклятой
Все, чем гордой была
и когда-то богатой.
Карой мне
Одиночества своды глухие.
И нелегкие годы
И беды лихие.
Дочь вспорхнула — и замуж!
(Свой дом и заботы.)
А со мною
Лишь трепет любимой работы.
И опять я — как я.
И обет не нарушу!
Вновь созвучие слов
Бередит мою душу.
И заботы земли и тревоги
мирские
Нарастают в душе, словно рифы
морские.
Красный цвет — от знамен,
и от звезд, и от маков —
С пересыщенной кровью моей
одинаков!
И взамен той любви,
что казалась нетленной,
Ощущаю родство и Земли
и Вселенной.
Слышу, в темном пространстве
вздыхает Венера.
Задыхается дымом из труб
биосфера.
А в космических безднах
все льются напевы
От созвездья Стрельца
до созвездия Девы.
В этом кровном родстве —
И опора и благость.
Одиночество,
Будь мне отныне не в тягость!

НА ХРУПКОЙ ВОЛНЕ

Седые туманы повисли.
И молнии блещут, слепя...
Но прежде, чем землю осмыслить,
Давайте осмыслим себя.

Встать с левой ноги
или с правой —
Не в этом удачливость дня...
Но словом и мыслию здравой,
Ах, кто ж осеняет меня?

И кто же невидимой тенью
Мне на ухо шепчет мотив?
Сознание иль вдохновенье?
Наитие или порыв?

Порой удивляться должны мы,
И как это нам удалось:
Почувствовать кожей
фальшивость!
Иль хитрость увидеть насквозь.

Иль вдруг перехватишь глазами
Нечаянный чей-то секрет...
Не словом поймешь, а касаньем,
Что больше доверия нет.

О тайн роковых перегрузки!
Неясные волны в крови...
И тот треугольник Бермудский.
И тот треугольник в любви...

Галактик размытые звуки —
Таинственный радиомост.
И белые пятна науки!
И черные дыры меж звезд!

Какие в вас истины скрыты?
И, может, уже навсегда
Загадочные мегалиты?
Заброшенные города?

Летающие объекты,
Пропавшие корабли...
Вопросы, что жаждут ответа
У патриархальной Земли.

Мы все — из двадцатого века.
А он материален вполне.
Но плещет в душе человека
Надежда на хрупкой волне,

Что кто-то из дальних галактик
К нам выведет линию трасс,
Поэт, астроном, математик,
Немного похожий на нас.

Что мы от удачи зависим.
Что разум дельфиний не миф.
Что есть ощущенья у листьев
И что гороскоп справедлив.

При лунном таинственном свете,
Быть может, поют камыши,
Что дух человека бессмертен,
А мир — продолженье души...

●

Я люблю тебя, земля!
Зелень, воды, тварь любую...
Плещет лещ.
Лоснится буйвол.
Спит гремучая змея.

Бродит белый слон вдали.
Белый аист выгнул шею.
Не люблю —
Благоговею
Перед щедростью земли!

Львица Эльса чует дым
Человечьего жилища
И, раздваиваясь, ищет
Доброты и связи с ним...

Паутину ткет паук
Из тончайшего нейлона.
И по шелку небосклона
Стриж вычерчивает круг.

Скалы, пастбища, сады —
Все кипит в едином горне.
Под землей бушуют корни
В вечных поисках воды.

Как в предчувствии беды,
Степь, растрескавшись от зноя,
В небо,
В марево сквозное
Вопиет:
«Воды!
Воды!»

К водопою носорог
Пробирается сквозь пекло.
Просолилась и поблекла
Колея земных дорог.

Опаленные листы
И пески под пыльной шалью...
Как кричат трибуны: «Шайбу!» —
Вся земля кричит: «Воды!»

Поджимает тигр бока.
От бескормиц мрут олени.
И идет на преступленье
Рысь, бросаясь на врага...

Заяц, серый ротозей,
Утоляет лисий голод.
Даже кот, который молод,
Нападает на гусей.

Беркут выследит дрозда.
По полям волчица рыщет.
Всяк живущий
Жаждет пищи
Агрессивно и всегда!

Чтоб вода, зверье, поля
Не скудели век от веку,
К человеку,
К человеку
Прислоняется земля.

Чтоб тучнее вызрел злак,
На поля свои сердечно
Сыпь горстями, человече,
Калий, фосфор, аммиак.

Лей молоки на икру
С мудрым знаньем рыбовода.
У тебя одна забота —
Покровительство добру.

В заповедниках приют
Отведи породе хрупкой...
Подымай привычной трубкой
И опять примись за труд.

В золотую зыбь песков
Проведи живые воды.

Окончание. Начало см. № 5.

ДЦАТЫЙ ВЕК

Изучай язык природы,
Диалект ее веков.

Грушу с яблоком скрести.
Если хочешь, с тыквой — дыню.
Лишь бы
Сущему
Отныне
Процветать, расти, цвести.

Целину заставь рожать,
Поднимать колосья тучно.
Чтоб потом собственноручно
Долго,
Много,
Жадно жать!

Отведи овец в загон.
Табуны паси в долине.
И вовеки,
И отныне
Возведи добро в закон!

Но, прокладывая путь,
Крылья выпрямив в паренье,
Человек,
Венец творенья,
И себя не позабудь.

ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА

В бурях будней, в хлопьях снега,
Оптимисты, дети века...
Мерить правдой, правдой, правдой
Надо личность человека.

Не затем ли, как заветы,
Носим красные билеты?
Не затем ли правдой живы
На одной шестой планеты?

Не затем ли с тайной дрожью
Раздуваем искру божью,
Чтобы факел правоты
Проносить по бездорожью?

Правда бьет порою током.
Правда может выйти боком.
Крикнем: «Вертится Земля!» —
И сгорим в костре жестоком.

На остывшем пепелище,
В поле, в собственном жилище,
Факты точные копя,
Правды, правды, правды ищем!

Не удобства и не блага.
Ищем красной правды флага.
Ищем ясной правды слов,
Чтоб не морщилась бумага.

Прикасаясь к теме спорной
Не с предвзятостью покорной,
Различаем мы цвета:
Основной,
Размытый,
Черный.

Разве мы мудрей не стали?
Мы солжем себе едва ли.
А за правду постоим,
Как уже не раз стояли!

Нам смешно от детских сказок,
Колпаков, костюмов, масок.
Видим голых королей,
Интриганов всех окрасок.

Кто судил
И что судимо —
Все пройдет!
Промчится мимо.

Только правда,
Правда нам
Навсегда
Необходима.

Что есть истина? На это,
Как известно, нет ответа.
Что есть правда? Я скажу:
— Да живет моя планета!

●

Чуть потрескивает лед,
Чуть похрустывает снег.
Стой, стреляю! Кто идет?
Это я — двадцатый век.

Это я — двадцатый рок,
Яростью слепой объят.
Я — нацеленный курок
И пристрелянный снаряд.

Я взрываю в небе гриб,
Чтобы рухнули дома.
Я пока что не погиб.
Я пока — сошел с ума.

Сколотил военный пакт
Силой денег и огня.
И пока что — это факт —
Стыд не мучает меня.

Может, знаю наперед,
Не отсохнет мой язык:
Стой, стреляю! Кто идет?
Я стесняться не привык.

Воротилы дальних стран
Натянули мне мундир.
Я — послушный атаман,
Посягающий на мир.

Что мне правда и добро,
Обветшалые слова?
У меня свое нутро
И чужая голова.

Не моею ли рукой
С корнем вырвана лоза?
Эмигрантскою тоской
Наливаются глаза.

Опускает жалкий взгляд
Легковерный человек.
Это я посеял яд.
Это я — двадцатый век.

Это я кривлю душой.
Это я пускаю дым.
Я — чужой, чужой, чужой.
Я хотел бы быть — родным...

«ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»

Век двадцатый,
Век двадцатый —
Колыбель моя и твердь.
Ты ль сулишь мне, виноватый,
Термоядерную смерть?

Ты ль заглядываешь в очи
Зыбким отсветом надежд?
Ты ли страхом оторочен,
Век нейлоновых одежд?

Ты ль, величием болея,
Так обузил мир земной?
Ты ли, технику лелея,
Не считаешься со мной?

На костре эмансипаций,
В вихре моды молодой
Я рискую растеряться,
Разминуться со средой.

В распорядок не вписаться
Или в дебри забрести.
И в других не разобраться.
И себя не обрести...

Захлебнуться пустозвонным
И накатанным, как ком,
Утонченным, изощренным,
Современным языком.

Фразы, фразы, фразы, фразы,
Не видать от них ни зги.
Вроде вирусной заразы,
Поражающей мозги.

В обтекаемости ватной
Гаснет умный свет голов.
Где правдивый и понятный,
Вербный дух российских слов?

Чтобы не был чуждым слуху,
Отвратителен — устам,
Чтоб по сути и по духу
Соответствовал бы нам?

Чтобы он гудел стозвонно
Над родным материком.
Ведь не зря
Народ исконно
Называют — языком.

●

Живу. Дышу. В двадцатом веке.
От перегрузок вся в поту.
То на КамАЗе, то в Певеке.
То в Петропавловском порту.
Последней строчкой алфавита
И первой строчкой бытия,
Как все,
Живу я деловито
И ощущаю — это я!
И дух
Господствует над телом.
И разум
С чувствами в ладу.
Любимым занимаюсь делом
И за него живот кладу.
Дорог заманчивые дали.
Туман далеких берегов.
Неповторимые детали
За отпечатками шагов.
И тесен комнатный порядок,
И, разрывая рубежи,
Бегу сквозь зелень спелых грядок,
По льну,
По просу
И по ржи.
Стою на краешке Европы,
До Кубы достаю рукой.
Ах, трассы,
Автострады,
Тропы...
Двадцатый век! Какой покой?
Салют, Гавана! Мне ль неведом
Высокий взлет души твоей?
Готовность к смерти иль победам
На гребне раскаленных дней!
Мне ль с чечевицей и маисом
Родство навеки не впитать?
С Франсиско, Анхелем, Луисом—
Мне ль дальновиднее не стать?
Вот почему учу ночами
Испанских слов крутую суть.
И в одержимом их звучанье
От сердца к сердцу
Ближе путь.

Ах, что-то за душу хватает
И кровь тревожно горячит,
Когда та речь плывет и тает,
Летает,
Кружится,
Звучит!
Спасибо, Куба, за великий
Твоих побед святой момент.
Не их ли яростные блики
Зажгли латинский континент?
Гильена строки, точно пули,
Что шлют повстанцы в стан врагов.
Антильские ветра подули
От просветлевших берегов.
И без запинки, без опаски
Чтя революцию, как твердь,
На чистом,
Яростном
Испанском
Кричу: «Отчизна или смерть!»

●

Вот луч народился и брызнул,
Зажег небосвода края.
Отчизна, Отчизна, Отчизна —
Забота и гордость моя.

Желанный приют человека.
И звездный оплот впереди.
Знамена двадцатого века
Горят у тебя на груди.

Спасибо за счастье родиться
Не малой иголкой в стогу.
Хочу я тебе пригодиться.
И, может быть, даже — смогу.

И эта надежда и жажда
Не канули в омут души.
— Пиши,— ты сказала однажды.
Потом повторила: — Пиши!

— Пиши! — откликается воздух.
— Пиши,— шелестят камыши.—
Пиши о хлебах и о звездах,
О веке двадцатом пиши.

— Пиши,— мне волна пробасила,
Медузу метнув на песок.
— Пиши про родную Россию,—
Пробулькал березовый сок.

Венки поминальных азалий
На плитах взметнулись: — Пиши!
— Пиши об отцах,— приказали
Заросшие мхом блиндажи.

— Пиши! — громыхнул басовито
Тяжелый комбайн у межи.
И золотом сыпалось жито
И звонко звенело: — Пиши!

И эхо стучало о стены,
И падали звуки с небес.
— Пиши!— оглушали мартены.
— Пиши! — обволакивал лес.

Спасибо за трудное право
Лелеять, хранить и беречь
И рифмой заканчивать здраво
Великую русскую речь.

И свято несу убежденье:
Хоть этим Отчизне помочь,
Двадцатого века рождения,
Земли
Благодарная
Дочь.

1980—1982 гг.
Москва.

9 ФЕВРАЛЯ — 200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКОГО

*«Неизмерим подвиг Жуковского
и велико значение его в русской литературе...»*
В. Г. Белинский

СВЕТЛАЯ ДУША

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

«Пример добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет вместе с нами; память добрых дел есть лучшее, что можем оставить тем, кто будет жить после нас».

В. А. Жуковский

29 января умер Пушкин. В. А. Жуковский закрыл ему глаза. В тот день они оба были приглашены на обед к П. А. Вяземскому. Это был обед в честь дня рождения Жуковского. В тот день ему исполнилось 54 года.

Пушкин, который был моложе его, ушел, а Жуковский остался. Ему суждено было прожить еще пятнадцать лет. Умер он в Баден-Бадене 12 апреля 1852 года. Через некоторое время его прах был перевезен в Россию и похоронен в Александро-Невской лавре рядом с Н. М. Карамзиным.

Жизнь Жуковского прорезает несколько эпох. Когда он явился на свет, еще правила Екатерина. Блистал своими победами Суворов. Затем на престол вступил Павел. Молодость Жуковского и зрелые годы пали на царствование Александра I. Жуковский был в ополчении 1812 года. При нем разразилась Великая французская революция. Он пережил якобинцев, Наполеона, стал свидетелем волнений 1848 года в Европе. При нем декабристы вышли на Сенатскую площадь. При нем явились в свет первые повести Ф. Достоевского и сам Достоевский был осужден на каторжные работы. В 1852 году, в год смерти Жуковского, вышло из печати «Детство» Л. Н. Толстого.

Средь бурных волн века Жуковский провел свой корабль с достоинством и честью. Судьба была щедра к нему, но и он был щедр по отношению к тем, кто нуждался в нем — будь это проситель на лестнице его квартиры в Шепелевском дворце или сам Пушкин.

В 1815 году, едва познакомившись с Пушкиным, Жуковский писал П. А. Вяземскому: «Это надежда нашей словесности... Нам всем надобно соединиться, чтоб помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

Это не только предвидение, но и самоотвержение. Слава Жуковского к тому времени была велика. Он спел свою песнь «во стане русских воинов», сделавшую его имя известным всей России. Он напечатал «Людмилу» и «Светлану». Его, что называется, ласкал двор.

Но он безоговорочно признал поэтическое первенство Пушкина. Он не только уступил дорогу гению, но и призвал своих друзей «соединиться», чтоб помочь гению вырасти и перерасти их самих. В этом призыве — весь Жуковский. Его «светлая душа», как назвал его душу Пушкин, не знала зависти. «Друг и брат»,— писал ему Гоголь. И этого гения Жуковский взял под свою опеку. Безвестного провинциала, выпускника далекой Нежинской гимназии он вывел в люди. Он помог Гоголю поставить «Ревизора» на сцене, помогал — деньгами из своего кармана и ходатайствами перед царем и наследником — дописать «Мертвые души». Гоголь жил у Жуковского в Петербурге, Гоголь жил у него и во Франкфурте-на-Майне, где по случаю частых наездов гостя была припасена для того отдельная комната.

На конвертах писем, которые Гоголь отправлял Жуковскому во Франкфурт и другие города Германии, где жил поэт, он писал: «Его Превосходительству генералу Жуковскому».

Чин действительного тайного советника, который имел Жуковский, был чином полного генерала. Между Гоголем и Жуковским по российской табели о рангах была пропасть. Коллежский асессор, каким был Гоголь (в воинском соответствии майор), не мог дружить с генералом. Такое возможно было только между поэтами.

Поэты в России редко поднимались до таких чинов. Да они их и не искали. Министрами и статскими генералами были Г. Р. Державин и И. И. Дмитриев. Статским генералом был и Н. М. Карамзин. Но они сохраняли при этом право «истину царям с улыбкой говорить». «Нет льсти в языке моем» — эти слова поставил Карамзин эпиграфом к «Записке о древней и новой России», которую он поднес Александру I в 1811 году в Твери. В ней содержались резкие суждения о политике царствующего императора.

Так же поступал и Жуковский. Жизнь поставила его в трудное положение. Он должен был прикрывать русскую культуру и русскую интеллигенцию от самодержца, который не очень-то считался с ними. Николай I был не Александр I. Его воспитание проходило не в беседах на высшие темы, а в упражнениях со штыком и ружьем. Царь путал Гоголя с В. Соллогубом, а когда ему объяснили, что Гоголь — Гоголь, все-таки называл его Гогелем.

Жуковский сначала был чтецом у императрицы Марии Федоровны (вдовы Павла I), затем учителем русского языка у будущей императрицы Александры Федоровны (жены Николая). В 1825 году он стал воспитателем наследника престола. В «плане учения» для наследника Жуковский записал: «Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели». Раздел «Хрестоматии», которую он составил для своего воспитанника, называвшийся «Польза истории для государей», заканчивался словами: «подвигайся вперед, не быстро, постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно и могущественно с ним соглашайся; будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить».

Жуковский и само слово «самодержавие» толковал по-своему. Самодержавие, говорил он,— это значит и САМ ДЕРЖУ (то есть полнота власти) и САМОГО СЕБЯ ДЕРЖУ (то есть умение встать выше себя и взглянуть на себя критически). Великий князь, по его расписанию, должен был подниматься в 6 утра и приступать к занятиям. Жуковский объездил с ним в 1837 году всю Россию (чтоб будущий царь знал, в какой стране живет), а после и Европу.

Но и отойдя от дел и поселившись в Германии, где он женился на дочери художника Рейтерна Е. Е. Рейтерн, Жуковский продолжал писать письма своему воспитаннику. В этих письмах много советов и увещеваний, прямо относящихся к будущему царю Александру II (он и был учеником Жуковского), а косвенно к Николаю I. Цель этих увещеваний — милосердие. Именно к милосердию призывает Жуковский как отца, так и сына. «Я видел в Москве Е. Ф. Муравьеву,— пишет он в 1839 году из Москвы наследнику,— ее положение на старости лет ужасно: оба сына, для которых жила она, в изгнании». Рассказывая далее о старшем сыне Е. Ф. Муравьевой, декабристе Н. М. Муравьеве, у которого после смерти жены, поехавшей за ним в Сибирь, осталась на руках дочь, Жуковский добавляет: «Теперь изгнаннику грозит наказание третье: отнимут дочери... Не могу поверить, чтобы государь... мог не войти в чувства отца, который все отец, хотя и колодник... Муравьева, как я слышал, хочет просить великую княгиню Марию Николаевну о заступе за внучку ее пред государем императором, в какую минуту! когда великая княгиня сама готовится быть матерью. Это дело, без сомнения, не дошло еще до сведения государя... Поручаю его вам в день вашего ангела».

Дети декабристов, родившиеся в неволе, тоже считались ссыльными. Без разрешения царя они не могли покинуть мест заключения своих отцов. Речь шла всего лишь о том, чтоб бабушка, живущая в Москве, взяла внучку к себе.

Далеко не всегда Николай откликался на такие просьбы. Жуковский, однако, продолжал просить. Он просил за Кюхельбекера, который был лишен права выписывать в Сибирь журналы и зарабатывать себе на хлеб литературным трудом, просил о других. Несмотря на неудовольствие царя по поводу таких просьб, он стоял на своем. О «милости к падшим» говорил царям еще Пушкин.

Первый номер пушкинского «Современника» (1836 г.) вышел со стихотворениями Пушкина «Пир Петра Первого» и Жуковского «Ночной смотр». Как ни трезво относились оба поэта к избранным ими героям (стихи Жуковского были посвящены Наполеону), мотив этого поэтического вступления к журналу был один: упование на крупную личность. Великий человек и к противникам своим относится великодушно. «Он с подданным мирится», как писал Пушкин, «виноватому вину отпуская, веселится». «И прощенье торжествует, как победу над врагом».

В своих стихах Жуковский уповает на мир, а не на вражду. Уже в вольном переводе элегии Грея «Сельское кладбище» (1802 г.) он набрасывает программу своей поэзии. Смертные равны перед смертью. Пышные гробницы, воздвигнутые на могилах сильных мира сего, не прибавят им значения в потомстве.

Д. Демартре. Невский проспект конца XVIII века * Портбювар и другие мемориальные вещи, представленные на юбилейной выставке, посвященной В. А. Жуковскому * Д. Кваренги. Вид на Кремль. 1800-е годы. Акварель * В. А. Жуковский. Литография Эстеррейха, подаренная Жуковским Пушкину с дарственной надписью * Группа художников — учеников А. Венецианова. На вечере у Жуковского. 1836 год.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В. А. Жуковский. Гостиная. Акварель. Публикуется впервые * Муратово. Рис. Жуковского * В. А. Жуковский. Павловск. Дом Е. И. Нелидовой. 1824 год. Аквантина * Г. Чернецов. Этюд к картине «Парад на Марсовом поле»: Крылов, Пушкин, Жуковский и Гнедич в Летнем саду. 1832 год * Е. Рейтерн (!). Портрет дочери Жуковского, Александры Васильевны. Холст, масло. Публикуется впервые * Петербург. Острова. Раскрашенная литография. 1810-е годы.

(Материалы с выставки, посвященной 200-летию Жуковского в Государственном литературном музее.)

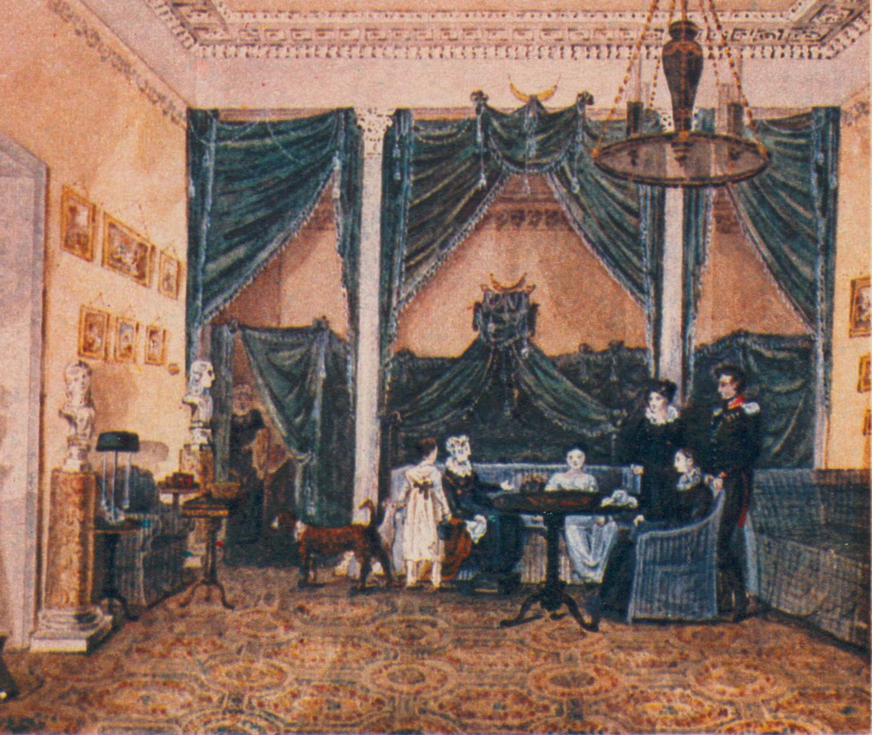

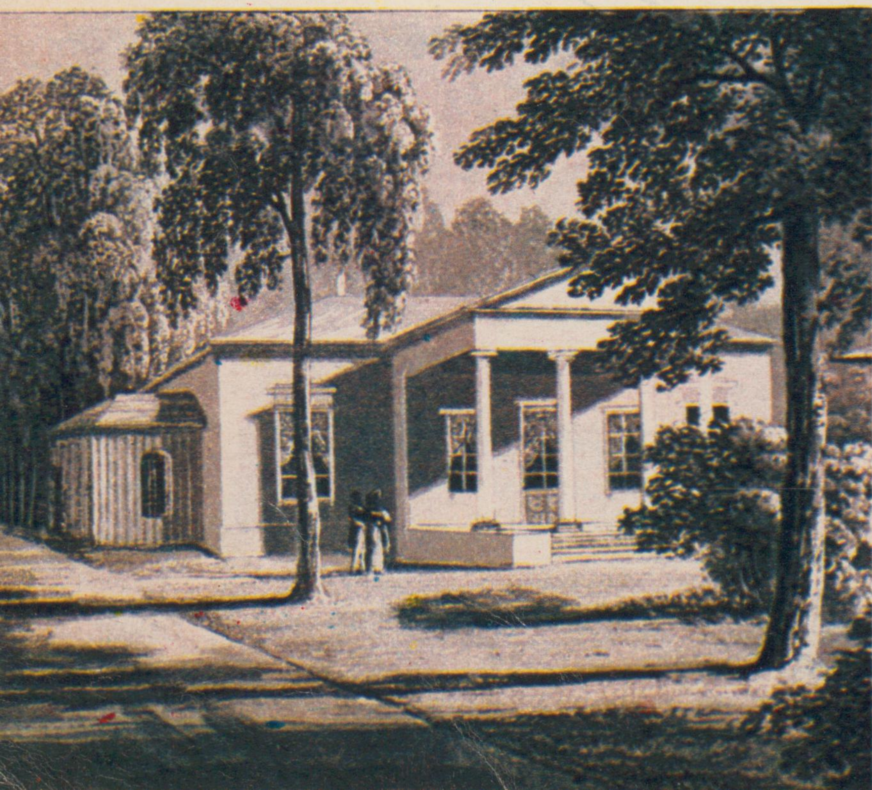

Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя
въ тотъ высокоторжественный день въ который онъ окончилъ
поэму Русланъ и Людмила
1820 Марта 26 великая пятница

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Простой селянин в глазах Жуковского такой же человек, как и царь, и еще, быть может, более человек, так как «рок» отвратил от него и «стезю убийств» и стезю гордости.

Выступив в печати с переводами из германской и английской поэзии, Жуковский внес в эту поэзию русскую душу. «У меня почти все или чужое,— писал он,— или по поводу чужого—и все однако мое». Это была правда. Лира Жуковского исторгала звуки из его сердца. Кто не знал минут горя и страданий, тот не поймет горя и страданий ближнего. Тот на них не откликнется. Жуковский, хоть и кажется со стороны счастливчиком, им не был. Он был бастард, то есть незаконнорожденный, и мать его, Сальха, привезенная из турецкого похода в подарок богатому барину, была пленницей. Хорошо, что отец Жуковского Афанасий Иванович Бунин оказался добрым человеком. Что он не обижал мать поэта, прислуживавшую у него в доме, а самого Жуковского, рожденного от нее, считал родным сыном. И жена А. И. Бунина Мария Григорьевна Бунина относилась к нему, как к своему дитяти.

Доброта Жуковского зародилась в этом сочувствии к нему со стороны тех, кто, кажется, должен был испытывать неловкость при встречах с ним, кто по логике людских отношений мог недолюбливать его, избегать.

Несмотря на боль незаконного рождения, он не чувствовал себя в доме лишним. Только фамилия у него была чужая — ему дал ее крестный отец, бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Как-то, когда они остались вдвоем, юный Жуковский признался своему крестному: «Если б я имел отца!» Все же эта рана жила в нем.

Вторую рану нанес ему роман с М. А. Протасовой. Мария Андреевна была племянницей Жуковского. Она тоже любила поэта. Но мать ввиду родства влюбленных не позволила им соединиться. В 1817 году М. А. Протасова вышла замуж за профессора Мойера. «Роман моей жизни кончен,— писал Жуковский,— теперь начну его историю».

Читать жизнь поэтов надо по их стихам. По ним гораздо больше можно узнать об их душе, нежели по отзывам современников, по рассказам их самих или их собственным письмам.

У Жуковского есть стихотворение «19 марта 1823». Оно посвящено последней встрече с М. А. Протасовой и написано после получения известия о ее смерти.

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувств.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.
Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли...

Читая эти строки, нельзя не вспомнить стихотворения Державина «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся», стихотворения Пушкина «Заклинание», стихотворения Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.». Великая поэзия скорби окликает здесь XVIII век и уходит в окончание XIX века. Не было бы стихов Державина с их разрывающей душу печалью, не было бы и стихов Жуковского, Пушкина, не было бы и тютчевской молитвы по рано умершей Денисьевой:

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

В поэзии Жуковского наталкиваешься на знаменитый образ, которым потом воспользовался Пушкин. «Гений чистый красоты»,— пишет Жуковский в стихотворении «Лалла Рук». «О, гений чистой красоты!» — восклицает он в стихах, помеченных тем же роковым для него годом: «1823».

Гением чистой красоты была и муза Жуковского. И хотя она подавала свой голос в дни царских тезоименитств, в дни рождений великих князей и княгинь, хотя бремя земных обязанностей и земного долга лежало и на ней, и в этих стихах «по случаю» Жуковский преследовал одну цель: «чтоб о небе сердце знало». «Небо» неподвластно земной власти, «небо» выше ее, «небу» даст она отчет о своих неправедных поступках.

Его баллады, сказки, повесть «Марьина роща», переводы из Саути, И.-Л. Уланда, Гебеля, Шиллера, Гете, Байрона были откровением для русского читателя. Мрачные тона германской и английской поэзии как-то смягчались под его пером. В стихотворении Гебеля «Овсяный кисель», которое Жуковский переложил на родной язык, все было русское: и русские дети, и быт крестьянской избы, и труд крестьянина на скудных землях средней полосы России, где Жуковский провел свое детство.

Дети, овсяный кисель на столе...
Кушайте, светы мои, на здоровье: Господь вас помилуй!
В поле отец посеял овес и весной заскородил...

В том же ласковом тоне Жуковский объясняет детишкам, как сеют овес, как прорастает зернышко, как поднимается стебель, колосится колос, как жнут овес и свозят в снопах домой.

Вот уж и Троицын день миновался, и сено скосили(...)
Уж и мороз покусал им утром и вечером пальцы;
Вот и снопы уж сушили в овине, уж их молотили
С трех часов по утру до пяти пополудни на риге;
Вот и гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым;
Начал жернов молоть, и зернышки стали мукою;
Вот молочка надоила от пестрой коровки родная
Полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать;
Детушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо!

Стихотворение это появилось в 1816 году. Но уже в нем чувствуется вольный размер Гомерова гекзаметра.

В «Одиссее», которую Жуковский перевел на склоне лет, все соответствовало русским масштабам: и пространства, которые пересекает Одиссей, и сам Одиссей, герой сродни героям русских былин и сказок, и героический авантюризм, толкающий его то в объятия сирен, то позволяющий проплыть между Сциллой и Харибдой, и его жажда обрести дом. Гоголь писал в статье «Об «Одиссее», переводимой Жуковским», что это произведение, переведенное на русский язык, станет истинно русским и повлияет на русскую жизнь.

Чем кончается «Одиссея»? Тем, что Одиссей, вернувшись в Итаку и рассчитавшись со своими врагами, вновь берет весло и отправляется в путь. Он будет странствовать, пока не встретит человека, который спросит его: «Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» И тогда Одиссей воткнет корабельное весло в землю, и блуждания его кончатся. Он вернется в сад, где работает его отец старец Лаэрт, весь седой, но красивый и сильный, как юноша. Все возвращается на круги своя, говорит этот финал, на круги труда и продолжения рода, которые и есть та естественная жизнь, коей желал для России Жуковский.

В 1839 году, вернувшись на родину и увидев отстроенный после пожара Зимний дворец, Жуковский записал в своем дневнике: «Дворец, чудо, воздвигнутое в один год, совершенный образец России, огромно, без точности, без общей связи, выражение одной общей воли, которая, повелевая, рабствует. Во всех мелочах отражается тот характер, который дал России Пётр Великий. Скорей во что бы то ни стало. Мы не идем вперед, а скачем от пункта к пункту, вперед ли, назад, все равно».

Нет, Жуковский не был слепцом, когда речь заходила о деяниях монархов.

Прожив последние одиннадцать лет за границей, Жуковский тем не менее желал возвращения туда, где был погребен Пушкин, где было все, чем он дышал, ради чего писал и просто существовал на свете. Он строил планы возвращения в Москву, где хотел поселиться со своею семьей. Еще в январе 1852 года он писал Гоголю об этом своем желании и о том, что «болезнь остановила мою поездку в Россию».

Гоголь успел ответить на это письмо 2 февраля 1852 года. А через 19 дней Гоголя не стало. Ушел «один из самых симпатических участников моей поэтической жизни»,— писал Жуковский Плетневу.

Эпоха подводила свой итог. Уходили люди поэтической плеяды Пушкина. Пора было и Жуковскому. Жуковский пережил Гоголя на два месяца.

* * *

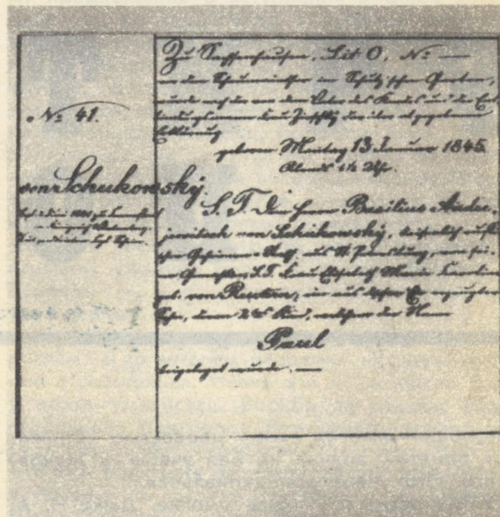
Так случилось, что новый, 1983 год я встретил в ФРГ. Я хотел увидеть Франкфурт-на-Майне — город, где жил Жуковский и где он принимал у себя Гоголя.

Пробившись через дожди и туманы теплой европейской зимы, наша машина ворвалась в этот город на большой скорости. По сторонам неслись банки, магазины, офисы. Голые деревья бульваров, казалось, готовы были пустить листву, так грело солнце. Но это были предместья. Потом пошел большой город. Небоскребы, небоскребы, небоскребы... Блестящие, как бы фольгой одетые окна. Стекло и металл. Одинокая фигурка Гете на постаменте, казалось, спрашивала: а место ли поэзии средь этого царства XX века?

Долго плутала наша машина по Заксенхаузу — тому району города на левой стороне Майна, в котором жил Жуковский. Мы заехали в институт искусств, спросили там, знают ли, где жил русский поэт. Любезный молодой человек поговорил с кем-то на другом конце провода и направил нас в городской архив. Снова пересекаем Майн, снова мы в большом городе. Городской архив расположен во дворе церкви. Вежливый седой господин, доктор Д. Андернахт, жмет мне руку, приглашает садиться и обращается к своим карточкам. Через минуту мы уже знаем номер документа, который нам нужен. Спускаемся на лифте в подвалы архива. Идем по середине коридора, на котором зеброй намечена дорожка. Шаг в сторону — сработают приборы, и ты можешь быть задержан. Отодвигаем стальные двери. И вот у меня в руках книга регистрации рождений и браков г. Франкфурта. Запись от 13 января 1845 года: у «фона Жуковского» и Е. Рейтерн родился сын Павел. Здесь есть и адрес. Тут же доктор Андернахт делает нам ксерокопию. Благодарим его. Садимся в машину. Едем вдоль левого берега Майна. Останавливаемся на набережной Shaumainkai, где стоял дом Жуковского. Но его нет. Сюда во время войны попала американская бомба. Между домами, стоящими рядом, провал. На месте его деревья. Вблизи тихо течет Майн. Подхожу к каменным перилам набережной. На той стороне реки видны кирхи, а за ними сталагмиты небоскребов. Тихий Майн уже не тихий. Век на дворе не тот. Европа. Вооружение. Американские ракеты вдоль дорог. Все это я видел.

Но образ русского поэта мелькнул мне на этих берегах.

Франкфурт-на-Майне — Москва
Январь 1983

Выписка из книги записей франкфуртского архива о рождении у В. А. Жуковского сына Павла (публикуется впервые).

К. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского. 1837 год. (Государственный музей Т. Г. Шевченко. Киев).

Владимир **ЛАЗАРЕВ**

УЧИТЕЛЬ ПОЭТОВ

Если окинуть взглядом даль русской поэзии, то среди немногих, всегда заметных ее творцов будет возвышаться Василий Андреевич Жуковский, учитель Пушкина и сам великий русский поэт. Пушкин — солнце. Жуковский — вечерняя звезда первой величины, причем звезда глубокого живого мерцания.

Василий Андреевич Жуковский сильно повлиял на юного Александра Пушкина. Однако в дальнейшем Пушкин совершенно справедливо заметил, что он ученик Жуковского, но — не следствие. Василий Андреевич в 1820 году подарил Пушкину портрет с известной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя...» Литературная молва любит клише, ярлык, броское определение. «Побежденный учитель» во многих «литературных» умах тотчас померк. Оказался в тени. Но ведь «существо русской поэзии», ее сокровенная жизнь часто расходится с литературной молвой. Пушкинский «голос яркий соловья», столь восхищающий многих своей дерзостью сближения понятий, возник не без учебы у Жуковского. Это учеба принципиальная.

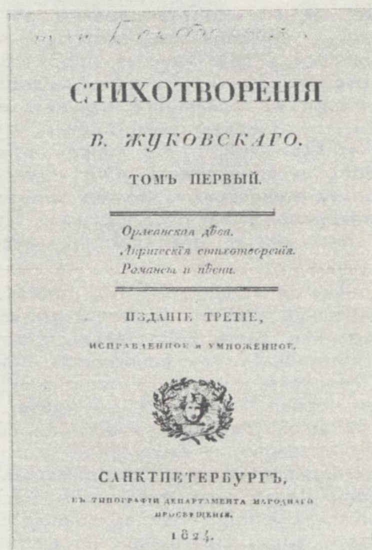
У Жуковского учились многие. Даже Н. А. Некрасов был воспитан на Жуковском (и первый его сборник — следствие этого воспитания). Разумеется, как это нередко случается, в дальнейшем он утвердил в поэзии стиль совершенно противоположный. Но некоторые глубинные мотивы Жуковского, на наш взгляд, неясно начинают мерцать, угадываться и в позднем Некрасове. Первоначальное воспитание не исчезает бесследно. Когда Пушкин своим сияющим гением увлек большинство русских поэтов своего времени, сильно повлияв на их творчество, Жуковский не поддался этому влиянию (при всей душевной мягкости у Василия Андреевича был определенный, сильный поэтический характер) и продолжал идти своим собственным путем. Мало того, можно говорить о существовании в то время и позже **школы Жуковского.** Назовем таких русских поэтов XIX века, как Василий Туманский, Андрей Подолинский, Виктор Тепляков и ряд других, чье творчество несет на себе следы глубокого влияния Жуковского.

Все это были не просто эпигоны, но стихотворцы талантливые и достаточно известные в свое время, и тем ценнее влияние на них Жуковского. Однако **школа Жуковского** не исчерпывается этими именами, так же как далеко не исчерпывается ими влияние его на последующую русскую поэзию. Роль Жуковского в новой русской поэзии, утверждении нового русского стиха весьма значительна. Причем Пушкин «не отменил» Жуковского. Последний же продолжал свою титаническую работу и до появления Пушкина и после его гибели, вовсе не сойдя с главной сцены русской литературы, как считают иные (пристрастия читающей публики — другое дело). Сам процесс развития поэзии сложнее наших представлений о нем, неоднороден, разветвлен. И, как оказывается на поверку, может иметь не одно, а два или даже несколько равнозначных направлений. Как отмечали П. А. Вяземский и М. П. Погодин, Жуковский принципиально раздвинул «пределы нашей поэзии», значительно расширил ее диапазон. Он обогатил русскую поэзию — более чем какой-либо другой поэт — новыми метрическими размерами. Причем эти новые метрические размеры оказались столь натуральными, что привлекли к себе ряд выдающихся поэтов и тем самым повлияли на развитие поэтического языка. Литературоведы уже обращали внимание на трансформацию находок Жуковского в творчестве других авторов. Даже «старик Державин» испытал на себе интонационное влияние Жуковского, его элегии «Вечер», написав после Василия Андреевича свою «Евгению (жизнь Званскую)». Знаменитый «Пловец» Н. М. Языкова («Нелюдимо наше море...») интонационно и сюжетно восходит к стихам Жуковского:

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

А «Несжатая полоса» Некрасова как бы содержит в глубине своей «памяти» строки Жуковского из его баллады «Суд божий над епископом»:

Было и лето и осень дождливы,
Были потоплены пажити, нивы,
Хлеб на полях не созрел и пропал,
Сделался голод; народ умирал.

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Орлеанская дѣва.
Лирическія стихотворенія.
Романсы и пѣсни.
ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ,
исправленное и умноженное.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія.
1824.

Этот том прижизненного издания В. А. Жуковского находился в шахматовской библиотеке Бекетовых — Блока. (Публикуется впервые.).

Поэзия в существе своем — дело тайное. И Жуковский как бы многократно закодировал — выражаясь современным языком — то, что потом творчески развилось в других. Другими словами, он своей поэтической, великой переводческой деятельностью не только просвещал и воспитывал русского читателя, но и воспитывал русских поэтов, причем в гораздо большей мере, чем мы предполагаем. Вот, скажем, даже А. Фет, уже после смерти Жуковского, в 1855 году пишет:

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...

Александр Блок в своей «Автобиографии» говорил: «Первым вдохновителем моим был Жуковский». Заметьте, не Пушкин, но Жуковский. Что это, случайность? Казус домашней библиотеки? Вовсе нет. Здесь прослеживается диалектика романтизма в русской поэзии не как школы, а как типа поэтического сознания. В двадцатых — тридцатых годах происходит становление Пушкина как «поэта действительности», что более свойственно духовному складу его дарования. Он отходит от романтизма «юного», а к символике «высокого» романтизма остается, кажется, равнодушен. Пушкин становится провозвестником великого реализма в русской литературе. Однако вечно зеленое древо романтизма, оставаясь в тени, вовсе не увядает: его питают мощные тайные токи. Направлению Жуковского остается верен слепой поэт И. Козлов. Глубоко воспринимал поэзию Жуковского Н. В. Гоголь, которому именно символика высокого романтизма не чужда. Вслушивался в лирику Жуковского Тютчев.

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты, жилица двух миров...

Это строки Тютчева. Они сопредельны поэтической духовности Жуковского. Двоемирие романтика Жуковского сродни тютчевскому. Вспомним «Невыразимое», написанное Василием Андреевичем в 1819 году:

Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас —
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать.
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?

Стихотворение заканчивается строками:

...Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Такого рода лирика Жуковского нашла определенный отзвук и развитие и в интуитивно-философском направлении поэтов-любомудров. Сюда следует добавить философскую лирику Я. Полонского, А. Фета, у которого сильно тяготение к античным образам, к символике вообще. Отсюда, с этих вершин, уже начинает проглядываться русский символизм как литературное течение.

Но сколь ни был велик Жуковский как поэт-романтик, сколь ни были бы развиты им мелодические приемы, характерные для этого направления (Б. Эйхенбаум даже считал, что «мелодическая роль вопросительной интонации» исчерпана была Жуковским),—романтизм как явление требовал своего проявления во всей полноте, то есть требовал и того, чего не было в поэзии Жуковского,— имеется в виду поэзия протестующей личности. Эту задачу в русской литературе выполнил Лермонтов.

Высокая символика непреходящего чувства к прекрасной женщине, обобщение женских образов, идеальное у Жуковского, нашло отклик и в творчестве Владимира Соловьева, а затем — Александра Блока. (Разумеется, здесь нами выделен лишь частный мотив влияния Жуковского.) Недаром В. Соловьев посвятил родным местам Василия Андреевича стихотворение, знаменательно назвав его «Родина русской поэзии». Блоку на протяжении всего его творчества было коренным образом свойственно (как и Жуковскому) постоянно слышать, ощущать «отдаленную музыку мирового оркестра». Есть и еще одно замечательное сходство между этими поэтами: оба они как публицисты резко противостояли «торговому направлению» в отечественной литературе.

Александр Блок сильно повлиял на поэзию самого последнего времени. С новой силой зазвучали Тютчев, Фет, Полонский. Их слово отозвалось в стихотворчестве новых поэтов. При их посредстве как бы произошло наполнение пульса в духовом мире романтической поэзии. Стоит вспомнить хотя бы Николая Заболоцкого, зрелый и поздний период его творчества.

Как будет жить традиция Жуковского дальше — время покажет. Нам все же представляется, что к концу века живое, теплотворное течение высокого романтизма в русской поэзии будет усиливаться, развиваться, принося новые произведения пленительной силы.

ЖУКОВСКИЙ И ДЕКАБРИСТЫ

Р. ИЕЗУИТОВА,
старший научный сотрудник
Института русской литературы
АН СССР
(Пушкинский Дом)

Грохот военных орудий нарушил мирное уединение Василия Андреевича Жуковского, проводившего лето 1812 года под Орлом у своих родственников и друзей— Протасовых и Плещеевых.

Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира,—

скажет о себе поэт.

Однако «гроза двенадцатого года» неумолимо надвигалась на Россию, и ее раскаты были уже слышны в Орловской губернии. В Муратове и Черни — имениях Протасовых и Плещеевых — с тревогой следили за продвижением наполеоновских войск по территории России. В эти трудные дни Жуковский круто и решительно меняет свою жизнь: он намеревается вступить добровольцем в ряды Московского ополчения с тем, чтобы с оружием в руках избавить родину от непрошеных гостей. Покидая гостеприимную Чернь, поэт отправляется в Москву, откуда и начался его боевой путь в составе первого пехотного полка Московского ополчения. Близкие поэта будут отныне с нетерпением ожидать писем от «поручика Василия Жуковского». К сожалению, они не сумели сохранить его военные письма, зато сам поэт отнесся к полученной им корреспонденции более внимательно и сберег ее в огне жарких сражений. Ныне многие из этих писем хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома АН СССР. Так, в частности, произошло с письмами Плещеевых к Жуковскому, относящимися к осени 1812 года. Написанные наспех, на листочках разного формата, разными почерками (взрослых и детей), бесхитростные и трогательные, они воссоздают неповторимую атмосферу тех дней: приподнятое настроение, царившее в армии и в тылу, неиссякаемый оптимизм, веру в скорую победу — одним словом, все те пылкие патриотические чувства, которыми жила вся тогдашняя Россия от мала до велика.

Первое из писем Плещеева к Жуковскому послано 27 июля 1812 года. Из него видно, что поэт принимает решение вступить в ополчение, как только узнает о его формировании.

«И подлинно ты хорошо вздумал! — пишет в этом письме Александр Алексеевич Плещеев, одобряя патриотическое намерение друга.— Надо служить отечеству. Я видел и мундир Московского ополчения!.. Славный мундир! Какие киверы! С мехом! право, с мехом! и в меху вензель.— Славные киверы! — а сабли? сабли стальные! славные сабли! — у офицеров пистолеты! большие такие!.. Мундир синий с разными лацканами: у кого голубые, у кого красные!» Создается впечатление, что своими шутками и балагурством Плещеев стремится развеять собственную тревогу, создать веселое и даже беззаботное настроение у будущего воина, которого он представляет одетым в новенький, с иголочки, нарядный мундир, но сквозь эту несколько наигранную веселость прорывается искреннее: «Друг! Прости и помни нас!» Письмо дышит неподдельным восхищением поступком друга. «Вы покидаете нас ради похода за славой»,— напоминает приятель Жуковскому слова романса, не раз, видимо, звучавшего на домашних концертах в Черни.

«Поход за славой» — так воспринимает вступление Жуковского в ряды ополченцев и совсем еще юный сын Плещеева Алексей (Леленька). Ему нет еще и тринадцати лет, но, подобно многим своим сверстникам, он рвется на войну, мечтает о подвигах, страстно завидует своему старшему другу. Многими чертами своего характера он напоминает Петю Ростова, юного героя войны 1812 года, нарисованного гениальной кистью Льва Толстого.

Перед нами текст неизвестного в печати детского письма будущего декабриста Алексея Александровича Плещеева, видимо, отправленного «вдогонку» недавно уехавшему из Черни Жуковскому.

«Милый мой друг, скучно без вас, мне беспокойно, если вы в армии. Я бы хотел, когда вы приедете туда, то чтоб за вашу храбрость получить чин капитана. Хорошо бы было, если бы вы убили французского императора». Как мы помним, один из любимых героев Л. Толстого, Пьер Безухов, тоже хотел убить Наполеона. Так протягиваются живые нити между документом эпохи и литературой.

Вероятно, пылкие признания Леленьки вызвали добрую улыбку поэта, любившего и понимавшего детей, отвечавших ему горячей привязанностью. И на этот раз юный друг доверил ему свои самые сокровенные желания: «Мне очень жаль, что я мал, я бы дрался подле вас, мы бы шли вместе, как Гастон и Баяр. Я вас люблю, как Баяр любил Гастона, но наша любовь сильней их, я вас люблю, как Кастор любил Полюкса, как Пилад любил Ореста, все они не так любили друг друга, как я вас люблю. Мой друг, будь уверен, что сколько моя жизнь будет продолжаться, то все не позабуду вас и все любить буду. Если бы мог, драться я с вами? Ах! Жаль! Жаль! В армию не могу идти; мы друг друга спасли бы жизнь. Видались мы часто в первые года, но это время прошло, оно опять придет, но другим манером: для вас с великою честию, а для меня — все равно. Прощай, любезный друг, будь здоров.

Твой верный друг
Алексей Плещеев».

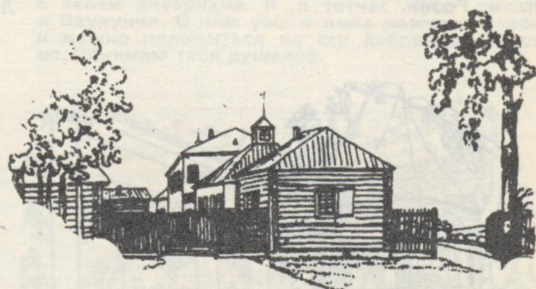
На письме приписка рукой другого сына Плещеева, Александра, тоже будущего декабриста: «И я вас тоже очень люблю. Саша».

Это письмо лишний раз убеждает, насколько глубокими были корни, связывающие Жуковского с формирующимися декабристами. Дело, разумеется, состоит не в том, что поэт долгие годы знал братьев Плещеевых и многих других, в том числе и видных деятелей тайных обществ (Николая Тургенева, Никиту и Александра Муравьевых, выросшего в Володькове по соседству с Мишенским Алексея Черкасова), и даже не в том, что поэт понимал и любил эту пылкую, полную отваги молодежь, пользовался ее доверием и уважением! Для установления более тесного, идейного родства этого недостаточно. Здесь выступает на первый план общность патриотических чувств, ненависть к врагу, любовь к своему народу и получают глубокий смысл те нравственные уроки, которые воспринял поэт, пройдя, как и многие его сверстники, военную кампанию двенадцатого года.

Мы знаем, что Жуковский не смог безоговорочно принять сторону декабристов в их борьбе с самодержавием, но сочувствовал их миссии и понимал их историческую правоту. Из мемуаров декабриста Трубецкого известно, что поэт отклонил сделанное ему в 1818 году предложение о вступлении в Союз Благоденствия, но характерно, что самые цели общества он нашел возвышенными и благородными. Он резко, может быть, в чрезмерно грубой, несвойственной ему форме осудил участников выступления 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, но никто иной, кроме Жуковского, не дерзнул бы заявить Николаю I через два года после восстания (когда Россия еще не оправилась после потрясения, вызванного жестокой расправой с декабристами), что «пришла пора залечить те раны, которые в стольких сердцах болят и вечно болеть не перестанут», и просить полной амнистии для осужденных.

Жуковский не просто сочувствовал декабристам, а во многом разделял их «дум высокое стремленье». Иначе это и не могло быть у поэта-гуманиста!.. Борьба за отмену обвинительного приговора Верховного уголовного суда Николаю Тургеневу (находившемуся в момент восстания за границей, не явившегося в Россию по вызову Николая I и ставшего, таким образом, политическим эмигрантом) составляет один из самых драматических эпизодов общественной биографии Жуковского последекабрьских лет. Мы коснемся совсем коротко второго этапа этой борьбы, когда стала совершенно очевидной бесполезность всех надежд и иллюзий, которые питали хлопотавшие за декабриста его брат Александр Тургенев и друживший с братьями поэт Жуковский. Поняв, наконец, что суровый приговор (осуждение по I разряду на смертную казнь) окончательный и обжалованию не подлежит, они попытались добиться у царя некоторого смягчения тех жестоких условий, в которые был поставлен изгнанник. Лишь пребывание в Англии гарантировало эмигранту жизнь. Такую гарантию давали русскому «государственному преступнику» английские законы: на европейском континенте его в любую минуту могли схватить представители русских дипломатических миссий и отправить

Здесь и далее публикуются фрагменты рисунков В. А. Жуковского.

в Россию. Между тем перенесенные потрясения расстроили и без того слабое здоровье Николая Тургенева. Действуя через Жуковского, А. И. Тургенев обратился к Николаю I с просьбой отдать соответствующий приказ русским миссиям с тем, чтобы его брат мог переехать в страну с более мягким климатом.

14 июля Жуковский сообщает А. Тургеневу о некоторых предварительных результатах своих хлопот. Публикуемый отрывок из этого письма показывает, какие шаги предпринял поэт, чтобы прошение братьев Тургеневых не осталось без внимания. Выясняются некоторые подробности прохождения этого дела по официальным инстанциям:

«Я уже два раза виделся с Фон-Фоком. Видел его и после чтения данных ему бумаг. Вот что он мне говорит: Чтение подтвердило частию то, что я думал насчет Николая. Я не мог ничему верить: я теперь убежден. Но что будет, никак сказать не умею. Государь возвратился; но Бенкендорф уже уехал в Ревель в отпуск. Я с ним видеться не мог. Фон-Фок, кажется, говорил с ним. Когда увижусь с Фон-Фоком, напишу тебе. Прости».

Опасения Жуковского, что «дело может заглохнуть», оказались не напрасными: вернувшийся из отпуска Бенкендорф не дал бумагам, поданным в его канцелярию, ход. Во всяком случае, в декабре 1828 года по этому делу не было вынесено никакого решения, и Александр Тургенев вынужден был обратиться с личным письмом к Николаю I. События развивались следующим образом, как передает их ход исследователь Н. Дубровин: «Зная, что это письмо не минует рук шефа жандармов, и желая подкрепить просьбу Тургенева своею, Жуковский отправился к нему. При входе в кабинет Бенкендорф встретил его словами: «Знаю, зачем вы пришли; но должен сказать вам нерадостный ответ. Государь решительно отказал».

Шаги, предпринятые Жуковским в защиту осужденных, вызвали гнев и раздражение монарха. Пригласив поэта к себе, он угрожающе заявил ему: «Тебя называют главою партии, защитником всех, кто худ с правительством». Царь не пожелал выслушать никаких объяснений. Вынужденный молчать, поэт остался на своих прежних позициях и не прекратил попыток добиться смягчения участи декабристов.

Но вернуться к вопросу об амнистии участникам декабристского движения удалось лишь через десять лет.

В начале мая 1837 года Жуковский в составе свиты наследника отправился в путешествие по России. В Кургане Жуковскому довелось встретиться с некоторыми из декабристов, откровенно беседовать с ними, а главное — расположить в их пользу наследника. После посещения Кургана Жуковский смог уговорить его обратиться к Николаю I с просьбой о помиловании осужденных. Со своей стороны, поэт также написал императору большое письмо, в котором снова убеждал его «даровать всепрощение несчастным, осужденным по заговору 1825 года». Амнистии, как и следовало ожидать, не последовало, но любивший разыгрывать роль отца своих подданных монарх согласился «оказать некоторые облегчения и милости тем из находящихся в Сибири ссыльным, кои хотя и очернили себя заблуждениями и преступлением, но ныне поведением своим заслуживают, чтобы на них было обращено действие нашего милосердия». «Милосердие» выразилось в отдельных послаблениях: сокращении срока наказания, в разрешении поступить на поселении в гражданскую службу, а также определиться рядовыми в действующий Кавказский военный корпус.

Эти уступки, на которые вынужден был пойти Николай I, хотя и не принявший предложения Жуковского о полной амнистии декабристов, были все же настоящей моральной победой. Со своей стороны, декабристы испытывали чувство глубокой благодарности к Жуковскому, о чем писали ему в письмах из Сибири В. К. Кюхельбекер, последовавшая за мужем в ссылку Е. П. Нарышкина и другие. О посещении Жуковским ссыльных впоследствии расскажут в мемуарах декабристы Лорер и Розен.

Встреча с Жуковским в Кургане произвела неизгладимое впечатление на Александра Федоровича фон дер Бриггена, члена Союза Благоденствия, осужденного по VII разряду. По отбытии срока наказания он был отправлен на поселение сначала в Пелым Тобольской губернии, а затем ему удалось добиться разрешения поселиться в Кургане, где, по существу, и прошла вся его дальнейшая жизнь. Здесь он смог вернуться к своим литературным занятиям, прерванным декабрьскими событиями. Еще в 1817 году его сочинение «Известие о добродетели россиян» было напечатано в «Военном журнале». В начале 1840-х годов Бригген приступил к переводу на русский язык «Записок о Галльской войне» Цезаря. За помощью и содействием к публикации этой работы декабрист обратился к Жуковскому, жившему в это время уже в Германии. Завязалась оживленная переписка, протекавшая под контролем III отделения, которое после смерти Бенкендорфа возглавлял граф А. Ф. Орлов. Переписка эта была опубликована еще до революции, однако первое из писем Бриггена к Жуковскому, в котором переводчик просил о позволении посвятить ему свой труд, до сих пор в печати неизвестно. Между тем оригинал письма и его копия хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома АН СССР. Приведем отрывки из этого замечательного документа, свидетельствующего о высоком безграничном уважении декабристов к своему заступнику:

«Милостивый Государь Василий Андреевич!

<...> Занятия по службе и недосуги суетной столичной жизни лишили меня счастья более с Вами сблизиться, когда бывший мне добрый приятель Василий Алексеевич Перовский меня с Вами познакомил. Но судьбе угодно было вознаградить мне дивным образом эту потерю свиданием, хотя и мгновенным, с Вами в Кургане, в то время как Вы сопровождали цесаревича наследника. Слеза, которая в эту минуту навернулась на глазах Ваших и которую, конечно, и Ваш ангел-Хранитель в свое время не забудет, запечатлилась навсегда в душе моей. Позвольте мне, почтеннейший Василий Андреевич, хоть слабым образом выразить мою признательность за эту слезу участия и не откажите мне в следующей покорной моей просьбе. Занимаясь постоянно в продолжение пятнадцати месяцев, перевел я с латинского языка на русский Записки Юлия Кесаря. При ограниченных положением моим средствах имел я, к счастью, нужнейшие для меня книги <...>

Представив заглавие моего перевода, обращаюсь я к Вам с сердечною моею просьбою увенчать труд мой лестным для меня позволением Вам его посвятить <...>

По известным причинам, имя переводчика, принадлежащего к касте париев, должно оставаться неизвестным, но, посвятив Вам мой труд, самая эта таинственность имеет для меня что-то приятное. Мне кажется, что без этой примеси моей личности приношение мое будет полнее. Душевно сожалею я, что отсутствие Ваше за границею лишило меня возможности подвергнуть мой перевод в рукописи Вашему рассмотрению <...>

Ваш покорный слуга,
Александр фон дер Бригген

Курган.
6 апреля 1845».

Перевод был успешно завершен. Посвящение гласило: «Василию Андреевичу Жуковскому, душою и стихом поэту и другу человечества, в знак личного уважения и преданности нелицемерной». Но напечатать труд так и не удалось. В глазах же самих декабристов поэт всегда оставался истинным «другом человечества».

Ленинград.

●

Белев отступал, таял в тумане за рекой, нанизывая цепочку верстовых столбов. Уплывало в прошлое отчее Мишенское, щемящее Муратово Протасовых, «родного неба милый свет»...

Он будет рваться к нему из Москвы, Петербурга, Дерпта, уставший, но не побежденный рыцарь добра, переживший своих гениальных друзей, свое время и все же до конца сохранивший верность прекрасным идеалам юности, могучему, чистому дару певца.

Белевские пейзажи, белевские настроения переливались в стихи, заполняли плавными контурами рисунки и акварели путевых альбомов. С годами его отточенные наброски делались все емче и выразительнее и наряду с белевскими мотивами появлялись в его путевых альбомах зарисовки многих мест и стран, куда занеся его судьба.

...Рисунки Жуковского — лишь одна тема большой юбилейной выставки, открывшейся в залах Государственного Литературного музея: показать Жуковского как бы иллюстратором собственной жизни, нескончаемой книги путешествия.

В негнущихся папках, переложенные тончайшей микалентной бумагой, предохраняющей рисунки и акварели от микробов и сырости, прибывали они из фондов Государственного Литературного музея, Всесоюзного музея А. С. Пушкина, Государственного Исторического и Русского музеев. Четыре крупнейших собрания объединили

ИЗ ЗОЛОТОНОСНЫХ ПЛАСТОВ

усилия в подготовке этой выставки. Свыше трехсот экспонатов в новом здании Литературного музея в Трубниковском переулке извлечены из золотоносных пластов архивов Вяземского и Рейтерна, братьев Тургеневых и П. В. Жуковского, сына поэта...

Жуковский рисовал многих, и многие рисовали его. От портрета к портрету облик поэта менялся, но сами полотна обнаруживают неожиданные, пользуясь пушкинским выражением, «сближения».

Кисти Карла Брюллова принадлежит замечательный портрет Жуковского, с которого на нас смотрит не мечтательный юноша Кипренского, но умудренный житейскими невзгодами стареющий человек, затаивший на дне глаз непреклонную решимость к добру.

Жуковский возглавил кампанию по освобождению из крепостной неволи Тараса Шевченко. Он просит Брюллова написать свой портрет и, сторговавшись предварительно с помещиком, разыгрывает картину в частной лотерее у графа Виельгорского за две тысячи пятьсот рублей ассигнациями. «Этою ценою,— пишет Т. Г. Шевченко,— куплена была моя свобода в 1838 году, апреля 22».

На выставке в Гослитмузее нас встречают две уникальные копии с этого портрета работы знаменитых мастеров — П. Ф. Соколова (1838) и В. И. Гау (1844).

Здесь же несколько полотен, изображающих Жуковского в кругу известных литераторов. Одну из его знаменитых суббот в Петербурге с исключительной точностью передает картина группы художников — учеников А. Г. Венецианова. Она была заказана в подарок Жуковскому Петром Андреевичем Вяземским.

На фоне скрупулезно выписанного интерьера кабинета поэта нетрудно узнать Пушкина, Крылова, Гоголя, Кольцова, Одоевского... В эти стены приносили первые стихотворные опыты юные Некрасов и И. С. Тургенев. Отличаясь удивительным бескорыстием, Василий Андреевич по-детски радовался каждому новому таланту, открытому им, как и в начале пути, исповедуя принцип: «я... должен возвысить, образовать свою душу и сделать все, что могу для других».

Ю. ОСИПОВ

НЕ ТЫ ЛЬ МНЕ РУКУ ДАЛ?..

ИЗ ПИСЕМ ПУШКИНА И ЖУКОВСКОГО

Жуковский был одним из ближайших друзей Пушкина. Обратив внимание на стихи юного лицеиста, Жуковский постоянно помогал ему, старался уберечь от невзгод и опасностей. Безусловно, самый добрый человек в русской литературе, Жуковский как старший брат опекал Пушкина, не опускаясь до покровительства и нравоучений, которых тот не терпел. И поэт ценил эту дружбу.

И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

(«К Жуковскому», 1816)

Об их отношениях наглядно свидетельствует эпизод, приводимый П. В. Анненковым в материалах для биографии А. С. Пушкина. Жуковский часто заклеивал стихотворение, которым был недоволен, бумажкой с новым. Однажды на вечере кто-то из читателей, кому не понравилась замена, сорвал такую бумажку и бросил на пол. Пушкин тотчас же подобрал ее, сунув в карман со словами: «Нам не мешает подбирать то, что бросает Жуковский».

Письма поэтов многое открывают в их отношениях, показывают, как не раз Жуковский «выручал Пушкина в тяжелых конфликтных ситуациях при столкновении с императором Александром I, а впоследствии с Николаем I». Это особенно ощущается в полной публикации писем, вошедшей в двухтомник переписки А. С. Пушкина.

Гибель Пушкина, которую Жуковский не смог предотвратить, была для него истинным горем. Над телом убитого друга он написал пронзительные в трагической простоте стихи:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза: были закрыты глаза.
Было лицо его мне так знакомо...

После смерти Пушкина Жуковский сделал все, чтобы сберечь его бумаги, помочь семье. А в конце жизни, встретившись за границей со старшим сыном поэта, Александром Александровичем, Жуковский «открыл ему истину для потомства, заключающуюся в том, что в смерти Пушкина повинен не только шеф жандармов, но и распорядитель России — государь. Поэт убит человеком без чести, дуэль произошла вопреки правилам — подло...».

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИНУ

1 июня 1824 г. Петербург

Ты уверяешь меня, Сверчок моего сердца, что ты ко мне писал, писал и писал — но я не получал, не получал и не получал твоих писем. Итак, бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафианос прекрасное и для меня столь же священное, как и для Греции. Но не знаю, удастся ли мне почтить его так, как я бы желал. Поговорю с теми, кто это дело знает и кто что-нибудь по этому делу может. Если не получишь никакого от меня отзыва — то знай, что не удалось. Если же удастся, то лень исчезнет, и напишу подробно. Обнимаю тебя за твоего **Демона.** К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя. Прости, чертик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца.

Жуковский

1 июня

ПУШКИН — В. А. ЖУКОВСКОМУ

31 октября 1824 г. Михайловское и Тригорское

Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых 3 месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я **ЕГО БИЛ, ХОТЕЛ БИТЬ, ЗАМАХНУЛСЯ, МОГ ПРИБИТЬ...** Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.

А. П.

31 окт. Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П. А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя,— голова кругом идет.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИНУ

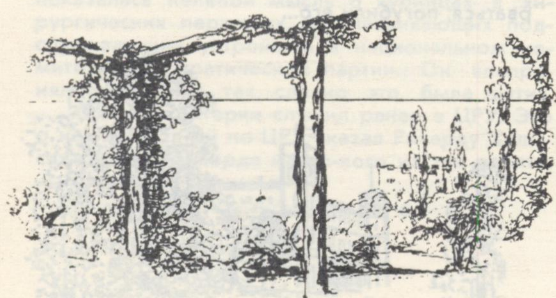
12(?) ноября 1824 г. Петербург

Милый друг, твое письмо привело бы в великое меня замешательство, если б твой брат не приехал с ним вместе в Петербург и не прибавил к нему своих словесных объяснений. Получив его, я точно не знал, на что решиться: вот первая мысль, которая мне представилась: ехать к Паулуччи (который здесь и с которым я очень мало знаком), предупредить его насчет твоего письма к Адеркасу и объяснить ему твое положение. И я это бы сделал (ибо ничего другого не мог придумать), если бы не явился твой Лев и не сказал мне, что все будет само собою устроено. Без него, желая тебе сделать пользу, я только бы тебе, вероятно, повредил, то есть обратил бы внимание на то, что лучше оставить в неизвестности, и не могу поручиться, уважил ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который с ним хорошо знаком, нет в Петербурге; он поехал в Москву, где ожидает его смерть матери. На письмо твое, в котором описываешь то, что случилось между тобою и отцом, не хочу отвечать, ибо не знаю, кого из вас обвинять и кого оправдывать. И твое письмо и рассказы Льва уверяют меня, что ты столько же не прав, сколько и отец твой. На все, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: **ПОЭЗИЯ.** Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое сосредство **БЫТЬ ВЫШЕ** незаслуженного несчастья и **ОБРАТИТЬ В ДОБРО** заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастие и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые — шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач. А я обнимаю тебя. Уведомь непременно, что сделалось с твоим письмом. Читал «Онегина» и «Разговор», служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе **ПЕРВОЕ** место на русском Парнасе. И какое место, если с **ВЫСОКОСТИЮ ГЕНИЯ** соединишь и **ВЫСОКОСТЬ ЦЕЛИ!** Милый брат по Аполлону! Это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни.

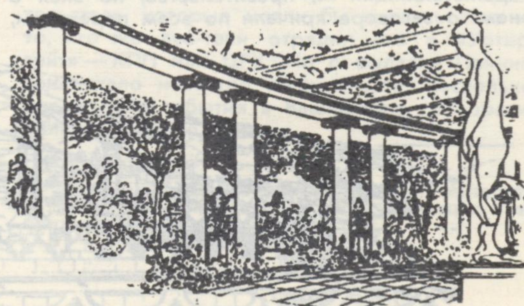
В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИНУ

15-е — начало 20-х чисел апреля 1825 г. Петербург

Мой милый друг, прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я услышал от твоего брата и от твоей матери, что ты болен: правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви к аневризму я не понимаю и никак не могу ее разделять с тобою. Теперь это уже не тайна, и ты должен позволить друзьям твоим вступиться в домашние дела твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвечай искренно и не безумно. У вас в Опочке некому хлопотать о твоем аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и леченье в Ригу. Согласись, милый друг, обратить на здоровье свое то внимание, которого требуют от тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты должен, должен, должен взять (теперешняя никуда не годится — не годится не потому единственно, что другие признают ее такою, нет, более потому, что она не согласна с твоим достоинством); ты должен быть поэтом России, должен заслужить благодарность — теперь ты получил только первенство по таланту; присоедини к нему и то, что лучше еще таланта,— достоинство! Боже мой, как бы я желал пожить вместе с тобою, чтобы сказать искренно, что о тебе думаю и чего от тебя требую. Я на это имею более многих права, и мне ты должен верить. Дорога, которая перед тобою открыта, ведет прямо к великому; ты богат силами, знаешь свои силы, и все еще будущее твое. Неужели из этого будут одни жалкие развалины? — Но прежде всего надобно жить! Напиши ко мне немедленно о своем аневризме. И я тотчас буду писать к Паулуччи. С ним уже я имел разговор о тебе, и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно.

Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих «Цыган»! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое... Как жаль, что мы розно!

Скорее, скорее ответ.

Жуковский

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИНУ

Вторая половина (не позднее 23) сентября 1825 г. Петербург

Ты, как я вижу, предал в руце мои только дух свой, любезнейший сын. А мне, право, до духу твоего нет дела: он жив и будет жив, ибо весьма живущ. Подавай-ка мне свое грешное тело, то есть свой аневризм. С этим прекрасным аневризмом не уцелеет и дух твой. Дух же твой нужен мне для твоего «Годунова», для твоих десяти будущих поэм, для твоей славы и для исправления светлым будущим всего темного прошедшего. Слышишь ли, Бейрон Сергеевич! Но смотри же: Бейрон на лире, а не Бейрон на деле: комментарий на эту фразу найдешь в письме Вяземского, в котором для тебя много разительной правды! Этот Вяземский очень умный человек и часто говорит дело. Мне лучше его ничего нельзя сказать тебе. Да и не нужно. Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре и к Мойеру; но твоя библейская фраза меня с тобою помирила. Прошу покорнейше уважать свою жизнь и помнить, что можешь сделать в ней много прекрасного, несмотря ни на какие обстоятельства. Следовательно, вот чего от тебя требую: вспомнив, что **настала глубокая осень** (ты обещал ею воспользоваться), собраться в дорогу, отправиться в Псков и, наняв для себя такую квартиру, в которой мог бы поместиться и Мойер, немедленно написать к нему, что ты в Пскове и что ты дождешься его в Пскове. Он мигом уничтожит твой аневризм. Ты возвратишься в свою Опочку, примешься с новым духом за своего «Годунова» и напишешь такого «Годунова», что у нас всех будет душа прыгать: слава победит обстоятельства. В этом я уверен. Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и самые беды твои (которые сам же сострялал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастия, которое само не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя такие есть способы сладить с своею судьбою, каких нет у простых сынов сего света, способы благородные, высокие. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

И ваш покорный слуга
Жуковский.

Уведомь немедленно, на что ты решишься касательно Пскова, Мойера и аневризма.

ПУШКИН — В. А. ЖУКОВСКОМУ

20-е числа января 1826 г. Михайловское

Я не писал к тебе, во-первых, потому, что мне было не до себя, во-вторых, за неимением верного случая. Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел,— но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно (NB: оба ли Раевские взяты и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость). Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак, остается тебе положиться на мое благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым.

Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я, наконец, был в связи с большею частию нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же доверять иногда и счастию. Прости, будь счастлив, это покамест первое мое желание.

Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?

Говорят, ты написал стихи на смерть Александра — предмет богатый!— Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры — глас народа. Следственно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИНУ

12 апреля 1826 г. Петербург

Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои. Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, **но писать для славы.** Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Если оно **только ко мне,** то оно странно. Если ж для того, чтобы его **показать,** то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею **благоприобретенною** славою: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностию России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное.— Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончу началом: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши «Годунова» и подобное: они отворят дверь свободы.

Я болен. Еду в Карлсбад; возвращусь не прежде, как в половине сентября. Пришли к этому времени то, что сделано будет твоим добрым Гением. То, что напроказит твой злой Гений, оставь у себя: я ему не поклонник. Прости. Обнимаю тебя.

Жуковский

ИЗ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К С. Л. ПУШКИНУ

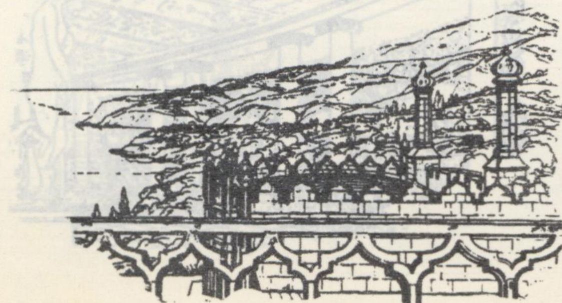
Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что я мог тебе сказать, угнетенный нашим общим несчастьем, которое упало на нас, как обвал, и всех раздавило? Нашего Пушкина нет! это к несчастию верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных, ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал и навсегда — непостижимо! В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами <...>

Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое совершилось перед нами во всей умилительной святыне своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг? И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самое смерть, божественно тайную смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его, и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина <...>

ИЗ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К БЕНКЕНДОРФУ

Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано, под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили. Но в чем же была его служба? В том единственно, что он был причислен к иностранной коллегии. Какое могло б быть ему дело до иностранной коллегии? Его служба была его перо, его «Петр Великий», его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось бы нынешнее славное время. Для такой службы нужно свободное уединение. Какое спокойствие мог он иметь с своею пылкой огорченной душой, с своими стесненными домашними обстоятельствами, посреди того света, где все тревожило его сущность, где было столько раздражительного для его самолюбия, где, наконец, тысяча презрительных сплетен, из сетей которых не имел он возможности вырваться, погубили его...

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЗАПАДНЯ НА ПОТОМАКЕ

МЫШЕЛОВКА!

Несмотря на то, что на шестом этаже «Уотергейта» размещался национальный комитет демократической партии, вашингтонцы окрестили знаменитый палаццо на берегу Потомака «республиканской Бастилией». Здесь проживали три министра, главы пяти других федеральных ведомств республиканской администрации, председатель Комитета по переизбранию президента Р. Никсона, бывший министр юстиции Джон Митчелл, ответственные сотрудники Белого дома и, конечно же, Анна Шено — «главная великосветская дама республиканской партии», прославившаяся роскошными приемами для самого избранного круга лиц. Республиканские деятели окрестили «Уотергейт» своим редутом, подразумевая, что они предпочитают селиться за пределами самого престижного района столицы—Джорджтауна, оплота столпов демократической партии.

...Во второй половине дня 16 июня Ричард Никсон улетел из Вашингтона на уик-энд во Флориду. Он все еще находился под впечатлением недавно закончившегося визита в Советский Союз. Первая советско-американская встреча на высшем уровне прошла, с его точки зрения, весьма успешно. Готовясь развивать позитивные моменты в отношениях между двумя великими державами, Никсон взял с собой на уик-энд книги, из которых собирался почерпнуть больше информации о Ялтинской конференции 1945 года.

Вечером в тот же день Никсон вылетел на небольшой остров Грэнд Кей в Багамской гряде, куда его пригласил на отдых один бизнесмен. Там он отдыхал и читал, а утром в воскресенье 18 июня вернулся во Флориду, где у него была вилла в местечке Ки Бискейн. Войдя в дом, он бросил взгляд на лежавшую в прихожей газету «Майами геральд». На первой полосе он увидел набранный мелким шрифтом заголовок: «Задержанные в столице майамцы пытались подслушивать штаб демократов». Никсон пробежал заметку и узнал из нее следующее. Пять человек, в том числе четверо из Майами, были арестованы в штаб-квартире национального комитета демократической партии в «Уотергейте». Один из пятерки назвал себя бывшим сотрудником ЦРУ, четверо оказались бывшими кубинскими гражданами. У всех на руках были резиновые хирургические перчатки.

Первую реакцию президента на прочитанное, если судить по его мемуарам, характеризовало фактическое отсутствие реакции. Ему показалась нелепой мысль о кубинцах в хирургических перчатках, устанавливающих подслушивающие устройства в национальном комитете демократической партии. Он воспринял сообщение так, словно это была шутка.

...Один из пятерки служил ранее в ЦРУ. Это о нем дежурный по ЦРУ сказал Ричарду Хелмсу: «Жаль Маккорда и кое-кого из тех ребят». Но сначала о «ребятах» — Фрэнке Стэржисе, Бернарде Баркере, Эухенио Мартинесе и Вирхилио Гонсалесе.

Бернард Баркер — бывший наемник ЦРУ. Принимал участие в подготовке вторжения на Кубу в 1961 году. Совладелец маклерской фирмы по операциям с недвижимостью «Америтас» в Майами. Занимался торговлей наркотиками. По заданию организаторов проникновения в «Уотергейт» нанял остальных кубинцев, проживавших в Майами.

Фрэнк Стэржис (в прошлом Фрэнк Фиорини) — бывший пилот корпуса морской пехоты. «Контрактный агент» ЦРУ. Доверенное лицо Национального синдиката преступности. Перед вторжением на Кубу обучал контрреволюционеров пилотированию американских самолетов. После провала вторжения — один из организаторов бандитских налетов на остров Свободы.

Эухенио Мартинес — совладелец фирмы «Америтас». Участвовал в подготовке вторжения на Кубу. Впоследствии совершил, по словам Баркера, «свыше 300 проникновений на кастровскую Кубу». В период налета на «Уотергейт» являлся штатным сотрудником ЦРУ под кодовой кличкой «Роландо».

Вирхилио Гонсалес служил Баркеру, по профессии кузнец и замочник. Привлечен к операции для открывания замков.

Теперь о Джеймсе Маккорде. 7 лет он служил в ФБР, затем 19 лет — в ЦРУ. Был начальником безопасности ЦРУ, отвечал за охрану штаб-квартиры в Лэнгли и других объектов разведки. Считался крупным специалистом по электронному шпионажу. По воспоминаниям бывших сотрудников ЦРУ, Аллен Даллес отзывался о нем лаконично: «Мой главный человек». Маккорд участвовал в подготовке вторжения на Кубу. Затем организовывал операцию по отправке кубинских пилотов-контрреволюционеров в Конго (теперь Заир). Действуя там под видом летчиков «Карибской аэроморской корпорации» (КАРАМАР), они пилотировали самолеты «В-26», участвуя в борьбе против сил национального освобождения, бомбили мирных жителей. После отставки создал фирму «Маккорд энд ассошиэйтс».

Уходя в отставку, сотрудники ЦРУ, как правило, не порывают со своим бывшим ведомством. Одновременно они стараются обзавестись каким-либо прибыльным делом, наняться консультантом в богатую фирму, особенно нефтяную, электронную, оружейную. После отставки Маккорд также не исчез из поля зрения Ричарда Хелмса и его приближенных. Он их даже еще больше заинтересовал, когда созданная им фирма получила контракт на «услуги по обеспечению безопасности» национального комитета республиканской партии, а сам Маккорд был нанят вначале на полставки, а затем на полную ставку «координатором безопасности» (охрана помещений, документов и персонала) Комитета по переизбранию президента Никсона (КПП). Помимо этого, Маккорд читал курс лекций по предмету «Уголовное судопроизводство. Безопасность в промышленности и торговле» в колледже городка Роквилл (неподалеку от Вашингтона), который он облюбовал себе для проживания. Свободное время проводил в роквиллской объединенной методистской церкви, руководя кружком «Светское приятельство» для престарелых прихожан.

Маккорд и Баркер знали друг друга со времени операции в Заливе свиней в 1961 году. Затем они участвовали в подготовке второго вторжения, неудавшегося, но задуманного Ричардом Хелмсом и носившего, как сообщает вашингтонский журналист Тэд Шульц, кодовое название «Второй морской партизан». Оно приурочивалось к плану покушения на Фиделя Кастро, которое Хелмс рассчитывал осуществить руками кубинского предателя Кубеласа, о чем читатель подробно узнает из второй главы нашего повествования.

Связи между ЦРУ и кубинскими эмигрантскими организациями в США после фиаско в Заливе свиней не только не ослабевали, но и росли. Число комитетов, групп, ассоциаций, коалиций так называемых гусанос — слизняков, предателей кубинского народа — доходило до двухсот. Среди членов этих разношерстных организаций спецслужбы США вербовали себе диверсантов, террористов, убийц, «контрактных агентов» (на отдельные задания) для выполнения наиболее грязных и омерзительных операций в различных частях света и внутри Америки. Майамская штаб-квартира ЦРУ, насчитывавшая, согласно данным американской печати, более 700 офицеров, превратилась в крупнейший центр разведки США за пределами Лэнгли.

Не случайным поэтому выглядит выбор членов группы Джеймса Маккорда, попавшейся в «Уотергейте». Отпетые диверсанты и террористы, они были взяты из резерва ЦРУ. О всех шагах группы с момента ее сформирования подробно доносил в Лэнгли ее член Роландо — Эухенио Мартинес. Это теперь признают и бывшие руководители ЦРУ.

Из личного дневника Ричарда Никсона: «19 июня вечером возвращался в Вашингтон. На борту самолета по радиотелефонной связи узнал от Боба Холдемана[1] неприятную новость: среди тех, кто проникал в национальный комитет демократической партии, был некто, состоящий в платной ведомости Комитета по переизбранию президента (КПП). Митчелл загадочно сказал Бобу не вмешиваться в это дело. Я заметил Бобу лишь одно: надеюсь, что никто из наших людей не был вовлечен в это по двум причинам. Во-первых, то, как было все сделано, выглядит глупо; во-вторых, я не видел совершенно никаких причин, зачем надо было подслушивать национальный комитет».

В тот же день 19 июня Джон Митчелл, руководитель КПП, сделал заявление, в котором говорилось, что арестованные в «Уотергейте» действовали не от имени и не по разрешению КПП. Митчелл также утверждал, что он «поражен и испуган» сообщением об участии Маккорда в проникновении.

ЦРУ не теряло времени. В день, когда Митчелл выступил с этим отрицанием, ведомство Ричарда Хелмса срочно отрядило в Роквилл своего сотрудника Ли Пеннингтона. Тот действовал стремительно. Объявившись в доме Маккорда, он с помощью жены арестованного сжег все бумаги пастора «Светского приятельства», которые могли бы пролить свет на то, кто же все-таки отрядил его в «Уотергейте» — КПП или ЦРУ. Но о вылазке Пеннингтона стало известно лишь спустя несколько лет, а пока события в Вашингтоне разворачивались своим ходом.

[1] Роберт Холдеман — руководитель аппарата сотрудников Белого дома, один из самых приближенных помощников Никсона.

Продолжение. См. «Огонек» № 5.

Но прежде чем перейти к ним, обратимся к мемуарам Никсона, в которых он размышляет по поводу резкого заявления, сделанного 19 июня председателем национального комитета демократической партии Лэрри О'Брайеном. «Инцидент с подслушиванием,— сказал тот журналистам,— поднимает неприятнейшие вопросы о целостности политического процесса; с подобной проблемой мне не приходилось сталкиваться за четверть века моей политической деятельности».

«Моя реакция на проникновение в «Уотергейт» была совершенно прагматической,— пишет Р. Никсон.— Если она была также циничной, то это был цинизм, рожденный опытом. Политическое подслушивание не могло вызвать у меня чрезмерного морального негодования. Я слишком много занимался политикой и видел все — от грязных трюков до подделки голосов избирателей [1].

Лэрри О'Брайен может делать вид, что он удивлен до ужаса, но, как и я, он знает, что политическое подслушивание началось сразу же после изобретения соответствующей электронной техники. Не далее как в 1970 году бывший сотрудник кандидата в президенты Эдлая Стивенсона публично признал, что во время съезда демократической партии 1960 года они подслушивали телефоны сотрудников Кеннеди. Линдон Джонсон подозревал, что его разговоры прослушивались людьми Кеннеди; Барри Голдуотер заявил, что в 1964 году, когда он был кандидатом в президенты от республиканской партии, его телефоны прослушивались; Эдгар Гувер рассказал мне, что в 1968 году президент Джонсон приказал ему установить подслушивающее устройство на моих телефонах, когда я вел свою предвыборную кампанию... Эксперты по подслушиванию заявили корреспонденту «Вашингтон пост» сразу же после ареста в «Уотергейте», что данная практика «была широко распространена на всех выборах в прошлом... она в особенности применяется в междоусобной борьбе кандидатов одной и той же партии». По сути дела, мое доверие к КПП было подорвано не столько незаконностью попытки установить подслушивающие устройства в помещении национального комитета демократической партии, сколько ее глупостью. Во всей затее не было смысла. Зачем? — удивился я. Зачем сейчас? Почему таким грубо ошибочным способом? И почему — из всех возможных мест — национальный комитет демократической партии? Любой, кто хоть мало-мальски смыслит в политической борьбе, должен знать, что национальная штаб-квартира партии — это бесполезное место для попытки получить конфиденциальную информацию о планах президентской кампании противника. Вся затея была такой бессмысленной и была проведена с такими грубыми ошибками, что она выглядела почти как СВОЕГО РОДА МЫШЕЛОВКА (подчеркнуто авторами). И тем не менее след от нее вел к КПП. В воскресенье утром сообщение о кубинцах в хирургических перчатках, подсовывающих подслушивающее устройство в национальный комитет демократов, казалось абсолютно диким. К вечеру понедельника оно стало потенциальной проблемой в президентской предвыборной кампании».

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Признания и оправдания, содержащиеся в мемуарах экс-президента, которые долгое время были бестселлером в США,— это редко встречающийся в американской литературе образец откровенного политического мышления и предвыборной философии заокеанских государственных деятелей. Но в задачу авторов не входит подробный анализ целей и методов внутриполитической борьбы в Соединенных Штатах, наиболее неприглядные из которых определяются одним словом, подобранным для них Никсоном,— цинизм. Данная сторона уотергейтского дела получила подробное освещение в нашей публицистической и научной литературе. Читатель может найти обильный материал на эту тему в книгах С. Кондрашова «По второму кругу» и И. Геевского «Мафия, ЦРУ, Уотергейт».

Во вторник утром, 20 июня, Ричард Никсон увидел на первой полосе газеты «Вашингтон пост» аншлаг, который должен был бросить его в дрожь: «Консультант Белого дома связан с фигурой в деле о подслушивании». Ссылаясь на «федеральные источники, близкие к расследованию», корреспондент сообщал, что в записной книжке одного из арестованных обнаружена фамилия некоего Говарда Ханта, который до 29 марта 1972 года состоял консультантом помощника президента Чарльза (Чака) Колсона, а до этого более 20 лет был сотрудником ЦРУ.

Колсон входил в узкий круг приближенных президента. Он пользовался полным доверием Никсона, его услуги высоко ценились. Колсон заверил президента, что сей Хант был достаточно опытным и хитрым оперативным работником, чтобы «втемяшиться в такую самодельщину, как проникновение в Уотергейт». Хант не мог быть причастен к рейду, повторял Колсон, скорее всего эти кубинцы действовали по своему плану, стремясь подорвать предвыборную президентскую кампанию сенатора-демократа Джорджа Макговерна, опасаясь, что в случае его избрания США восстановят дипломатические отношения с Кубой. «Я надеюсь,— промолвил Никсон,— что они несознательно напортачили, чтобы загнать нас в ловушку».

ГОВАРД ХАНТ

Директорский офис Ричарда Хелмса состоял из нескольких кабинетов, библиотеки, банкетного зала и других помещений. Американские журналисты почитали за великую честь откушать за изысканным столом директора ЦРУ. Он приглашал к себе на виски обозревателей, вернувшихся из поездок по дальним странам, собственных корреспондентов газет и журналов в столицах разных государств, телевизионных комментаторов. Сам в прошлом журналист, он с интересом слушал их впечатления, не стесняясь, выуживал ту редкую информацию, которую им удавалось заполучить во время встреч со знающими людьми за границей и внутри Америки. От деловых разговоров они переходили к любым подвернувшимся на язык темам.

Частенько говорили о вкусах. Их интересовало, что читает Хелмс из близкого ему детективного жанра. Директор ЦРУ не скрывал, что он не переваривает Грэхэма Грина и Джона Ле Карре. К Ле Карре он просто питал отвращение. Почему же? Этот выскочка-англичанин с французским псевдонимом подспудно проводит мысль, что в западных спецслужбах процветает предательство, что их агенты духовно истощены, охвачены пораженчеством, испытывают чувство брошенности и одиночества, что ими цинично жертвуют. Нам не свойствен дух отчаяния, изолированности, повторял Хелмс.

А кто же любимый автор Хелмса в шпионском жанре, допытывались журналисты. Директор ЦРУ подводил своих гостей к книжной полке и показывал им детективные романы Роберта Дитриха, Джона Бакстера, Гордона Дэвиса и Дэвида Сейнт Джона. Очаровательные вещи, говорил Хелмс, написаны со знанием дела. Хелмс умалчивал, что за псевдонимами всех четырех авторов скрывался его подчиненный Говард Хант, которому директор ЦРУ дал специальное разрешение заниматься беллетристикой. Выяснилось это лишь после того, как подлинный автор 44 детективных романов оказался на скамье подсудимых по уотергейтскому делу. Разумеется, это подогрело интерес к творчеству таинственного агента, американцы бросились читать его произведения.

Хант пришел в разведку из журналистики, как и его идол Хелмс. В 1942 году 24-летний выпускник Браунского университета получил место сценариста и редактора документальных фильмов в серии «Марш времени», выпускавшихся пропагандистской империей Генри Люса. В следующем году его перевели в люсовский журнал «Лайф» и сделали военным корреспондентом. Журналистские задания свели его с американской разведкой, и вскоре он принимает ее приглашение на работу. От Управления стратегических служб (УСС) его забрасывают в тыл японской армии в Китае в составе группы, которой командовал будущий начальник отдела тайных специальных акций ЦРУ Трейси Барнс.

После окончания второй мировой войны Хант пробует начать литературную карьеру. Публикует два романа, в течение года изучает в Мексике испанский язык. Но все это кажется ему скучным и малозначимым по сравнению с тремя годами службы в разведке. И когда было создано ЦРУ, он в начале 1949 года становится его кадровым офицером.

Хант пишет быстро. За первый год пребывания в тюрьме, куда он попал за уотергейтские прегрешения, бывший офицер разведки подготовил две работы автобиографического содержания — «Пошли нам сей день» и «Тайный агент». Трудно сказать, насколько они объективны и правдивы, но несомненно, что новые книги Ханта проливают определенный свет на деятельность его бывшего ведомства, на образ мыслей «рыцарей плаща и кинжала», их взаимоотношения с вашингтонской элитой. Автор довольно откровенно рассказывает о своей работе в ЦРУ. Тем не менее в престижном издании «Кто есть кто в Америке», которое дало основные биографические сведения об Эверетте Говарде Ханте, нет даже упоминания о том, что он служил в разведке. В первом томе издания за 1974—1975 годы его представляют как «писателя и бывшего правительственного служащего». Данная справка тем не менее небезынтересна, так как она приводит основные «крыши» Ханта. Вот они:

Атташе американского посольства. Париж, 1948—1949; Вена, 1949—1950; Мехико, 1950—1953.

Офицер по политическим вопросам. Командование вооруженных сил на Дальнем Востоке, Токио, 1954—1956.

Первый секретарь консульства, Монтевидео, 1957—1960.

Консультант, министерство обороны США, 1960—1965.

При государственном департаменте США, 1968—1970.

Что, например, скрывается за должностью первого секретаря консульства в Монтевидео? Резидент ЦРУ в Уругвае. Ханту так понравились природа и климат южноамериканской Швейцарии, что он не хотел покидать Уругвай, где у него не сложились отношения с американским послом. Тогда резидент ЦРУ обратился лично к президенту Уругвая с просьбой, чтобы тот ходатайствовал перед Белым домом о продлении срока его пребывания в стране. Резидент нажил себе врагов и в ЦРУ и в государственном департаменте, и только протежирование со стороны поклонника его романов Ричарда Хелмса помогло ему удержаться на плаву.

В 1960—1961 годах консультант министерства обороны Хант был на самом деле связным ЦРУ с бригадой кубинских контрреволюционеров, готовившейся в джунглях Гватемалы к вторжению в Заливе свиней. (Кстати говоря, в своих автобиографических книгах, написанных в тюрьме, Хант не скрывает, что в 1954 году принимал активное участие в подготовке и проведении военного переворота в Гватемале, вылившегося в один из самых кровавых фашистских путчей в истории Латинской Америки.) Помимо связей с бригадой наемников, Хант занимался формированием «Кубинского революционного совета» — коалиционного политического штаба различных кубинских контрреволюционных организаций, возведенного Центральным разведывательным управлением в момент вторжения в ранг «правительства в изгнании». Действуя под псевдонимом «Эдуардо», Говард Хант держал в своих руках всю верхушку гусанос, убедил их, что у них нет более предрасположенного и надежного друга в ЦРУ и во всем Вашингтоне, чем он. Американские авторы в один голос повторяют, что и после провала вторжения на Кубу никому в ЦРУ не удавалось добиться такой лояльности и преданности со стороны кубинской эмигрантской реакции, как Эдуардо. Он стал крестным отцом детей ее лидера Эмануэла Артиме, поддерживал дружеские отношения с представителями различных группировок и террористических банд.

Хант был ярым поклонником и последователем покойного «охотника за ведьмами», ультрареакционного сенатора Джо Маккарти, давшего жизнь печально знаменитому «маккартизму» — политическому течению в начале 50-х годов в Америке, ставившему целью разгром Компартии США, всех прогрессивных и подлинно демократических сил, устранение либералов и безвозвратное изгнание их с политического ринга.

По словам вашингтонского журналиста Тэда Шульца, написавшего биографию Ханта «Неистовый шпион», он «одержим потребностью все время быть шпионом». И поэтому, подчеркивает Шульц, даже после официального выхода в отставку он, «по сути дела, не покинул ЦРУ». После отставки его по рекомендации Ричарда Хелмса взяли в качестве вице-президента в вашингтонскую фирму «Роберт Муллен энд К°», занимавшуюся так называемыми связями с общественностью («паблик рилейшнз»). Фирма имела конторы во многих странах и служила «крышей» для тайных подрывных операций ЦРУ. За Хантом был сохранен допуск к разработке и руководству диверсионными акциями, исходящими от ЦРУ. И «отставник» осуществил две самостоятельные операции за рубежом в отсутствие президента фирмы Роберта Муллена.

Хант приступил к работе в фирме в мае 1970 года, покинув официально Лэнгли с пенсией в 20 тысяч долларов.

Роберт Муллен, в прошлом сослуживец Ханта, положил ему оклад 24 тысячи долларов в год. Ханта и Муллена причисляют к «сети стариков», как называют друг друга наиболее преуспевающие действующие и отставные офицеры американской разведки. В начале 50-х годов они служили в Париже под началом Ричарда Биссела, который затем стал во главе всех тайных подрывных операций ЦРУ.

В рекламной фирме — «крыше» ЦРУ — два паука из «сети стариков» не очень уживались друг с другом. Хант требовал от Муллена прибавки, Муллен пригрозил Ханту выдворением. На том они и успокоились. Но Хант посмеивался про себя: он готовился обзавестись еще одной «крышей», да какой!

Еще за четыре года до этого он познакомился с юристом Чарльзом Колсоном и теперь обхаживал его. Постепенно отношения

[1] Намек на то, что, согласно некоторым сообщениям, мэр Чикаго обеспечил с помощью голосов «мертвых душ» победу в своем избирательном округе в 1960 году Джону Кеннеди над Ричардом Никсоном. В американской печати сообщались и другие случаи подтасовок голосов избирателей на выборах.

Т. Салахов. Род. 1928. ПОРТРЕТ МАТЕРИ. Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

Д. Жилинский. Род. 1927.

СЕМЬЯ ЧЕРНЫШОВЫХ.

Выставка «50 лет МОСХ».

между ними приобрели дружеский характер, две семьи проводили вместе вечера, выезжали на воскресные пикники. Этот новый друг Ханта был вышеупомянутым специальным советником президента Никсона. В начале июля 1971 года Чарльз Колсон, добившийся большого влияния в Белом доме, рекомендовал одному из двух главных помощников президента, Джону Эрлихману, нанять «моего хорошего друга Говарда Ханта» в качестве президентского консультанта-сдельщика с оплатой 100 долларов в день. Так Хант приобрел недурную «крышу» — офис в аппарате президента, телефон Белого дома. За сто долларов в день ему, в частности, вменили в обязанность давать консультации по борьбе с торговлей наркотиками.

Для выполнения различных заданий Хант призвал своих старых слуг — кубинских контрреволюционеров, которые в тот период занимались торговлей наркотиками, вымогательским рэкетом, организацией взрывов бомб. «Именно к таким экс-сотрудникам ЦРУ,— пишет Тэд Шульц,— адресовал Хант свои письма, пользуясь для этого бланками Белого дома, когда он приступил к рекрутированию личного состава для проведения саботажа и провокационной кампании против демократической партии».

Итак, консультант по борьбе с торговлей наркотиками рассылает на бланках Белого дома приглашения торговцам наркотиками заняться новым таинственным делом. Охотно откликнувшийся на приглашение Бернард Баркер заявил впоследствии, что он возлагал большие надежды на сотрудничество с Хантом, зная его как одного из влиятельных лиц ЦРУ. Мы рассчитывали, сказал впоследствии Баркер, что наша совместная работа, возможно, ускорит «освобождение» Кубы.

Для выполнения различных заданий Колсона Ханту приходилось обращаться в ЦРУ за помощью — фальшивыми документами, маскировочными приспособлениями, фотоаппаратурой и пр. Он приводил на встречи с «рыцарями плаща и кинжала» бывшего агента ФБР Гордона Лидди, который стал непосредственным начальником Ханта, когда последнего перевели из Белого дома в Комитет по переизбранию президента (КПП).

Лидди возглавлял операции по сбору разведывательных данных о демократической партии. Но не только. Он должен был досаждать ее лидерам, изводить и компрометировать их всякого рода грязными трюками, вплоть до организации хулиганских выходок. 27 января 1972 года бывший агент ФБР представил председателю КПП Джону Митчеллу план действий, предусматривавший бюджет в 1 миллион долларов. Для объяснения задуманного Лидди заказал в ЦРУ красочные диаграммы и рисунки на огромных картонных щитах. Но даже эти мастерски выполненные иллюстрации не убедили Митчелла. Если верить отчетам, присутствовавший на совещании бывший министр юстиции был напуган чересчур «экстравагантными» задумками, в особенности идеей массового использования проституток для выманивания секретов у делегатов национального съезда демократической партии. Размеры бюджета также не устраивали председателя КПП.

Переработанный план (с бюджетом в 500 тысяч долларов) был представлен 4 февраля. И опять председатель КПП отверг его. Утверждают, что во время этой встречи обсуждался план организации подслушивания национального комитета демократической партии. Джон Митчелл отрицает такой факт.

Третий вариант плана (с бюджетом в 250 тысяч долларов) обсуждался 30 марта 1972 года с Митчеллом, но без Лидди. Согласно утверждениям одного из участников совещания, сотрудника КПП Джеба Макгрудера, новый проект предусматривал проникновение в штаб-квартиру национального комитета демократической партии, установку там подслушивающих устройств в телефонных аппаратах, фотографирование документов. Если верить Макгрудеру, то Митчелл долго не соглашался утверждать весь план, но потом «вздохнул, дав понять, что с его стороны возражений нет». «Абсолютная ложь,— возражает Митчелл,— я отверг план Лидди и в тот раз, заявив, что нам это не нужно и что я устал от его задумок. Я сказал, что пускай он убирается вон!»

Макгрудер тем не менее сообщил Лидди, что план одобрен и тот может действовать. Лидди, Хант и Маккорд начали чуть ли не ежедневно встречаться в вице-президентском кабинете Ханта в фирме «Роберт Муллен энд К°». Приняв решение проникнуть в «Уотергейт», они порешили, что детали операции разработает Говард Хант. К тому времени фирму «Роберт Муллен энд К°» перекупил Роберт Беннетт, который не скрывает теперь, что докладывал в ЦРУ о совещаниях троицы и об их планах.

В конце мая благословленные Хантом Баркер и его подручные отправились в ночной рейд в «Уотергейт», отомкнули замок стеклянной двери штаб-квартиры демократов. После проникновения они сообщили по радио Маккорду, находившемуся на противоположной стороне улицы в мотеле «Говард Джонсон», что путь открыт. Тот прибыл на место через несколько минут, разобрал телефонный аппарат Феи Абель, секретарши О'Брайена, снабдил его подслушивающим устройством. То же самое он проделал с телефоном исполнительного директора федерации председателей организаций демократической партии штатов. В половине четвертого ночи операция закончилась и налетчики ретировались. Они пересняли перед уходом ряд документов.

Два человека попеременно дежурили в мотеле «Говард Джонсон», стенографируя то, что им доводилось услышать с помощью электронного «жучка». Никаких секретов узнать им не удалось. Макгрудер якобы показал записи разговоров и сфотографированные документы Митчеллу, и тот решил, что в них нет ничего серьезного. Опять же упорный Митчелл отрицает, что он что-либо говорил Макгрудеру, называя его рассказ «явной низкопробной ложью».

Так или иначе, но имевшее якобы место неудовольствие Митчелла работой Лидди и опасения с его стороны потерять место в КПП создали будто бы у Лидди, Ханта и Маккорда непреодолимое желание произвести еще одну вылазку в «Уотергейт» и проверить, хорошо ли установлено подслушивающее устройство, ибо им казалось, что часть телефонных разговоров просто плохо проходила.

16 июня в 4 часа дня майамцы вновь прилетели в Вашингтон. Баркер и Мартинес заняли номер 214, а Стэржис и Гонзалес — 314 в отеле «Уотергейт» поблизости от места их предстоящей «работы». Маккорд, как и в первый раз, ждал сигнала в мотеле.

Нужно сказать, что в таких вашингтонских зданиях, как «Уотергейт», где проживает самая состоятельная публика, бывает усиленная охрана, действующая в соответствии со строгими инструкциями владельца домов глядеть в оба. Дежурный охраны молодой негр Фрэнк Уиллс обнаружил липкую ленту «скотч» на замках двух дверей, ведущих из гаража на лестницу. С помощью этого нехитрого приема создавалась видимость того, что дверь заперта, хотя замок оставался открытым. Уиллс отлепил «скотч», но спустя некоторое время обнаружил зафиксированные таким же образом двери на втором этаже. Последовал звонок в полицию, которая направила в «Уотергейт» трех детективов в штатском. Хант из номера 214 вел переговоры со своим человеком в «Говард Джонсоне», узнав от него, что по другой радиосвязи — с налетчиками — этот человек услышал голос Маккорда, задающего вопрос: «Вы, джентльмены, из городской полиции?» Узнав об аресте, Хант и Лидди немедленно ретировались из «Уотергейта». Неизвестно, с каким чувством — вины или исполненного долга — покидал «республиканскую Бастилию» Говард Хант. Но липкую ленту «скотч» оставлял в гараже и на этажах он. Его промашка породила множество толков и пересудов, не прекращающихся по сей день. Но, несмотря на все написанное о нем и им самим, он остается фигурой сложной и загадочной.

При обыске арестованных в полицейском участке у них нашли около 1300 долларов, а в комнатах 214 и 314 «Уотергейта» еще 3200 долларов — все в стодолларовых купюрах с последовательными номерами, по которым было установлено, что Баркер взял их со счета в «Рипабликан нэшнл бэнк» в Майами. В записной книжке Баркера были обнаружены номера телефонов и фамилия Ханта. Сам Хант исчез на несколько дней и, как потом выяснилось, прятался в Калифорнии у какого-то своего друга — бывшего сотрудника ЦРУ. Его имя в блокноте налетчика и его отсутствие, хотя арестованные не отрицали, что он был их соучастником, сразу же поставили Ханта в центр всей истории. По мнению калифорнийского профессора истории Питера Дейла Скотта, не близорукостью, а дальновидностью было то, что Бернард Баркер имел в момент налета в своей записной книжке фамилию ветерана ЦРУ Ханта и его телефонный номер в Белом доме и что Фрэнк Стэржис имел при себе фальшивый паспорт, сделанный ЦРУ по просьбе Ханта. Кроме Питера Дейла Скотта и Эндрью Ст. Джорджа, и другие американские публицисты выдвигали гипотезу, что уотергейтский налет по задуманному с самого начала плану предназначался для разоблачения и, таким образом, превращался в мину замедленного действия, взорвать которую можно было бы и позднее. Притом что мина была уникальная — с несколькими детонаторами: в зависимости от желания она могла взорваться либо для предостережения, либо по-настоящему...

Никсон и Холдеман поверили Митчеллу, что он ничего не знал заранее о предстоявшем проникновении в «Уотергейт». Никсон хорошо изучил Митчелла за годы работы в Нью-Йорке, сделал его своим министром юстиции. «Он слишком опытен и хитер, чтобы участвовать в такой затее»,— суммировал президент. Несмотря на дружбу с Хантом, по первоначальному мнению Холдемана, Колсон также не был оповещен заранее о готовившемся проникновении в «Уотергейт». Однако позднее Никсон и Холдеман станут подозревать Колсона в интриганстве.

Демократическая партия подала иск в суд, требуя с республиканцев один миллион долларов за ущерб, причиненный незаконным проникновением. В расследование должно было включиться ФБР, где после недавней смерти Эдгара Гувера исполняющим обязанности директора был назначен Пэтрик Грей.

В среду утром 21 июня Холдеман информировал Никсона, что «сделавшим все это человеком» был Гордон Лидди. «Кто такой Лидди?» — спросил президент. «Советник финансового комитета КПП,— ответил Холдеман.— Человек крайне неуравновешенный, от которого можно ждать все что угодно»,— добавил он со ссылкой на Митчелла. Президенту доложили, что Хант вместе с Лидди участвовал в различных операциях по заданию Колсона и с одобрения Эрлихмана. Например, Хант в парике и с устройством для изменения голоса посетил в больнице ответственного сотрудника компании «Интернэшнл телеграф энд телефон» Диту Берд и «убедил» ее опровергнуть ее же признание об имевшей якобы место сделке между компанией и республиканской партией. В обмен на крупное пожертвование в фонд партии министерство юстиции прекратило иск к компании, обвиненной в нарушении антитрестовских законов. Не ясно, доложили ли в те дни президенту о более крупной вылазке Ханта и Лидди — проникновении со взломом в кабинет лос-анджелесского психиатра, у которого брал сеансы психоанализа Дэниэл Эллсберг, бывший сотрудник Пентагона, известный тем, что весной 1971 года он передал в печать так называемые «Документы Пентагона» — секретные архивы центральных вашингтонских ведомств, относящиеся к войне во Вьетнаме. Хант признался в этом позднее сам, в мае 1973 года, вызвав негодование противников Никсона. Мы еще вернемся к данному эпизоду, пока же проследуем дальше, вслед за разматывающейся нитью уотергейтского клубка.

Продолжение следует.

ОСТОРОЖНО:

Б. СМИРНОВ

До сих пор с благодарностью вспоминаю одноэтажный старый московский дом на Садовом кольце, неподалеку от Лихова переулка. Много лет назад, еще школьником, я впервые переступил его порог, предварительно с полчаса потоптавшись на улице, и сбивчиво поведал строгой женщине за канцелярским столом, что давно уже мечтаю научиться водить машину. И меня — впервые в жизни! — внимательно, как взрослого, выслушали, расспросили и записали фамилию в какую-то толстую книгу. Так я стал членом московского клуба юных автомобилистов. Потом полгода дважды в неделю ездил сюда по вечерам на занятия, слушал лекции по устройству автомобиля и правилам движения, сдавал вместе с такими же, как я, мальчишками зачеты и экзамены. Никогда не забуду, как инструктор сказал мне: «Поехали!» — и старенькая «Победа», повинуясь моим дрожащим рукам, медленно выкатилась из ворот прямо в водоворот московских улиц. Наверное, Гагарин, произнося это легендарное теперь слово, волновался куда меньше, чем я, когда его услышал от инструктора. А как мы любили те дни, когда нас допустили к стоящему в тесной мастерской двигателю от «полуторки»! Перепачкавшись в масле, сбивая руки, мы допоздна, до «отбоя», разбирались в путанице, которую специально вносил в зажигание или в систему питания мотора добрый и хитрый наш мастер. Зато сколько было восторга, когда движок, в очередной раз чихнув, вдруг оживал дробным рокотом...

Я не умиляюсь детскими воспоминаниями. Кроме умиления и «корочек» юношеских водительских прав, я вынес из детства непроходящую любовь к технике, к четкости и красоте — да, именно красоте! — взаимодействия рычагов и шестеренок автомобильного механизма, к логической связи физических, химических и механических процессов, рождающих чудо движения. Конечно же, автомобиль стал для меня близким и понятным другом, а не монстром, пожирающим силы и время. Как говорят шоферы, автомобиль — это тысяча загадок, и мне, по счастью, до сих пор почти всегда удавалось самому находить к ним решения. В полной мере оценить достоинства таких взаимоотношений человека с машиной могут лишь те, кто познал всю радость владения собственным автомобилем и не слишком большую радость быть клиентом нашего так называемого автосервиса.

...Жаркий летний день (или зимний морозный, или осенний слякотный — это не имеет значения). Перед воротами СТОА (для непосвященных надо расшифровать — станция технического обслуживания автомобилей, а где она расположена — в Москве, Подмосковье, Риге, Барнауле или каком-либо ином месте, — совершенно безразлично) живописно раскинулась вереница разноцветных машин. Между ними бродят, курят, суетятся, беседуют десятки взволнованных людей — в основном мужчин; для женщин климат СТОА, как говорится, не показан. Клиенты—а здесь это слово в ходу — почти все небриты, заспаны и озабочены, потому что сюда, как известно, надо приезжать затемно, иначе риск остаться ни с чем слишком велик. А как уедешь ни с чем, если у тебя барахлит и не тянет двигатель, если в трансмиссии подозрительный стук, если истекает гарантийный срок, а сервисный талон еще не погашен, если, если, если... Сколько машин, столько и причин, и каждая чрезвычайно важна, иначе кто бы потащился сюда чуть свет, бросив дела, оставив работу, отложив отдых и порой одолжив деньги! Из сострадания не будем касаться тех, чьи машины вообще приволокли сюда на буксире,— для них мосты отступления сожжены. А очередь движется медленно, и каждую машину, добившуюся права въехать в ворота, с завистью провожают десятки глаз. А что там, за воротами? Я знаю десятки историй, которыми напичкан любой, вероятно, автолюбитель. Вот наиболее ходячие образцы впечатлений от автосервиса:

— Самое тягостное впечатление в жизни. Нигде не чувствуешь себя таким беспомощным, как на СТОА. Разговаривают с тобою, как правило, сквозь зубы, с презрительной усмешкой. Не ты говоришь, что тебе надо, а тебе диктуют, что они могут сделать. Качество работы зависит от настроения мастера и его к тебе расположения.

— Подъезжаешь к автосервису — готовь деньги «на лапу». Вымогать не вымогают, но намекают в открытую: мол, нужна новая прокладка, но такая есть только на складе, а бежать за ней некому... Дефицитных запчастей никогда на станциях нет, но тут же, у забора, тебе их предложат «из-под полы» за ошеломляющую тройную цену. Короче, при любом ремонте надо «договариваться»...

— Полгода ждал очереди, наконец, отдал машину на станцию для серьезного ремонта. Заплатил около семисот рублей. А проехал на готовой машине с сотню километров — и хоть снова в ремонт отдавай: в двигателе что-то застучало, электропроводка где-то замыкается, тормозные колодки, кажется, и вовсе мне подменили — машину все время боком заносит...

А где же фамилии, спросит читатель, где конкретные данные о виновных и потерпевших? К сожалению, их более чем достаточно, то и дело различные газеты и журналы печатают статьи о подобных случаях на СТОА, да и мы не обойдемся без реальных имен.

...Валерию Васильевичу П. машина нужна была, что называется, позарез: дома больная жена, грудной ребенок, да и прочие обстоятельства требовали от главы семьи (к тому же еще и инвалида) высокой мобильности. А его почти новенькие «Жигули» попали в небольшую аварию (помята задняя стенка, крышка багажника, слегка изогнут лонжерон), и ездить на такой машине было нельзя. Что делать? Конечно, обратиться в автотехцентр на Варшавском шоссе, благо что он неподалеку от дома! Там современное оборудование, прекрасные специалисты — машина будет как новенькая. Но на первых же шагах в этом царстве авторемонта Валерий Васильевич понял, что потеряет здесь не меньше месяца: даже инвалидам при всех существующих льготах сделать ремонт быстрее не удается. Для всех прочих сроки ожидания несравнимо больше: выстоять очередь на составление калькуляции, потом записаться на ремонт, дождаться здесь своей очереди, потом дождаться выполнения заказа... Минимум полгода ожидания!

А может, все-таки удастся побыстрее? И Валерий Васильевич идет на прием к заведующему калькуляционным отделом Е. М. Бахмутскому. Так, мол, и так, такие обстоятельства, нельзя ли войти в положение... Бахмутский вежливо посочувствовал — да, загруженность цеха, кипа заказов, нехватка специалистов и материалов,— а потом как бы невзначай поинтересовался: вы где работаете? Ах, связаны со строительными организациями? А я, знаете ли, ищу специалиста по фундаментам — дачу строю... После горячих заверений клиента о возможном посильном содействии Бахмутский со скептической улыбкой потянул руку к телефону: все, мол, вы, клиенты, много обещаете, знаю я вас...

Тут же была составлена калькуляция на ремонтные работы — получилось, что починка обойдется Валерию Васильевичу около двухсот рублей. (Эту сумму следует запомнить, потому что цифрами нам придется оперировать часто.) После этого Бахмутский вручил клиенту коротенькую записку и предупредил: «Найдите в цехе Демченко, отдайте записку в руки. Само собой, придется вам сказать жестянщикам чуть-чуть «спасибо»... Валерий Васильевич по пути в цех развернул бумажку: «Демченко. Прошу помочь». И подпись. Неужели все так просто?

Демченко долго и хмуро разглядывал записку, потом поднял глаза на клиента. Так, интеллигент, весь покорность и внимание, по всему видно — созрел для разговора. «Ну, что же, раз Ефим Михайлович просит... Но у нас работы по горло. Попробую, если жестянщики согласятся. Но придется сверх калькуляции что-то добавить. Сколько? Двести пятьдесят. За день машина будет готова — с гарантией. Идет?» Валерий Васильевич ошеломленно кивнул головой. «Где машина?» «Здесь, но у меня таких денег с собой нет. Может, завтра?» Демченко согласился очень неохотно.

Дорога домой прошла для Валерия Васильевича в мучительных раздумьях. Пойти на сделку с совестью,— стать пособником вымогателей? Как после этого смотреть людям в глаза, считать себя честным, порядочным человеком? Давать взятку — тоже уголовное преступление. С другой стороны, тебе пошли навстречу, а машина завтра же будет готова... Шут с ними, с деньгами! А совесть? Ведь они не тебе пошли навстречу, не вошли в твое положение, а нагло использовали твои затруднения — можно сказать, прижали. Хороши благодетели! Да еще за государственный счет! Раз «нашли возможность» за деньги, значит, возможности есть, значит, и сверхмерная загрузка, и очереди, и дефицит липовые! Им выгодно изображать все в черных красках, чтобы легче было обирать таких простачков, как я! Простачок? Ну, посмотрим... И Валерий Васильевич ехал теперь уже не домой, а на Петровку.

...Демченко сам подошел к машине, которая по уговору стояла в стороне от общей очереди. «Так. Пятьдесят рублей давай мне сразу, остальные деньги оставь в кабине, в багажничке. Иди в кассу, оформи заказ, потом вот через эти ворота загонишь машину в цех и оставишь ключи в замке. Все». Через час, когда Валерий Васильевич без денег, без ключей, без машины приехал на Петровку, там уже были Демченко, два жестянщика, понятые. На столе — стопка знакомых двадцатипятирублевок с переписанными вчера номерами купюр. Эти двести рублей Валерий Васильевич оставил в машине, их только что изъяли у жестянщиков. В кармане Демченко тоже обнаружилось пятьдесят рублей — но уже другими купюрами...

Следствие длилось два месяца. Демченко от всего отказывался, но жестянщики сознались: да, была договоренность с Демченко. И записка Бахмутского, адресованная Демченко, тоже фигурировала в деле — короче говоря, народный суд Советского района признал Демченко виновным, приговорил к пяти годам лишения свободы. Но нас интересует не детективная, так сказать, сторона этой истории, поэтому следует здесь упомянуть и о том, что, как говорится, не вошло в протоколы. Например, на квартире Валерия Васильевича не раз раздавались телефонные звонки: «Имей в виду, на любой московской техстанции лучше не появляйся. Сам не будешь знать, из-за чего разобьешься!»

Когда дело слушалось в народном суде, зал был набит битком, толпа буквально осаждала здание, и какие-то осведомленные во всех тонкостях процесса люди прямо здесь же, у входа в зал, «обрабатывали» свидетелей. И вот кое-кто из них (называть фамилии без специального согласования мы не

АВТОСЕРВИС!

имеем права) отказался от своих первоначальных показаний, но потом, при дополнительном разбирательстве, вновь вернулся к старому... Это, между прочим, зафиксировано в протоколах. Было здесь и много юридических тонкостей, усложнивших дело. И столько всяких подробностей из «частной жизни авторемонтников» вскрылось на суде, что зрители, наслушавшись, лишь качали головами: «Да, вези после этого к ним машину в ремонт...»

Давайте вернемся от судебного процесса к процессу авторемонта. Кстати, что же стало с машиной Валерия Васильевича? Пока суд да дело, чиниться-то надо... Поскольку первый заказ, отмеченный взяткой, был признан недействительным, пришлось составлять новую калькуляцию. И сотрудники того же калькуляционного отдела теперь насчитали работ почти на... шестьсот рублей! Валерий Васильевич, конечно, стал протестовать. Тогда едва ли не все автотехцентровское начальство собралось у машины (из которой, кстати сказать, тем временем исчезло новое колесо), и началась оценка на высшем уровне. «Что, крышка багажника? Нет, металл при таком повреждении не правится, надо менять. Лонжерон погнут? Нет, он не тянется, надо менять подвеску...» Короче, третья по счету калькуляция называла сумму в триста с чем-то рублей. А когда все разошлись, у машины оказался какой-то парень в спецовке. «Здесь и работы-то... Зацепи тросом и потяни — лонжерон сам на место встанет. Я бы за бутылку мигом управился...»

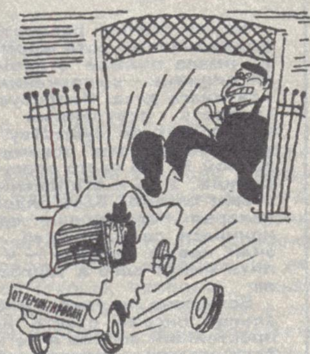
Теперь займемся несложным подсчетом: при варианте «со взяткой» ремонт обошелся бы клиенту рублей в пятьсот — в кратчайшие сроки с гарантией. На самом деле Валерий Васильевич совершенно официально отдал за машину около четырехсот рублей (да еще пропавшие без вести в кармане Демченко две двадцатипятирублевки). И все это — с многомесячным изматывающим судебным процессом, со спорами и волнениями. Что же проще? Вывод напрашивается сам собой...

Но, может, это слишком поспешный вывод? Что, если Валерию Васильевичу просто не повезло? В семье не без урода, а семья тех, кто чинит наши машины, состоит из тысяч и тысяч ремонтников. В книгах жалоб и предложений на СТОА мы найдем множество благодарных записей о хорошей работе, вежливости, внимании автосервиса к клиенту — и записи эти, несомненно, делались искренней рукой. Следует ли судить о всей столичной сети автотехобслуживания, в которой три с половиной десятка станций, по одному лишь уголовному делу?

А ведь только в автотехцентре на Варшавском шоссе — только в нем одном! — за последние три года возникло... двенадцать судебных процессов!

Помните, мы прервали разговор о суде на юридических тонкостях? Дело в том, что уже в ходе судебных разбирательств выяснилась одна малозначимая вроде бы деталь: многие из тех, кто вымогал у клиентов деньги, оказывается, не имели права... разговаривать с клиентами! Следовательно, приемщик — это юридически не приемщик, значит, лицо не должностное, значит, он не взяточник при исполнении служебных обязанностей, а просто мошенник! Как, например, Остап Бендер, который собирал деньги за осмотр Провала... Получение должностным лицом взяток по нашим законам карается вплоть до высшей меры. А мошенничество наказывается гораздо мягче! Так что извините, граждане, если в этих строках мы назвали вас взяточниками. Если вас таковыми не признают — вы всего лишь мошенники!

Вот только автолюбителям от этого не легче...

Старший следователь прокуратуры Советского района Е. С. Жданова рассказывала, что по одному из процессов она выезжала на собрание в автоцентр, чтобы присутствовать при выдвижении общественного обвинителя. Но ей был задан вопрос: нельзя ли выдвинуть общественного... защитника? Кого же решил защищать коллектив — взяточника (извините — мошенника)? А в зале кто-то пробасил: «Подумаешь, дело, здесь все берут!»

— У меня не сложилось впечатления, что в зале царила атмосфера осуждения взяточничества,— осторожно высказалась Елена Сергеевна.

Да, юрист обязан быть предельно осторожен в своих мнениях и оценках — его устами говорит закон. Ну, а что скажут те, у кого в этом отношении язык «более развязан»,— руководство Мосавтотехобслуживания?

Но, к сожалению, у генерального директора С. Н. Петроченкова времени для разговора с журналистом не нашлось, и через своего помощника он порекомендовал мне встретиться с начальником производственно-диспетчерского отдела, заместителем секретаря парторганизации объединения Л. Л. Воллерштейном.

— Давайте условимся, Лев Леонидович: никто не считает всех работников автотехобслуживания жуликами,— предупредил я своего собеседника.— Но поскольку таковые, к сожалению, все же существуют, помогите нам разобраться: не в этом ли причина плохой репутации автосервиса?

— Ругать автосервис стало модным... А ему нужна помощь! В чем главная причина наших бед? В хронической, острейшей проблеме с поставкой нам запасных частей! Можно — и даже необходимо! — увеличивать численность новых станций, совершенствовать их оборудование, улучшать организационную структуру, но если не будет запчастей, все равно останутся очереди, и конфликты с клиентами, и — будем откровенными — злоупотребления. Парк автомобилей, принадлежащих гражданам, быстро растет, а вот поставки запчастей в автосервис год от года уменьшаются. Почему — не берусь сказать. Заявки, которые мы составляем для промышленности с учетом запросов, с учетом опыта прошлых лет, не удовлетворяются и наполовину. Перечень может быть бесконечным: легковой автомобиль состоит из десяти—двенадцати тысяч деталей. Каждая из них со временем требует ремонта или замены, это жизненно необходимо не только для эксплуатации автомобиля, но и для обеспечения безопасности водителей, пассажиров, пешеходов на дорогах... Не секрет, что на многие важнейшие детали, узлы, агрегаты существует постоянный дефицит. Но вот вам парадокс: вы знаете, что на многих предприятиях в виде поощрения передовиков дают им возможность приобретать списанные автомашины — в основном «Волги». И вот эта машина, давно уже отработавшая свой ресурс, сразу же из рук счастливого владельца попадает... к нам! А для ГАЗ-24 мы получаем очень мало запчастей, вернее сказать, в избытке получаем одни детали и почти не получаем всякую «мелочевку», которую, между прочим, нигде не найдешь в продаже. А без нее машина все равно стоит на месте. Так вырастает очередная «безнадежная» очередь... Машинам других марок «повезло» ненамного больше. Мы напрямую связаны с заводами АЗЛК, ВАЗ, ЗАЗ, но даже столичный автосервис, уровень обеспеченности которого самый высокий в стране, удовлетворен запчастями лишь на 39 процентов!

— Значит, шестьдесят один человек из ста уходит от ворот СТОА ни с чем...

— Это уж слишком условно, таких подсчетов мы не можем проводить... Но вот конкретные цифры: в прошедшем году из ста заявок на замену кузова автомобилей «ИЖ» мы смогли выполнить лишь тридцать, по «Москвичам» из шестидесяти — двадцать... Из-за отсутствия деталей двигателей мы не можем даже взять у многих клиентов заявки, и очередь на запись — только на запись в ремонт! — растягивается на месяцы. А заводы даже не могут сообщить, когда они поставят запчасти. Мы очень надеемся, что теперь, после того как недавно Политбюро ЦК КПСС рассмотрело, в частности, вопрос об увеличении мощностей по выпуску запасных частей и дало ряду министерств соответствующие поручения, положение изменится к лучшему. Но на это уйдет тоже не менее двух-трех лет.

— Ну, хорошо, а как налажен учет тех деталей, которые все же поступают к вам на склады?

— Многим почему-то кажется, что мы их распределяем в основ-

ном «из-под полы»,— смеется Лев Леонидович.— Такие намеки я довольно часто слышу в этом кабинете от посетителей... С недавнего времени в Москве вступила в строй автоматическая система управления материально-технического снабжения станций — она расположена на Комсомольском проспекте. В вычислительную машину закладываются данные на все поступающие к нам запчасти,— сейчас пока только для «жигулей», а в скором времени — и для машин других марок. Здесь же регистрируются данные с кассовых аппаратов станции — то есть оплата за произведенный ремонт; значит, условно говоря, если на склад поступило пятьсот распредвалов, должно быть удовлетворено пятьсот заявок — и ни единой меньше. Одновременно машина исключает возможность обсчета клиентов, контролирует сроки выполнения работ... Это, безусловно, очень прогрессивный метод, сейчас к АСУ подключены уже пять самых крупных московских СТОА, скоро подключатся и другие. Или вот еще одна мера контроля: все заявки на самый сложный ремонт — кузовной — для «москвичей», «волг» и «запорожцев» стекаются сюда, в производственно - диспетчерский отдел; каждая из СТОА постоянно сообщает диспетчеру о своих возможностях, и мы соответственно распределяем заявки и сообщаем клиенту, когда и на какую станцию ему следует обратиться... Извините...

Пока мой собеседник говорил по телефону, я вспомнил одну из «страшных» историй, случившихся с моим приятелем. Он пригнал на станцию свою новую машину для очередного технического обслуживания, оставил ее мастерам, как положено, и ушел «погулять» на несколько часов. В срок забрал машину — все в порядке, можно ездить! И вдруг через пару месяцев двигатель застучал... «Вышел из строя распределительный вал, надо менять. Ждать придется, наверное, около года»,— сообщили ему мастера уже на другой станции, куда мой приятель обратился. «Как вышел из строя? Машина всего тридцать тысяч километров прошла! Неужели производственный брак?» «Нет, производство ни при чем, вам в прошлый раз новый вал подменили на старый! Видите, вот царапины на гайках! Ваш почти новый вал они поставили на чью-то ремонтную машину, а предназначенный для нее совершенно новый, заводской вал пустили налево»... Нет, не сможет, при всем своем самом горячем желании не сможет Лев Леонидович уследить за каждой дефицитной запчастью. Вот так и получается, что, например, крайне необходимый распределительный вал для «жигулей», стоящий в магазине двадцать пять рублей, в подворотне продают за две с половиной сотни!

— Мы с этим боремся,— устало говорил Лев Леонидович, когда я стал задавать вопросы по поводу взяточничества на станциях, торговли «из-под полы» и многочисленных судебных процессов.— Жуликов выгоняем, организуем группы контроля, разрабатываем новые дисциплинарные меры. Надеемся, что скоро все то, о чем я вам сейчас рассказал, даст свои результаты, оздоровит климат на станциях...

Мы все на это надеемся. И все же, наверное, не следует думать, будто проблемы и беды автосервиса целиком сошлись лишь на наличии запчастей. Мы много раз имели возможность убедиться, что автосервис почему-то стал недоступной для обычного понимания сферой обслуживания, что все в этой системе — от покупки автомобиля, его ремонта, заправки бензином и до самой продажи — осложнено какими-то самостоятельными распоряжениями, постановлениями, оговорками и указаниями, результатом которых стала полная неразбериха. Не потому ли и в магазинах по продаже запчастей прилавки почти всегда пустуют, а тут же, у дверей, вам предложат абсолютно все, что вы пожелаете? Значит, есть, существуют в природе эти самые дефицитные детали, просто попадают они не в те руки! Хорошо, конечно, что следить за распределением запчастей теперь будут ЭВМ, но ведь данные в счетную машину тоже закладывают люди...

И реальное ли это дело — поставить к каждому автослесарю по контролеру? Вот ведь в чем парадокс, который мы наблюдаем на СТОА: чем проще ремонт, тем... хуже к нему отношение. Мы просим починить какой-то агрегат — нам настойчиво предлагают вовсе заменить его на новый; мы просим заменить деталь — нам меняют целый узел... Усложнить, удорожить ремонт, навязать клиенту свои условия — вот к чему стремится СТОА! Это при сегодняшнем-то дефиците во времени, в запчастях, в специалистах? Почему? Да потому, что чем сложнее ремонт, тем легче приписать к нему какую-то лишнюю операцию, использовать неосведомленность клиента и в конце концов обсчитать его. И мы, махнув рукой, в конце концов на все соглашаемся: автомобиль — это тысяча загадок, а от какой-то рублевой колодки в буквальном смысле зависит твоя жизнь...

И снова зима на дворе, а я маюсь мыслью, что надо бы заменить тормозные колодки, и залить новое масло, и поставить новые фильтры, и крестовину пора менять, и клапаны подрегулировать... Обращаться на СТОА — пустое дело: запчастей, конечно, там нет, масел тоже нет. Регулировка занимает двадцать минут, но ждать ее — полдня потерять, да еще, глядишь, что-то снимут с машины... Нет уж, лучше в субботу потолкаюсь у магазина, а потом оденусь потеплее да поваляюсь под машиной часок-другой: так вернее будет! А в автосервис я не поеду...

«огонек» выступил. что сделано?

ЗАВОД БУДЕТ ПОСТРОЕН

«Огонек» трижды («Штраф под рельсы не положишь» № 41 за 1981 год, «На БАМе по-прежнему ждут шпал» № 30 за 1982 год и «Точку ставить рано» № 49 за 1982 год) писал о сбоях в поставке шпал и других необходимых материалов и оборудования для строительства БАМа. В частности, в статье «Точку ставить рано» говорилось о работе Аурского шпалопропиточного завода, о реконструкции этого предприятия, одного из основных поставщиков шпал на БАМ. Завод работает только с апреля по октябрь, так как расположен он под открытым небом.

В статье приводилось письмо рабочих завода, взволнованных тем, что дело реконструкции пущено на самотек. Работы, которые должны были закончиться в 1978 году, все еще продолжаются, выполнено лишь пятьдесят процентов их объема. В последнее время темпы работ, правда, повысились, но положение по-прежнему вызывает серьезное беспокойство. Решать эти вопросы должно Министерство транспортного строительства, в частности Главное управление железнодорожного строительства Урала и Сибири. Поэтому мы с особым вниманием читали ответ из этого главка за подписью начальника главка В. М. Минина. Он сообщает, что два заинтересованных министерства — транспортного строительства и путей сообщения — рассмотрели ход строительства Аурского шпалопропиточного завода. Планом на 1983 год предусмотрено продолжить строительство объектов завода и обеспечить их ввод по пусковому комплексу. Определены источники пополнения строительства трудовыми ресурсами, комплектациями и конструкциями. За ходом работ шпалопропиточного завода в Министерстве транспортного строительства введен строгий контроль.

В публикациях «Огонька» отмечалась и проблема снабжения шпалозаводов сырьем, однако Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР пока не ответило на наши вопросы. Поэтому мы снова обращаемся в Минлесбумпром с просьбой рассмотреть вопросы, поставленные в статьях «Штраф под рельсы не положишь», «На БАМе по-прежнему ждут шпал» и «Точку ставить рано».

РЕПЛИКА

О ПОЛЬЗЕ ВНЯТНОСТИ

В полученном редакцией письме высказывались претензии к работе одной из московских булочных. Мнение читателя редакция специальным письмом довела до сведения руководителя «Мосхлебторга» З. В. Белоусовой. Только что получен официальный ответ. Он напечатан на бланке «Мосхлебторга», но подписан заместителем начальника совсем другой организации — управления хлебопекарной промышленности. Правда, на страничке напечатано также «Управляющий торгом З. В. Белоусова», но личной подписи Зинаиды Васильевны я не нашел...

Поэтому и не знаю: кто отвечает редакции и нашему читателю — управление хлебопекарной промышленности, в которое мы не обращались, или «Мосхлебторг», который редакция ознакомила с сообщаемыми читателем фактами?

Но не станем рассматривать формальности, хотя форма всегда имела прямое отношение к дисциплине выполнения того или иного дела. Попробуем рассмотреть полученный редакцией ответ по существу. Читатель недоумевал: почему в булочной № 126 часто торгуют несвежим, а то и откровенно черствым хлебом? Ведь рядом есть пекарня. Чего проще: едва закончился свежий хлеб, загрузили новую тележку — и через пять минут хлеб в торговом зале.

Возможно ли такое? В официальном письме ответа на этот простейший вопрос я не нашел. Зато авторы (автор? — К. Б.) его пускаются в пространные объяснения: «Снабжение хлебом в Москве организовано по часовым графикам (ржаные сорта, пшеничные сорта и булочные изделия мелкого развеса) с учетом обеспечения продажи продукции в пределах сроков, установленных приказом Минторга РСФСР. Продукция в булочную (видимо, в ту, работу которой критиковал читатель? — К. Б.) завозится с хлебозаводов № 6 и № 8 (ржаные сорта), № 5 и № 11 (пшеничные), с хлебозавода № 3 и пекарни № 37 (булочные изделия)».

А далее идет такое признание: «В булочную завозится ассортимент продукции шире ассортиментного минимума, определенного для этого магазина». Но не говорится, свеж ли продаваемый хлеб. Далее: «При плане поставки по булочной 480 кг пекарня доставляет 3—4 раза в день в количестве 1000—1200 кг». Не от такой ли сверхщедрой сверхплановой поставки и получаются остатки, которые потом превращаются в продукцию, самими хлеботорговцами называемую «черствяк»?

Затем авторы рассказывают о планах развития булочных, пишут о том, что при самых крупных из них будут пекарни («Огонек» писал о необходимости их создания. Теперь эта проблема в столице решается), отмечают усилия транспортников, пока не наладивших четкую доставку хлеба в булочные...

И, наконец, следует индульгенция, ее авторы письма выдают работникам булочных, хотя внешне все выглядит как забота о покупателях. «По мнению специалистов института питания, кушать теплый хлеб не рекомендуется». Вот так!.. Но не о горячем, а просто о свежем, не черством хлебе шла речь. Для сведения авторов письма, сошлюсь на мнение, высказанное еще в знаменитом «Салернском кодексе здоровья»: «Хлеб не горячим да будет, а также еще и не черствым...».

Не горячим, но мягким! И такая есть русская поговорка: хлеб ешь, пока свеж.

Мог бы привести и подсчеты, которые отмечают, что несвежий, черствый хлеб полностью не съедается. Именно такой хлеб — источник отходов.

...Вечером, сдав эту реплику редактору, еду домой. По пути захожу в булочную № 386 Сокольнической конторы «Мосхлебторга». На полках лежат черствые («Прошлогодние, что ли?» — ворчит один из покупателей) батоны; и полубуханки ржаного — тоже далеко не первой свежести. А мягкие булочки раскупаются быстро и охотно.

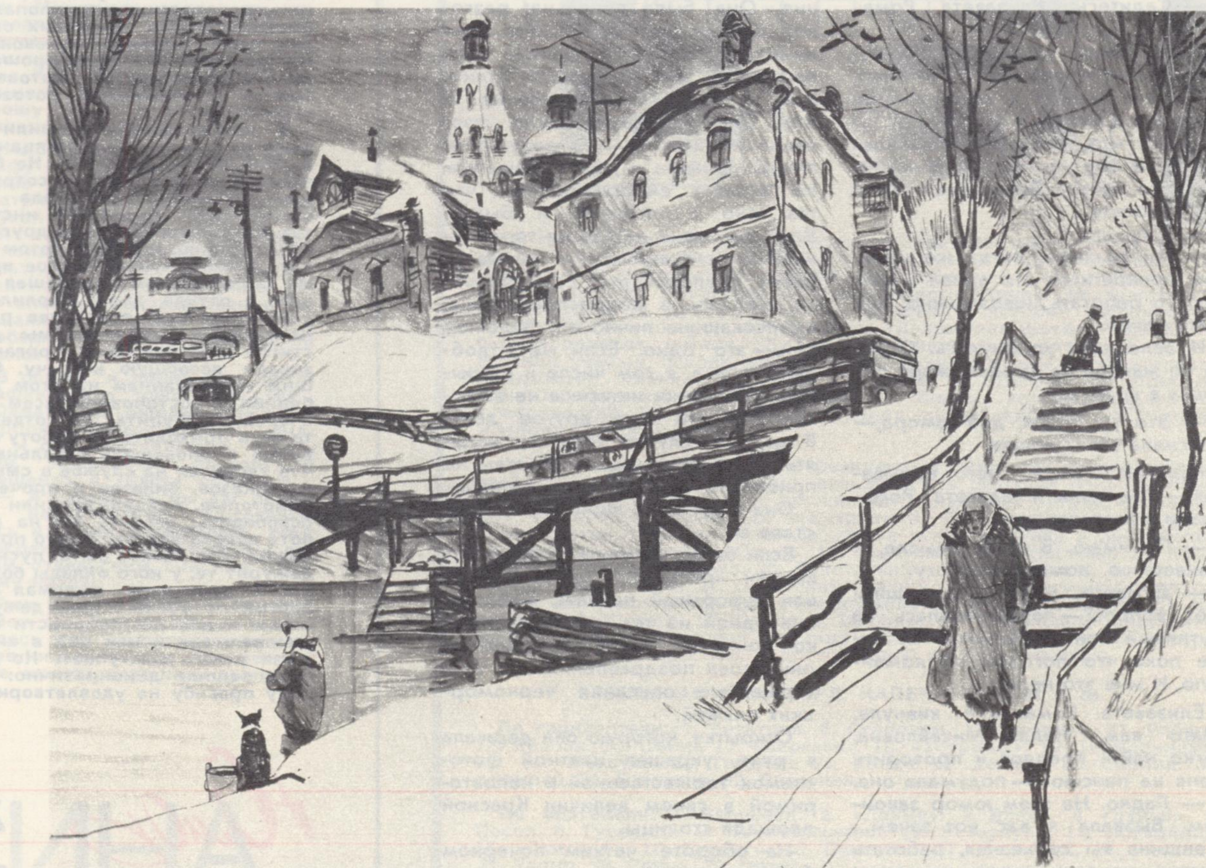
К. БАРЫКИН

Борис ЛАСКИН

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ОТКРЫТКА С ВИДОМ МОСКВЫ

Поезд тронулся медленно, почти неслышно. Теперь так это и происходит. А раньше, если помните, висит на станции медный колокол, первый звонок — все заторопились, обнимаются, говорят громко, вразнобой, но у тех, кто уезжает, есть еще время передумать, можно успеть выхватить из вагона свой чемодан и задержаться на день, на недельку, а то и навсегда. Второй звонок, последний — тут уж все кончено, впереди дорога и разлука.

Елизавета Романовна стояла на платформе и махала рукой. Не как в современных кинофильмах — влево-вправо, влево-вправо, а вперед от себя, словно бы вдогонку, в напутствие.

Саша и Валечка высунулись из окна вагона, помахали в ответ, крикнули: «Спа-си-бо, баба Лиза!»

Она покачала головой: мол, не стоит благодарности.

Неспроста Саша сделал остановку, прогостил у нее с утра до вечера. Единственная бабушка, это понятно, но главное — не терпелось ему продемонстрировать свою Валечку, с которой нынешним летом познакомился в стройотряде.

В автобусе по дороге домой Елизавета Романовна все вспоминала Сашин отчет об их тамошнем житье-бытье. Говорил он увлеченно, с юмором, а Валечка то и дело вставляла реплики, чувствовалось, взгляды их полностью совпадают. Однако этого не стоило переоценивать — согласие влюбленных, тем более в таком возрасте, явление довольно обычное.

«Мадемуазель Андрейчикова»— так представил Саша Валечку. Смешно сочетались эти два слова —«мадемуазель» и «Андрейчикова».

Потом, исчерпав свои байки, Саша сказал: «Теперь, баба Лиза, твоя очередь, рассказывай». Она пожала плечами: «У меня все нормально». Конечно, это получилось не в тон. Ей бы объявить бодрым дикторским голосом, что живет лучше всех. И, наверное, зря она рассказала о своей работе в собесе. Тут они, небось, решили: понятно, такой возраст. Но ведь еще недавно, приехав на школьные каникулы, Сашка громогласно заявил, что баба Лиза совсем не похожа на бабушек, каких рисуют в книжках для детей. Сегодня-то он, конечно, не мог не заметить, как она сдала, в особенности за последнее время.

А Саша, к ее удивлению, искренне заинтересовался, чем она конкретно занимается в собесе и как к ней относятся сотрудники и начальство. Тут она не удержалась, рассказала о своей заведующей Нелли Михайловне Зеленковой, как она марширует спортивным шагом и носит для солидности седой парик, который не делает ее старше, наоборот, только подчеркивает ее молодость и завидное здоровье. «Вам, Елизавета Романовна, давно уже пора отдыхать» — эту внешне благожелательную фразу заведующая произносила все чаще и чаще, и Елизавета Романовна без труда догадалась: хочет от меня поскорей избавиться. А ведь мне-то в мои годы легче с пенсионерами найти общий язык, понять людей, проживших долгую непраздную жизнь, часто не вполне здоровых, легкоранимых. Но, как говорится, начальству видней. Часто думая обо всем этом, она и на сей раз не смогла промолчать.

Вернувшись домой с вокзала, она поставила разогреть чайник и огляделась по сторонам. Кого-то в комнате не хватало. Ясно кого: Саши и Валечки. Забавная у нее фамилия. Но фамилия, конечно, значения не имеет. По виду девушка серьезная, слушает внимательно, с пониманием. А может, ради Сашеньки притворяется такой? Нет, вряд ли. Саша — парень искренний и в ней, наверное, это же ценит... И вообще молодежь у нас хорошая, надежная. Она же готова была вступить в спор с любым, кто вздумает сказать худое слово о Саше. Зеленкова — она, конечно, исключение, она, похоже, стесняется своей молодости, и потому-то не с руки ей командовать теми, кто старше и жизнь знает получше, чем она.

Когда тобой владеют серьезные мысли, иной раз не замечаешь ничего вокруг. Вот и сейчас— налила чаю, а он совсем остыл. Значит, к чашке даже не притронулась, сидела и думала. О Саше и об их давешнем разговоре. Может, не следовало ей все им выкладывать? Теперь она уже не могла отделить то, о чем думала, от того, что раньше доверительно высказала вслух.

Многие считают, что постоянная готовность поведать о своей жизни и вообще словоохотливость больше свойственны людям пожилым. Наверное, так оно и есть. И с этим надо считаться. Вот не так давно, беседуя со своей сотрудницей, женщиной ее возраста, Елизавета Романовна не заметила, как на пороге возникла Зеленкова и, уже уходя, спросила: «Вечер воспоминаний?» Не найдясь, что ответить, она обиженно промолчала.

Гости были у нее девятого в пятницу, а уже через три дня от них пришла открытка: «Дорогая наша баба Лиза! (Во как! Уже не «моя», а «наша».) В первых строках сообщаю радостную весть: ты очень понравилась Валечке. Она сказала, что ты на редкость добрая и умная женщина, которая всегда готова помочь человеку в трудную минуту. Баба Лиза! Благодарим тебя за гостеприимство. Большое спасибо за пирог с черникой, мы его в дороге совместными усилиями прикончили, после чего языки у нас стали синие, и наш сосед по купе потом, наверное, подумал, что пили мы не чай, а чернила для авторучки. Будь здорова! Твои Саша и Валя».

Не без удовольствия это прочитав, Елизавета Романовна долго рассматривала цветной фотоснимок на обороте открытки, запечатлевший исполненную строгого величия Красную площадь Москвы. Затем, вновь пробежав глаза-

ми текст, она невольно улыбнулась, представила себе, как Саша и мадемуазель Андрейчикова показывают друг дружке язык и сравнивают, у кого синей.

Во вторник, когда шла с обеда, ее в коридоре окликнула Аллочка, секретарша Зеленковой:

— Лизавета Романовна! Вас руководство вызывает.

— Меня? Хорошо, я сейчас...

Направляясь к Зеленковой, у гардероба глянула в зеркало — нет ли на лице волнения в связи с неожиданным вызовом к начальству.

— Нелли Михайловна вас ожидает,— сказала Аллочка и открыла перед ней обитую дерматином дверь.

Зеленкова, закончив телефонный разговор, указала на кресло:

— Садитесь, Елизавета Романовна.

Заведующая улыбалась приветливо, даже чересчур приветливо.

«Сейчас начнет с какой-нибудь шуточки, а потом...»

— Вот что, Елизавета Романовна,— уже без улыбки, официально и строго начала Зеленкова,— хочу вас спросить...

— Слушаю.

— Вы скажите, когда же наконец прекратится эта адова жара? Просто работать невозможно, дышать нечем.

И Зеленкова улыбнулась. Однако ее жалоба на летнюю жару повисла в воздухе.

— Это уж я так, для юмора,— пояснила заведующая.

«Скажет сейчас, чего вызывала»,— подумала Елизавета Романовна и сказала:

— Понимаю. В этом смысле, к сожалению, помочь не могу.

— Думаете, мне легче решить этот вопрос?— переключилась на шутливый тон Зеленкова.— Я тоже пока что погодой не командую. И мне это нелегко.

Елизавета Романовна кивнула. «Зато вам, Нелли Михайловна, легко найти предлог и проводить меня на пенсию»,— подумала она.

— Ладно. На этом юмор закончим. Вызвала я вас вот зачем... Женщина вы серьезная, работать умеете, но занимаетесь не своим делом. Такое есть мнение.

Зеленкова помолчала, а Елизавета Романовна успела мысленно произнести: «Через минуту она ласково предложит уступить место кому-то другому или другой, той, что помоложе меня».

— Я гляжу, вы испугались — и зря. Неплохо, я считаю, будет, если вы передадите делопроизводство, все ваши бумажки тому, кто помоложе, найдем кому, а сами — в приемную, на работу с пенсионерами. Вы, женщина в годах, с этим контингентом легче найдете общий язык. И вы любого поймете, и вас тоже правильно поймут. На нашем участке работы связь с живыми людьми имеет большое, можно сказать, решающее значение!..

Она внимательно слушала Зеленкову, и вдруг ее пронзило удивление: заведующая говорила буквально ее словами. Почти то же самое было ею сказано несколько дней назад Саше с Валечкой, когда, внутренне досадуя, что говорит лишнее, она делилась с ними пока что малореальными надеждами на будущее.

— Если надо, с кем-нибудь посоветуйтесь и дайте ответ, подходит вам, что я предложила, или не подходит.

— Мне ни с кем не надо советоваться, Нелли Михайловна. Даю положительный ответ.

— Тогда все.

— Нелли Михайловна, скажите, а как это вам... пришло в голову?

Зеленкова многозначительно подняла брови, поправила парик:

— На то руководству и голова, чтобы: туда приходили полезные мысли. Вот так. Больше вас не задерживаю. А вашу пересадку проведем по-быстрому. Рада, что у нас с вами так получилось.

— Я тоже рада.— Елизавета Романовна протянула руку заведующей, и та, привстав, по-мужски пожала ее.

Когда за Елизаветой Романовной закрылась дверь, хозяйка кабинета погрузилась в размышления. Она была довольна: разговор прошел нормально. Нет сомнения, у этой сотрудницы сложилось о ней не просто отличное, а сверхотличное мнение. А что? Она, как заведующая, проявила инициативу и в результате лично приняла мудрое решение. На момент ей привиделось, что так оно в точности и было... Впрочем, одна деталь не то чтобы меняла ситуацию, но вызывала некое беспокойство. Если Аллочка сует нос в корреспонденцию, адресованную лично ей, Зеленковой,— это одно. Если же подобные письма, в том числе и открытые, у Аллочки интереса не вызывают, то это уже другое дело. В данном случае хотелось надеяться, что открытка из Москвы не привлекла внимания секретарши.

Она выдвинула ящик стола и достала ее.

Если бы на лицевой стороне открытки красовался букет пионов или курортный пейзаж, была бы она одной из тех, какие частенько приносит почта, и содержат они слова поздравления или восторженные описания черноморских пляжей.

Открытку, которую она держала в руке, украшал цветной фотоснимок торжественной и неповторимой в своем величии Красной площади столицы.

На обороте четким почерком было написано:

«Тов. Зеленковой Н. М.

Уважаемая Нелли Михайловна!

В руководимом вами учреждении работает Елизавета Романовна Полищук. Эта культурная немолодая женщина обладает богатым жизненным опытом, и есть такое мнение, что будет полезно, освободив ее от делопроизводства, поручить ей такой участок, где она получит возможность непосредственно общаться с людьми ее возраста, с которыми легко найдет общий язык, нужды которых правильно поймет и сумеет им помочь в трудную минуту. Товарищ Соломатин А. С. в курсе дела, он полностью разделяет данную точку зрения. С приветом В. Андрейчикова».

Побарабанив пальцем по столу, Зеленкова сделала очередную попытку вспомнить: кто же она такая, эта В. Андрейчикова, где работает она и товарищ Соломатин А. С.?

— Скорей всего новые люди,— заключила она вслух и спрятала открытку не в стол, не в папку с документами, а в свою сумочку.

И правильно сделала.

Совершенно необязательно посторонним лицам читать то, что было адресовано лично ей.

Нервное

Михаил НИКИТИН

В день дежурства на работу я пришел вовремя. В этом, собственно говоря, и состоят обязанности дежурного в нашем отделе. Раньше-то иногда нехорошо получалось: рабочий день давно идет, а в отделе никого нет. Никакой дисциплины не было... Сколько мы из-за этого заказов с дефицитными продуктами прозевали! Сколько билетов на всякие умопомрачительные зрелища прохлопали! Сколько другиx приятных оказий типа горящих путевок в труднодоступные места прошляпили!.. Короче говоря, бытовало просто непостижимое ротозейство!!!

В конце концов решили с этим покончить. Два месяца собирали общее собрание. Не без казусов, конечно. Один сотрудник (зарплата ему шла на сберкнижку) перепутал институт и приехал совсем в другую организацию. И только потом до него дошло, что он в свое время с повышением перешел к нам, а оттуда давно уволился.

Но, блестяще преодолев разнообразные курьезы, мы достигли заветной цели и организовали всеобщую встречу. Общим голосованием на этом собрании и постановили: всем по очереди дежурить по отделу, то есть приходить на работу вовремя и оповещать остальных, что творится на службе в смысле заказов, билетов и прочего. Некоторые, правда, просили их освободить: дескать им на работу далеко ездить. Кто-то предложил, что, может быть, пускай дежурят те, у кого оклады больше. А один даже выдумал аллергию ко всякого рода дежурствам и для достоверности обрисовал, где и как она в виде сыпи у него выступает. Но вопрос решили демократично: ни одну просьбу не удовлетворили и порешили дежурить всем, по очереди, без исключений.

Зато с чем сразу единодушно согласились, это с тем, что надо завести такой списочек, сделать этакую памятку дежурному, что кому надо. Например: Иванов — икра черная (но не паюсная), Петров — сырокопченая колбаса и Большой театр, Сидорова — Пицунда, Алла Пугачева и т. д. С координатами заказчика.

Ну вот. Пришел я, дежурю. У других все всегда тихо, спокойно, а у меня обязательно что-нибудь стрясется. Суета какая-нибудь возникнет. Всю жизнь так. Не успел я ознакомиться с нашим висящим на шкафу «что кому надо», как на тебе — звонят по местному телефону. Звонят и сообщают не о чем-нибудь приятном, а, честно говоря, черт знает о чем. Не то смотр какой-то. Не то комиссия. Не то проверка. Но как бы там ни было, ясно одно: надо экстренно, аврально трубить незапланированный общий сбор.

Что ж делать? Скрепя сердце по тому же списку принялся всем подряд трезвонить и без комментариев сообщать, что надо бы зайти на работу.

Повезло еще, что по случаю достаточно отвратительной погоды почти все наши оказались дома. А Марина, девушка без домашнего телефона, которой я хотел было слать телеграмму, пришла сама, что в общем-то неудивительно, потому что она частенько захаживает обзванивать знакомых.

А вскоре за ней, оказавшейся первой ласточкой, повалили и остальные. Дамы в новых нарядах, и все прекрасно выглядят; мужчины подтянутые, подчеркнуто корректные. Завязалась оживленная беседа. У каждого есть что сказать, чем поделиться. Люди все знающие, интересные, с чувством юмора. Никакой, разумеется, пошлости. И вдруг кто-то как бабахнет: «А зачем, собственно, мы сегодня здесь собрались?»

Юмор

ЭФФЕКТ

Виктор ГАСТЕЛЛО

Младший научный сотрудник Рыбкин пребывал в том возрастном состоянии, когда делаются великие открытия. Воспользовавшись своим состоянием, он и сделал это открытие.

— «Эффект Рыбкина»! — ахнул счастливый Рыбкин.— Решение задачи века, над которой бились лучшие и даже которые похуже умы человечества.

Рыбкин дал отлежаться идее и потом оформил ее в изящный ряд математических выкладок...

Начальник лаборатории Витухин зубы проел в науке и потому сразу понял, что в недрах его лаборатории родилось великое. Пахло премией, сначала квартальной, а потом, может, и Нобелевской.

Возраст не позволял Витухину надеяться на открытия такого масштаба...

— А хорошо бы — «Эффект Витухина — Рыбкина». В науке такое уже случалось. Бойль независимо от Мариотта, Гей вместе с Люссаком...

Начальник отдела Сквозняков был не дурее Витухина и потому сразу понял, что в недрах его отдела запахло бессмертием...

«Эффект Сквознякова — Витухина — Рыбкина». Такого еще не было в науке. Длинновато. Правильнее: коллектив авторов под руководством профессора Сквознякова...

На допросе мнс Рыбкин соучастие отрицал и всю вину за содеянное брал на себя...

— Да поймите вы, Рыбкин, двадцатый век на дворе,— мягко выговаривал ему Витухин.— Прошло время гениальных одиночек. Сейчас наука под силу большим коллективам. Ведь не вдруг...

— Не вдруг. Еще студентом размышлял,— чистосердечно сознавался Рыбкин,— потом все время думал и вам говорил, да вы отмахнулись.

— Вот видишь, Рыбкин, обсуждали... теперь припоминаю Отправные моменты тебе давал...

— Задание вы мне новое давали и советовали не заниматься глупостями.

— Вот видишь, я же говорю, что советовал...

— И я припоминаю,— вмешался Сквозняков,— пришли вы, молодые специалисты, на работу, перспективы вам открывал, на большие дела нацеливал. Потом сама атмосфера нашего коллектива, наши намеки подталкивали нас к открытию...

дежурство

А что я могу ответить, когда и сам толком не знаю зачем?!

Хорошо, что в эту минуту к нам в комнату влетел человек, должно быть, общественник, потому что закричал страшным голосом: «Как же вы в такой день без наглядной агитации работаете?! Нарисуйте плакат: «Даешь полет научной мысли!» Или что-нибудь в этом роде. И куда-нибудь на видное место, вон хоть на шкаф, его повесьте».

Тут его взгляд упал на наш заветный список, да к тому же с подчеркнутым заголовком «Что кому надо». У меня внутри все оборвалось... Посмотрев строгим взглядом и больше не проронив ни слова, он сорвал памятку и так же стремительно вылетел.

Дело, с одной стороны, как будто прояснилось, но, с другой стороны, наверно, ухудшилось. Но по крайней мере меня никто уже ни о чем не спрашивал. Про памятку, как в доме повешенного о веревке, тоже не вспоминали. Зато, проникнувшись важностью мероприятия, взволнованно заговорили насчет плаката. Николай Леонидович, самый представительный на вид и, судя по всему, начальник отдела, поручил это дело «девушке без домашнего телефона». Причем, как выяснилось, отнюдь не случайно, поскольку та, оказывается, учится в Строгановке, подает там большие надежды и чуть ли не будущая знаменитость.

И действительно, несколькими мазками она создала такой гимн труду! Такую красочную композицию!.. После коллективного просмотра этого произведения мы долго не могли ни о чем другом говорить, как о громадном впечатлении от общения с плакатом.

Под аплодисменты повесили его на двери, чтобы проходящие мимо, художественно обогатившись, также могли его оценить.

Нескоро, выждав паузу, опять появился общественник. Но теперь он уже не влетел, а будто вплывал в отдел. За ним следовал заинтриговавший всех фотограф.

Товарищ обвел глазами присутствующих, кашлянул и с некоторым смущением и торжественностью произнес:

— Разрешите, товарищи, вас поздравить! По итогам года ваш отдел занял первое место! И нам кажется, это не случайно. Коллектив у вас дружный, ответственный. Не боится задач и свершений... И наглядная агитация у вас лучше всех! Го-о-раздо лучше, чем у других!

Радости нашей не было границ. Мы вновь захлопали, зааплодировали. Общественный деятель, переждав шум овации, продолжил:

— Как победителей мы вас снимем для стенной печати. Прошу всех в распоряжение нашего фотографа...

Надо отдать должное и фотографу — мастерски создал рабочие мизансцены. Один рассматривал какой-то график, другой был якобы снят в момент зарождения научной идеи. Николай Леонидович будто консультировал двух явно подающих надежды сотрудников, дамы вполне производственно совещались. А я, как бы улучив свободную минутку, смотрел на плакат.

В общем, я понял, что фотография — это тоже искусство...

Однако нас ожидал еще один сюрприз. Общественник, видно, и сам предчувствуя всеобщий, повальный восторг, с крещендо в голосе объявил:

— А наградить мы вас решили нестандартно. Посовещались и сочли возможным всех обеспечить в соответствии с вашим отдельным списком «Что кому надо»!

Туж уж мы просто взвыли!.. Вот так благополучно закончилось мое хлопотливое и вначале, казалось, не предвещавшее ничего хорошего дежурство...

Т РЫБКИНА

— Да я и не жалуюсь на атмосферу,— засомневался Рыбкин,— и коллектив хороший, намеки понимаю.

— А вы хотите перечеркнуть наши общие усилия, противопоставляете себя.

— Да я что,— не на шутку перепугался Рыбкин,— вы меня неправильно поняли...

Директор института поздравил Сквознякова и похвалил Витухина. Рыбкина, сколько ни силился, вспомнить не сумел... Однако заметил: «Хорошо, что к большим делам привлекаете молодежь, пусть набираются ума-разума...»

— Буду докладывать выше,— сказал директор.

Самому Анатолию Ивановичу пришлось долго объяснять суть дела, а когда он понял, то покрылся липкой испариной... Такое случается раз в сто лет. И обязательно в год активного солнца...

— Оформляйте,— великодушно согласился он,— подпишу обеими руками.

Скромные листки Рыбкина утонули в глубине увесистого тома с солидными главами: к истории вопроса, экономическое обоснование и т. д.

С толстым томом под мышкой Анатолий Иванович зашел к самому Павлу Захаровичу.

— Наслышан, наслышан,— радушно сказал Павел Захарович,— большая удача, можно сказать, эпоха...

— Стараемся в меру своих скромных сил,— потупился Анатолий Иванович.

— Да уж не прибедняйтесь. Такое своротить!.. Где ваши авторы?— Павел Захарович стал внимательно изучать авторский коллектив...

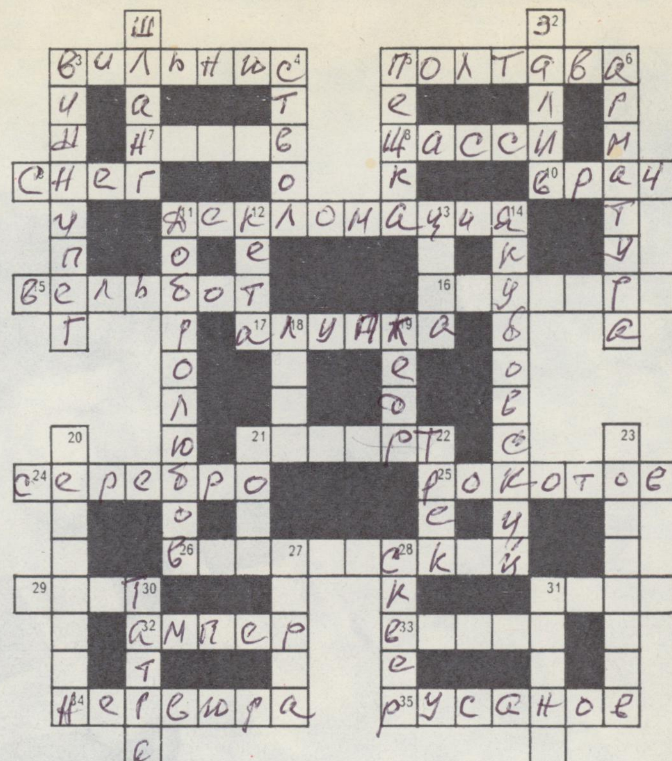
— Многовато. Но люди все достойные... А это кто? Какой-то Рыбкин...— Павел Захарович задумался.— Балуем мы молодых. Молодой человек помыл пробирки в эксперименте, и мы его включаем в соавторы...

Павел Захарович решительно взял авторучку и провел перед Рыбкиным жирную черту...

Сквозняков торопился на симпозиум по новому направлению и Рыбкина слушал невнимательно.

— Да, да, конечно,— поддакивал он огорченному Рыбкину, нетерпеливо барабаня пальцами по письменному столу,— вышла неувязочка, недоразумение, так сказать... Но все на пользу, на общее благо, так сказать. Вы молоды, Рыбкин, у вас все впереди. Стоит ли мелочиться? Открытия вас ждут! Дерзайте!

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Столица союзной советской республики. 5. Поэма А. С. Пушкина. 7. Приток Буга. 8. Взлетно-посадочное устройство самолета. 9. Атмосферные осадки. 10. Специалист с медицинским образованием. 11. Искусство художественного чтения. 15. Быстроходная шлюпка. 16. Древнегреческий писатель и историк. 17. Курорт в Крыму. 21. Композитор, автор оперы «Волшебная флейта». 24. Химический элемент, металл. 25. Русский живописец-портретист. 26. Советский ученый, основатель геохимии, радиогеологии. 29. Венгерский композитор, пианист, дирижер XIX века. 31. Низшее растение. 32. Единица силы электрического тока. 33. Ткань с ворсом, бархатистой поверхностью. 34. Элемент конструкции крыла самолета. 35. Русский полярный исследователь.

По вертикали: 1. Гибкий, прорезиненный рукав для подачи жидкостей, газов. 2. Часть водоема, вдающаяся в сушу. 3. Озеро в Канаде. 4. Часть огнестрельного оружия. 6. Шахматная фигура. 8. Составная часть железобетонных конструкций. 11. Революционный демократ, критик, публицист. 12. Лососевая рыба. 13. Река в Забайкалье. 14. Маршал Советского Союза. 18. Картина А. А. Пластова. 19. Хвойное вечнозеленое дерево. 20. Действующее лицо пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 21. Советский график, мастер сатирического рисунка. 22. Сооружение для соревнования по велотоспорту. 23. Повесть В. В. Быкова. 27. Опера В. Беллини. 28. Небольшой общественный сад. 30. Марка чехословацких автомобилей. 31. Плоская поверхность, составляющая угол с другой такой же поверхностью.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 7. Бетатрон. 8. Стародум. 10. Хроника. 11. Роберт. 13. Яблоня. 15. Стенд. 17. «Березка». 18. «Устрицы». 19. Термодинамика. 22. Мензула. 23. Гандбол. 24. Рондо. 25. Декарт. 28. Скопин. 30. Архипов. 31. Генетика. 32. Берсенев.

По вертикали: 1. Берковец. 2. «Лакме». 3. Брехт. 4. «Даная». 5. Посол. 6. Гусеница. 9. Интеллигенция. 12. Резервуар. 14. Ботвинник. 15. «Самовар». 16. Дуранго. 20. Пересвет. 21. Молибден. 26. «Антей». 27. Тапир. 28. Свирь. 29. Отсек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: О. Кипренский. Портрет В. А. Жуковского. 1816. Государственная Третьяковская галерея.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Тульской области многое связано с жизнью и творчеством В. А. Жуковского. Вид с места, где была усадьба поэта, на село Мишенское * Вещи из дома Жуковского в городе Белеве (художественно-краеведческий музей имени В. А. Жуковского в Белеве) * Н. Жиляев. Старый Белев * Комната Жуковского в художественно-краеведческом музее Белева * Мемориальные вещи поэта.

См. в номере материалы, посвященные 200-летию со дня рождения В. А. Жуковского.

Фото В. Тобольского.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.01.83. Подписано к печати 01.02.83. А 00618. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 335. Заказ № 3708.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

«Снежный бал» уверенно становится традиционным. Лучшие исполнители современного бального танца четвертый раз съехались в Черноголовку. Организовали же этот праздник сотрудники научного центра АН СССР.

Конкурсы бального танца в нашей стране проводятся часто. Проходят они в масштабе города, потом республики, а лучшие танцоры-победители не просто соревнуются, но еще и обмениваются опытом, помогают друг другу.

И вот «снежный бал» открыт. Улыбки, аплодисменты, волнение, радость, иногда даже слезы... Ведь мечта каждого — попасть в финал. Но строгие судьи видят все... Зрители же все время пребывали в праздничной атмосфере. Кстати, желающих попасть в зрительный зал было во много раз больше, чем обладателей билетов. В Черноголовку — городок Московской области — приехали гости даже из Комсомольска-на-Амуре. Участвовали в конкурсе и дети. И надо было видеть восторг и волнение родителей!

Почти все участники бала-соревнования — призеры своих городов и республик. Например, Ролан Цалман и его партнерша Регита Лаце — неоднократные чемпионы Латвии среди младших школьников. На вопрос, как они относятся к тому, что в Черноголовке заняли восьмое место, Ролан ответил: «Доволен!»

Праздник танца не забудется. Танцоры благодарят тренеров и организаторов. И хотя соревнования по современному танцу относятся к спортивным мероприятиям, «снежный бал» запоминается как встреча с подлинным искусством.

1 Разучиваем новый танец!

2 Вальс.

3 Кто же все-таки победит!..

4 Соперницы.

5 Судьи конкурса.

С Н Е Ж Н

2

3

4

5

Ы Й   Б А Л

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

